

Том 13, № 1, 2023

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 13, No. 1, 2023

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Слуцкий Л.Э., Худоренко Е.А.</i> Особенности современной языковой политики России в ближнем зарубежье.	6
<i>Симонов К.В.</i> Госуправление на распутье: ручная вертикаль, институты или технологии?	15
<i>Белоконов С.Ю., Гавров С.Н.</i> Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи.	21
<i>Подобревецкая Е.С.</i> «Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования	30
<i>Махаматова С.Т.</i> Импортозамещение и национальные проекты как стимулы развития российской экономики в условиях экономических санкций.	35

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Швецов А.В.</i> Олимпийские зимние игры: этапы развития и страны – лидеры общего медального зачета.	41
<i>Жукова Л.В.</i> Анализ изменений, внесенных в проект бюджета США, в контексте демократического курса Джо Байдена (влияние на бюджетный дефицит в 2022–2031 годах и экономику в целом).	50
<i>Благовещенский Р.И.</i> Еврооптимизм и евроскептицизм на примере британских лейбористов, либеральных демократов и Шотландской национальной партии	56
<i>Петросянец Д.В., Селезнев П.С., Митрахович С.П.</i> Особенности политики брендинга ведущих российских экономических университетов	63
<i>Брушкова Л.А., Климова Е.О.</i> Мистика и суеверия в повседневной жизни студентов московских вузов	72
<i>Гимаев Я.А.</i> Особенности обучения студентов финансово-экономического вуза общеамериканскому произношению в рамках коммуникативно ориентированного подхода	79
<i>Захцер Е.М.</i> Стихи как средство развития профессиональной лексики	84

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Кикнадзе В.Г.</i> Как идеи национализма и неонацизма овладевают массами.	91
<i>Трошин А.А.</i> «Темные медиа» в процессах экскоммуникации: концепция Юджина Такера в историческом контексте сектантских практик	98
<i>Конищев Е.С.</i> Концептуальная модель оптимизации системы территориального управления с применением программных методов в Российской Федерации	104
<i>Галас М.Л.</i> Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка	111
<i>Кармова М.Р., Максимова О.И.</i> Феномен коммуникативной солидарности и коммуникативного конфликта в социальных медиа	122

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Вилкова А.А., Сулагаева К.Г.</i> Политико-психологические вызовы информационной войны против российского государства в условиях специальной военной операции	128
<i>Коршунова Ю.А.</i> Социально-экономические эффекты стигматизации ВИЧ-инфицированных: опыт качественного исследования	135

COVER STORY: INTERNAL AND EXTERNAL AGENDA OF THE MODERN RUSSIAN STATE

- Slutsky L.E., Khudorenko E.A.** Specifics of Russia's Contemporary Language Policy in the Near Abroad. 6
- Simonov K.V.** Public Administration at a Crossroads: Manual Vertical Relationship, Institutions, or Technologies? 15
- Belokonev S. Yu., Gavrov S.N.** Postmodern Ideologems vs Nationally Oriented Worldview: Toward an Understanding of the Political Picture of the World of Russian Youth 21
- Podobreevskaya E.S.** The "Green Agenda" in the Political Process of Modern Russia: The Features of Formation 30
- Makhamatova S.T.** Import Substitution and National Projects as Incentives for the Development of the Russian Economy under the Conditions of Economic Sanctions 35

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Shvetsov A.V.** The Olympic Winter Games: Stages of Development and Leading Countries in the Overall Medal Standings 41
- Zhukova L.V.** Analysis of the Changes Made to the US Draft Budget in the Context of Joe Biden's Democratic Polity and Agenda (Impact on the Budget Deficit in 2022–2031 and the Economy as a Whole) 50
- Blagoveshchenskiy R.I.** Eurooptimism and Euroscepticism on the Example of the British Labour Party, Liberal Democrats and Scottish National Party 56
- Petrotsyants D.V., Seleznev P.S., Mitrakhovich S.P.** Features of the Policy of Branding Leading Russian Economic Universities 63
- Bruskova L.A., Klimova E.O.** Mysticism and Superstitions in Everyday Life of Moscow Students 72
- Gimaev Ya.A.** Features of Teaching Students of a Financial and Economic University to the General American Pronunciation Within a Communicative Language Teaching Approach 79
- Zakhtser E.M.** Poems as a Means of Developing Professional Vocabulary 84

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Kiknadze V.G.** How the Ideas of Nationalism and Neo-Fascism are Taking Hold of the Masses 91
- Troshin A.A.** "Dark Media" in Excommunicative Processes: Eugene Tucker's Concept in the Historical Context of Sectarian Practices 98
- Konishchev E.S.** The Conceptual Model for Optimizing the System of Territorial Administration Using the Programming Methods in the Russian Federation . . . 104
- Galas M.L.** Peculiarities of the Political Consciousness and Behaviour of Russian Youth in a Turbulent World Order 111
- Karmova M.R., Maksimova O.I.** The Phenomenon of Communicative Solidarity and Communicative Conflict in Social Media 122

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Vilkova A.A., Sulagaeva K.G.** Political-Psychological Challenges of the Information War against the Russian State in the Conditions of a Special Military Operation. 128
- Korshunova Yu.A.** Socio-Economic Effects of HIV Stigmatization: Experience of Qualitative Research. 135

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 13, № 1 (61), 2023

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подпски

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 15.03.2023

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 16,28 усл. п. л.

Заказ № 251

Отпечатано в отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 15.03.2023

Format 60 x 84 1/8.

Size 16,28 printer sheets.

Order № 251

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© *Financial University*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-6-14
УДК 81.272(045)

Особенности современной языковой политики России в ближнем зарубежье

Л.Э. Слуцкий, Е.А. Худоренко
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию современного состояния внешней языковой политики России в ближнем зарубежье. Авторы дают определение языковой политики России за рубежом, перечисляют ее внутренние и внешние факторы, проводят анализ эффективности, определяют особенности развития на постсоветском пространстве и влияния на качество и результативность интеграционных процессов в Евразийском регионе. В контексте анализа российской языковой политики в ближнем зарубежье авторы рассматривают проблемы сохранения и продвижения русского языка в международном пространстве, главными среди которых являются: сокращение географии применения русского языка и изменение его статуса в странах ближнего и дальнего зарубежья. В заключительной части статьи автор предлагает пути и решения, направленные на усиление результативности языковой политики России как в глобальном, так и в региональном измерении.

Ключевые слова: языковая политика; ареал распространения русского языка; статус русского языка; культурно-гуманитарное сотрудничество; интеграционные процессы; Евразийский экономический союз; постсоветское пространство; соотечественники за рубежом; индекс глобальной конкурентоспособности; индекс устойчивости русского языка; продвижение русского языка за рубежом

Для цитирования: Слуцкий Л.Э., Худоренко Е.А. Особенности современной языковой политики России в ближнем зарубежье. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-6-14

ORIGINAL PAPER

Specifics of Russia's Contemporary Language Policy in the Near Abroad

L.E. Slutsky, E.A. Khudorenko
The Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the current state of Russia's foreign language policy in the near abroad. The authors define Russia's language policy abroad, identify its internal and external factors, analyze its effectiveness, and determine the specifics and peculiarities of its development in the post-Soviet space and its influence on the quality and effectiveness of integration processes in the Eurasian region. In the context of the analysis of Russian language policy in the near abroad, the authors consider the problems of preservation and promotion of the Russian language in the international space, the main among which are the following: the reduction of the geography of use of the Russian language and changes in its status in the near abroad and far abroad countries. In the concluding part of the article, the authors propose ways and solutions to strengthen the effectiveness of Russia's language policy in both global and regional dimensions.

Keywords: language policy; distribution area of the Russian language; the status of the Russian language; cultural and humanitarian cooperation; integration processes; Eurasian Economic Union; post-Soviet space; compatriots abroad; global competitiveness index; stability index of the Russian language; promotion of the Russian language abroad

For citation: Slutskiy L.E., Khudorenko E.A. Peculiarities of Russia's modern language policy in the near abroad. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-6-14

ВВЕДЕНИЕ

В трактате о происхождении языков Жан-Жак Руссо, рассматривая проблему происхождения языка в рамках общей проблемы происхождения социума и государства, считал речь «первым установлением общества», придавая ей особое значение в формировании политического сообщества [1].

Установления же сообщества по поводу языка формируют не что иное, как языковую политику, под которой много лет спустя однофамилец философа Л.Ж. Руссо рассматривал «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом, направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [2].

Если говорить о языковой политике государства в региональном или международном измерении, то следует понимать под ней совокупность мер по поддержке, сохранению и продвижению государственного языка в международном поликультурном и полиязыковом пространстве. В таком виде языковая политика неразрывно связана с внешней политикой, являясь одним из инструментов продвижения интересов государства. А это значит, что роль, вес и значение государства в современной системе международных отношений зависят не только от его непосредственной деятельности на мировой арене, но и от результативности применимой языковой политики.

Следует отметить, что в настоящий момент ситуация в мире является чрезвычайно сложной для развития российской языковой политики за рубежом. В первую очередь этому способствует эскалация военно-политического и энергетического кризисов в Европе, прокси- и гибридные войны, развязанные странами коллективного Запада, все возрастающее давление и попытки изолирования России, курс на ее агрессивную демонизацию, а также общая политическая и экономическая нестабильность в условиях глобальной турбулентности и нарастающего хаоса в международных отношениях.

Между тем, будучи частью внешней политики, одним из инструментов мягкой силы, российская языковая политика за рубежом способна воздействовать на эффективность отношений между странами. Особенно это важно для развития объединительных тенденций в евразийском

пространстве, в котором языковая политика России служит не только основой единения стран бывшего СССР, но и определяет гуманитарную составляющую евразийского сотрудничества, качество и результативность интеграционных процессов в регионе.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

В настоящее время существует несколько негативных тенденций, определяющих ситуацию с русским языком в ближнем зарубежье. В первую очередь это:

- сужение ареала русского языка;
- изменение статуса русского языка в международном и региональном пространстве.

Данные тенденции можно отнести к наиболее значимым и самым серьезным, особенно для стран постсоветского пространства, результатом негативного развития которых стало вытеснение русского языка из общественно-политической, научной и образовательной сферы, из области межэтнической коммуникации.

Еще одной тенденцией стало повсеместное усиление позиций английского языка вплоть до официального «трехязычия» в Казахстане или, к примеру, неофициальной, но тем не менее устоявшейся к настоящему времени практики изучения трех языков в Азербайджане.

Исторически важным событием является отказ от кириллицы и переход на латиницу в таких странах, как Молдова, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Причем все это происходит на фоне геноцида русского языка на Украине при усилении давления на него в странах Балтии, Молдове и Грузии, формирующегося в условиях неблагоприятной политической обстановки и постоянного нагнетания напряжения.

В дополнение к вышеперечисленному можно добавить еще несколько менее существенных проблем, тем не менее, оказывающих отрицательное влияние на результативность, качество и функционирование российской языковой политики за рубежом. К ним относятся:

- нехватка учебников;
- недостаточное количество учителей-русистов;
- сложности с повышением квалификации и, как следствие, снижение профессионализма среди молодых преподавателей русского языка и литературы;

- падение престижа профессии учителя-руссиста (почти повсеместно в СНГ и Балтии);
- уменьшение числа школьников, изучающих русский язык в сельских районах (прежде всего из-за нехватки учителей, республики Средней Азии) [3].

Следует признать, что проблема снижения значимости русского языка является общей для всех стран ближнего зарубежья. Это комплексная проблема, имеющая далеко идущие гуманитарные и политические последствия. Сокращение ареала использования русского языка, падение его значимости, а следовательно, и престижности, серьезно обостряет ситуацию с развитием и продвижением российской культуры и образования на русском языке, сводит на нет социально-гуманитарное присутствие России в системе международных отношений. Результатом является отторжение ценностей российской культуры, падение ее значимости и привлекательности. Так, к примеру, величайшие произведения российской художественной, в том числе детской литературы практически больше не переводятся на европейские и государственные языки народов стран ближнего и дальнего зарубежья¹.

Между тем в интервью газете Известия в 2019 г. Джозеф Най, автор концепции «мягкой силы» в мировой политике, отметил, что для России именно культура является главным источником мягкой силы².

И, действительно, посредством культурно-гуманитарного сотрудничества достигается взаимопонимание между представителями разных культур и решаются такие задачи, как:

- популяризация и распространение русского языка и русской культуры;
- сохранение духовных связей между народами постсоветского пространства;
- формирование единого культурного-образовательного и информационного пространства;
- поддержание национальной самобытности русскоязычной диаспоры [4].

Однако следует отметить, что вектор деятельности языковой политики не ограничивается лишь культурно-гуманитарным сотрудничест-

вом. По мнению современных исследователей, языковая политика за рубежом — не только часть внешней политики государства, но еще и средство, орудие воздействия государства на международные и межгосударственные отношения [5]. Получается, что языковой вопрос может как сблизить политические позиции государств, так и стать источником конфронтации, выступить в качестве лакмуса измерения политического настроения [6].

Негативный пример мы наблюдаем на территориях некоторых граничащих с Россией стран, в условиях становления в них националистических, а порою и откровенно фашистских режимов, реализующих политику расизма в отношении части собственного населения, говорящего на русском языке [7].

Таким образом, статус русского языка во внешнем пространстве теперь является не только предметом внимания языкознания, но и сложным политическим вопросом. Он определяет влияние России и затрагивает ее национальные и стратегические интересы [8]. Вследствие этого имеющие место процессы дерусификации в некоторых странах бывшего СССР вполне можно трактовать не только как стремление дистанцироваться от России с целью реализации собственных узко национальных или навязанных извне интересов (зачастую имеющих явную агрессивную антироссийскую направленность), но и как инструмент грубых политических манипуляций, прокси- и гибридных войн, развязанных против нашей страны.

Кроме того, следует понимать особую роль русского языка и, как следствие, языковой политики России в осуществлении процессов интеграции на постсоветском пространстве. Так, если одним из источников российской мягкой силы, согласно Джозефу Наю, является культура, то другой ее резерв, по мнению ученого, заключен в ближнем зарубежье, в странах, которые когда-то входили в СССР, и где живет русскоязычное население — люди, работающие в Москве и получившие в России высшее образование³.

И, действительно, русский язык в ближнем зарубежье не только служит формированию единого гуманитарного пространства, но и способствует объединительным тенденциям в регионе.

¹ В СФ призвали поменять методику преподавания русского языка. URL: <https://ria.ru/society/20150204/1045884065.html>

² Культура — главный источник российской мягкой силы. URL: <https://iz.ru/927134/ekaterina-postnikova-nadezhda-aleshkina/kultura-glavnyi-istochnik-rossiiskoi-miagkoi-sily>

³ Культура — главный источник российской мягкой силы. URL: <https://iz.ru/927134/ekaterina-postnikova-nadezhda-aleshkina/kultura-glavnyi-istochnik-rossiiskoi-miagkoi-sily>

Так, к примеру, одним из целевых индикаторов интеграции в 2011–2015 гг., согласно федеральной целевой программе «Русский язык», был показатель числа государств — участников СНГ, в которых более 20% населения владеет русским языком⁴. Русский язык является рабочим языком ЕАЭС. А 2023 г. объявлен в содружестве Годом русского языка как языка межнационального общения.

Следует признать, что снижение значимости русского языка в евразийском пространстве ведет к снижению социально-гуманитарного присутствия России в регионе и, как следствие, — к росту негативных оценок и скептического отношения населения стран ближнего зарубежья к интеграции [9]. Так, годы существования ЕАЭС, по мнению главного научного сотрудника Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Вячеслава Додонова, указывают на то, что проблемность интеграции связана с ее оценками [10]. И, действительно, отрицательное восприятие ведет к непониманию и обструкции интеграционных процессов в целом.

Рассмотрим это на примере Казахстана, страны, в которой на период распада СССР было наибольшее число русскоговорящего населения среди всех стран постсоветского пространства и, соответственно, самая большая поддержка русского языка, а президент первым заявил о необходимости осуществления интеграционного проекта в Евразийском регионе. Согласно данным Евразийского банка развития, снижение привлекательности интеграции для населения Казахстана за период с 2014 по 2017 г. составило 10%, упав с 84 до 74% соответственно⁵. Начиная с 2018 г. Евразийский банк развития перестал публиковать результаты ежегодного социального опроса интеграционных ориентаций граждан стран ближнего зарубежья. В связи с этим в настоящее время, к сожалению, отсутствует надежный и объективный инструмент оценки предпочтений граждан евразийского пространства. Однако в ежегодном докладе Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации в феврале 2019 г.

отмечено, что уровень поддержки процессов евразийской интеграции в странах — членах ЕАЭС в последние годы имел тенденцию к снижению⁶.

Данная ситуация сохранилась и еще больше обострилась в условиях пандемии. Так, в Казахстане, по данным ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, в 2020 г. наблюдалась самая высокая динамика снижения позитивных оценок деятельности ЕАЭС среди всех стран — членов интеграционного проекта⁷. А в октябре 2020 г. в Павлодарской области республики произошли митинги и протесты с требованием убрать русский язык из конституции страны⁸.

Впоследствии в стране происходили и другие события, направленные на дискредитацию русского языка, к примеру, осуществлялась деятельность «языковых патрулей» Куата Ахметова, которые, посещая магазины и государственные учреждения, требовали от сотрудников говорить исключительно на государственном казахском языке, снимая все сцены на видео и выкладывая их на YouTube-канале «Til Maydanı онлайн партиясы».

«К сожалению, в последнее время мы стали свидетелями ряда резонансных проявлений ксенофобии в отношении русскоязычных граждан Казахстана», — отметил глава МИД России С. Лавров в статье «Россия и Казахстан: сотрудничество без границ», опубликованной в 2021 г. в «Российской газете» [11].

Подводя итог анализу развития негативных тенденций в отношении русского языка и российской языковой политики в ближнем зарубежье, следует отметить, что современная ситуация в ряде стран постсоветского пространства не дает повода для оптимизма. В то же время анализ развития национальных языковых политик демонстрирует, что происходит явное снижение значимости русского языка, дискриминация населения по языковому признаку и укрепление национальных интересов вплоть до сознательно вводимой стратегии дерусификации [12]. Безусловно, требуются самые серьезные меры для изменения ситуации.

⁴ О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.06.2011 № 492 (в ред. Постановления Правительства РФ от 02.04.2012 № 281).

⁵ Подсчитано авторами на основе данных ежегодных докладов «Интеграционный барометр» центра интеграционных исследований ИБР ЕАЭС за 2014–2017 гг.

⁶ Разноуровневая и разнотемпная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; 2019.

⁷ Экспертный онлайн-семинар ЦКЕМИ НИУ ВШЭ «Интеграция в условиях локдауна» URL: <https://clck.ru/c5rcg>

⁸ В России отреагировали на «антирусский» митинг в Казахстане. URL: <https://polit.ru/news/2020/10/21/kz/>

Между тем было бы неправильно заявить о крайнем ослаблении языковой политики России за рубежом в целом и в евразийском пространстве в частности. Если вернуться к примеру Республики Казахстан, то следует отметить, что, несмотря на имевшие место определенные проблемы, уровень проводимой Россией внешней языковой политики, собственно, как и уровень двусторонних отношений, позволяет, по мнению министра иностранных дел России С. Лаврова, «по каждому тревожному случаю оперативно принимать совместные меры», задействуя «прямые каналы связи — по линии МИД, органов правопорядка и юстиции, а также администраций президентов. Ведется слаженная работа неправительственного сектора, экспертного и журналистского сообщества двух стран». В результате чего, полагает министр, в настоящее время российско-казахстанские отношения являются примером стратегического партнерства и союзничества [11].

Иначе говоря, проблемы, связанные с русским языком, решаются общими усилиями двух государств. Совместная деятельность способствует не только сохранению, но и продвижению русского языка в республике. Именно высокий уровень развития отношений является основой борьбы с различными негативными проявлениями и постоянного совершенствования проводимой в республике языковой политики, направленной на бережное и взвешенное отношение к русскому языку с упором на его важность и значимость для населения страны⁹. Более того, в октябре 2022 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев выступил с инициативой создания под эгидой СНГ международной организации по поддержке и продвижению русского языка в ближайшем зарубежье¹⁰.

Еще одним весьма ощутимым позитивным следствием развития внешней языковой политики России стало значительное, по сравнению с предыдущими годами, увеличение количества иностранных граждан, изучающих русский язык и российскую литературу, доля которых растет во всех вузах России. Так, в 2018 г. доля иностранных студентов достигла 7,88% против 3,17% в 1991 г.¹¹

⁹ Токаев отметил важность взвешенной языковой политики. URL: <https://kz.mir24.tv/news/136399>

¹⁰ В СНГ создадут организацию по поддержке и продвижению русского языка. URL: <https://ria.ru/20221014/sng-1823964823.html/>

¹¹ Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Вып. 9. М.: Центр социологических исследований; 2019.

В 2019–2020 учебном году общее количество иностранных студентов поднялось до отметки в 315 тыс. чел., что составило уже около 8% от общего числа студентов в России¹². По данным Института статистики ЮНЕСКО, Россия вошла в шестерку стран, наиболее привлекательных для иностранных студентов и занимала 6-е место наравне с Германией.

Однако уже в 2021 г., по данным Министерства науки и высшего образования, общее количество обучающихся в стране иностранцев составило 324 тыс. чел., в силу чего Россия переместилась на 5-е место в мире по привлекательности для иностранных студентов¹³. Предполагается, что к 2025 г. число иностранных студентов в России вырастет до 710 тыс. чел.¹⁴

Следует отметить, что в топе стран с самым большим числом студентов, поступивших в вузы России, лидирует ближнее зарубежье. В первую очередь это относится к Казахстану, Узбекистану, Туркменистану, Таджикистану, Украине, Беларуси, Азербайджану, Киргизии и Молдове.

С развитием российской языковой политики связан и наблюдаемый в настоящее время рост поддержки соотечественников. Так, следствием внесения поправок в основной закон страны стало появившееся в Конституции РФ 2020 г. положение о защите их прав и интересов за рубежом¹⁵. В январе 2021 г. был утвержден «Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 годы», в котором большое значение придается созданию и развитию информационных ресурсов организаций соотечественников, а также их привлечению к обучению в России¹⁶.

¹² Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году. URL: https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/?sphrase_id=249117

¹³ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/>

¹⁴ Россия вошла в список самых привлекательных для иностранных студентов стран. URL: <https://ria.ru/20181210/1547722136.html>

¹⁵ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48955>

¹⁶ Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 годы (утв. Президиумом Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, январь, 2021 г.). URL: <https://base.garant.ru/400417732/>

В октябре 2021 г. в Москве прошел VII Всемирный конгресс российских соотечественников, собравший рекордное количество участников — 400 делегатов из 102 стран мира. Одна из секций конгресса была посвящена исследованию роли русского языка в консолидации русскоязычных общин за рубежом¹⁷. А одним из самых обсуждаемых вопросов стало предложение главы МИД РФ Сергея Лаврова об автоматической выдаче гражданства детям от смешанных браков в случае, если один из родителей является россиянином.

В декабре 2021 г. В.В. Путин внес в Думу на рассмотрение законопроект об упрощении получения гражданства для определенных лиц, который в первую очередь направлен на реализацию интересов соотечественников за рубежом¹⁸.

Меняется и само понятие «соотечественник», которое до сих пор трактовалось весьма неоднозначно, включая в себя сразу несколько разноречивых определений¹⁹. В 2022 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, согласно которому соотечественниками должны признаваться лица, владеющие русским как государственным языком Российской Федерации и относящиеся к народам, исторически проживающим на территории России. В пояснительной записке к законопроекту подчеркивается, что русский язык является одной из составляющих общероссийской культурной идентичности, в силу чего именно его знание должно стать определяющим условием понимания того, кого можно отнести к соотечественникам²⁰.

Следует особо отметить, что в условиях проведения специальной военной операции деятельность соотечественников за рубежом исключительно важна, так как она способствует усилению поддержки России за пределами ее границ. По заявлению посла РФ в Ереване С. Копыркина, выражаемая ими позиция утверждает безусловную

нерушимость Русского мира, единства России и зарубежной диаспоры²¹.

Важно и их влияние в отношении продвижения русского языка. «Значительной остается роль организаций соотечественников, проживающих за рубежом, в популяризации русского языка, культуры, науки, образования, спорта и туризма, в развитии двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере и межкультурного диалога», — говорится в тексте принятой в сентябре 2022 г. Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом²².

Ежегодно как в России, так и за ее пределами проводится целый ряд мероприятий по расширению и углублению внешней языковой политики, направленных на поддержку и продвижение русского языка в межнациональном и поликультурном пространстве. В качестве примера можно привести фестиваль «Великое русское слово» в Крыму, в рамках которого российские и иностранные политики, политологи, социологи, филологи и ученые иных специальностей обсуждают и дают практические рекомендации по укреплению русского языка и совершенствованию языковой политики России. Целью фестиваля является усиление позиций русского языка, развитие русской культуры и международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

ВЫВОДЫ

Таким образом, оценивать языковую политику России за рубежом только лишь через призму снижения ареала языка, статуса и количества говорящих не нем — неправильно. Не стоит забывать, что среди стран постсоветского пространства даже в условиях достаточно сложной официальной позиции в отношении русского языка, он, тем не менее, является одним из самых востребованных для межнационального общения. Реальное положение русского языка в международном пространстве зависит от множества причин, зачастую взаимоисключающих или взаимодополняющих друг друга, иногда благодаря, или же, наоборот, вопреки официальным позициям национальных элит. К примеру, в Грузии, несмотря на довольно непростые отношения с Россией, отмечается подъем интереса у населения

¹⁷ Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <https://vksrs.com/events/vii-vsemirnyy-kongress/>

¹⁸ Путин внес в Думу законопроект об упрощении получения гражданства для определенных лиц. URL: <https://www.interfax.ru/russia/813138>

¹⁹ Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2015) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/

²⁰ Предлагается изменить определение «соотечественники за рубежом» в российском законодательстве. URL: <http://duma.gov.ru/news/53865/>

²¹ Посол России в Армении прокомментировал отношения двух стран. URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/16/posol/>

²² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. URL: <http://www.ksorsperu.com/wp-content/uploads/2022/09/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTA EA16OU.pdf>

к русскому языку, что объясняется не только и не столько местными политико-идеологическими установками, сколько внутрисоциальной инициативой самого грузинского народа, инициатирующего его использование в повседневной жизни [6].

Для анализа российской языковой политики за рубежом коллективом сотрудников государственного института русского языка им. А. С. Пушкина был разработан индекс глобальной конкурентоспособности русского языка, определяющий его реальное положение в мире, и индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства, оценивающий его место и роль для государств бывшего СССР.

Первый рассчитывается исходя из конкурентоспособности русского языка среди 12 наиболее крупных мировых языков на основании шести следующих параметров:

- численность говорящих на языке;
- статус языка в международных организациях (официальный или рабочий);
- количество публикаций в международных научных базах данных;
- количество СМИ;
- численность пользователей интернета;
- количество ресурсов в интернете [13].

Для расчета второго используются три показателя: роль языка в государственно-общественной сфере, образовании и научной коммуникации [14]. Анализ индекса устойчивости русского языка на постсоветском пространстве определил тройку лидеров: Беларусь, Киргизия и Казахстан.

Вышеприведенные универсальные индексы — это еще один успешный шаг в развитии языковой политики России. Исследуя составляющие их величины и опираясь на полученные данные, можно гораздо точнее осуществлять меры по совершенствованию российской языковой политики за рубежом в целом и на постсоветском пространстве в частности.

Между тем следует понимать, что ряд представляемых индексами параметров в силу обстоя-

тельств со временем может сокращаться, а это значит, что для осуществления успешной языковой политики за рубежом требуется реализация не одного и не девяти (шести в рамках индекса глобальной конкуренции и трех для стран постсоветского пространства) показателей, а целого комплекса мер, рассчитанных на длительную перспективу. И в первую очередь это касается формирования благоприятной среды и ее дальнейшего успешного развития.

«В странах, с которыми Россия поддерживает экономическое и политическое сотрудничество, есть реальный всплеск интереса к русскому языку», — заявил в ноябре 2019 г. на заседании Совета при президенте по русскому языку В. В. Путин, подчеркнув далее, что интерес этот будет только возрастать по мере роста влияния и благосостояния России в самом широком смысле этого слова²⁵.

В свою очередь, рост благосостояния и влияния России предполагает усиление военного, экономического, научного и инновационного потенциала страны, базой для которого должно стать прогрессивное развитие страны и углубление интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Без этого, а также без обоюдного взаимодействия в различных сферах деятельности со странами, чьи национальные интересы так или иначе совпадают с национальными интересами российского государства, создать действенную языковую политику за рубежом не представляется возможным. Собственно, как невозможно и обратное: полноценное развитие без культурно-гуманитарной составляющей или же эффективная интеграция без качественной языковой политики. Только вместе они составляют ту силу, противостоять которой не сможет ни одно государство, сколь бы недружественными не были его намерения.

²⁵ Заседание Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/40/61986>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Педагогика; 1981.
2. Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики. Языковая политика в современном мире. СПб.: Златоуст; 2007.
3. Арефьев А.Л. Информационно-аналитическая записка по основным проблемам функционирования русского языка в мире и пути их решения (рекомендации по поддержке русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья и повышению его статуса) М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга; 2019. 42 с.

4. Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции. *Постсоветские исследования*. 2021;(5):400–408.
5. Хашимов Р.И. Очерки по языковой политике и культуре. Монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина; 2003. 120 с.
6. Лавицкий А.А. Языковая политика стран СНГ: актуальное состояние и перспективы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021;(4):16–27.
7. Лопуха А.Д., Лопуха Т.Л., Марковчин С.Г. Угрозы и вызовы современного мира и современная политика России. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;(4):408–417.
8. Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии. *Постсоветские исследования*. 2020;3(3):250–270.
9. Перебоев В. Общественное восприятие евразийской экономической интеграции в странах региона СНГ. URL: https://eabr.org/press/news/rukovoditel-napravleniya-tsii-eabr-vladimir-pereboev-vystupil-s-dokladom-obshchestvennoe-vospriyatie/?sphrase_id=2169
10. Додонов В. Прогресс и проблемы евразийской интеграции. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/progress-i-problemy-evraziyskoj-integratsii/>
11. Лавров С. Россия и Казахстан: сотрудничество без границ. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4924324
12. Юдина Н.В., Мельничук М.В. Языковая политика в странах ближнего зарубежья. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):66–71.
13. Камышева С.Ю. Объективные инструменты оценки глобальной конкурентоспособности языков. II Международный конгресс «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ)» (Алма-Ата, 26–28 октября 2021 г.). Сборник тезисов. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; 2021. 300 с.
14. Арефьев А.Л., Горбатова Д.А. и др. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; 2020. 36 с.

REFERENCES

1. Rousseau J.-J. Experience on the origin of languages, as well as on melody and musical imitation. Selected Works. Vol. 1. Moscow: Pedagogy; 1981. (In Russ.).
2. Russo L.-Zh. The Development and Implementation of language policy. Language policy in the contemporary world. St. Petersburg: Zlatoust; 2007. (In Russ.).
3. Aref'ev A.L. Information and analytical note on the main problems of the functioning of the Russian language in the world and ways to solve them (recommendations for supporting and promoting the Russian language in the countries of near and far abroad and raising its status). Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2019. 42 p. (In Russ.).
4. Baktybaeva A. Factors hindering the development of humanitarian cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the course of Eurasian integration. *Post-Soviet Studies*. 2021;(5):400–408. (In Russ.).
5. Khashimov R. I. Essays on language policy and culture. Ministry of Education of the Russian Federation. Monograph. Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin; 2003. 120 p. (In Russ.).
6. Lavickij A.A. Language policy of the CIS countries: current state and prospects. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021;(4):16–27. (In Russ.).
7. Lopukha A.D., Lopukha T.L., Markovchin S.G. The threats and challenges of the modern world and modern policy of Russia. *Social and humanitarian knowledge*. 2022;(4):408–417. (In Russ.).
8. Iui Khaidzhu. The current state and position of the Russian language in the countries of Central Asia. *Post-Soviet Studies*, 2020;3(3):250–270 pp. (In Russ.).
9. Pereboev V. Public perception of Eurasian economic integration in the countries of the CIS region, a report at the XVII April international scientific conference on the problems of development of the economy and society URL: https://eabr.org/press/news/rukovoditel-napravleniya-tsii-eabr-vladimir-pereboev-vystupil-s-dokladom-obshchestvennoe-vospriyatie/?sphrase_id=2169 (In Russ.).

10. Dodonov V. The progress and problems of Eurasian integration (In Russ.). URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/progress-i-problemy-evraziyskoy-integratsii> (In Russ.).
11. Lavrov S. Russia and Kazakhstan: cooperation without borders. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/4924324 (In Russ.).
12. Iudina N. V., Mel'nichuk M. V. Language policy in neighboring countries. Humanities and social sciences. *Bulletin of the financial university = Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta*. 2020;10(6):66–71. (In Russ.).
13. Kamysheva S. Yu. Objective tools for assessing the global competitiveness of languages. II International Congress «Language Policy of the Commonwealth of Independent States (CIS)» (Alma-Ata, 26–28 October 2021). Collection of abstracts. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language; 2021. 300 p. (In Russ.).
14. Arefiev A.L., Gorbatova D.A. and others. Russian Language Position Index in the World: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in Post-Soviet Countries (Sust-Index). Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language; 2020. 36 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Леонид Эдуардович Слуцкий — доктор экономических наук, заведующий кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Leonid E. Slutsky — Doctor of Economics, Head of the Department of International Relations and Integration Processes, The Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6049-3976>
moip.msu@mail.ru

Елена Александровна Худоренко — кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Elena A. Khudorenko — PhD in Political Science, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, The Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9851-9561>
moip.msu@mail.ru

*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare*

*Статья поступила 01.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 01.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-15-20
УДК 32(045)

Госуправление на распутье: ручная вертикаль, институты или технологии?*

К.В. Симонов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена развилкам в эволюции современного российского государственного управления. Логика СВО вроде бы диктует необходимость дополнительной концентрации властных ресурсов и ставки на вертикаль власти и «ручное» управление. Традиционно этой модели оппонировал западный подход, призывавший сделать акцент на строительстве эффективных институтов. Надо понимать, что конфликт с Западом — это, в том числе, конкуренция систем принятия политических решений. Было бы странно, если бы РФ сейчас занялась копированием давно известных западных схем, однако и консервация традиционных методов может оказаться не лучшим выходом. В статье предлагаются варианты «игры на опережение» — использование цифровых государственных технологий, включающих современные экспертные системы, которые находятся еще в стадии разработки. При этом показывается, что неверно и даже опасно понимать цифровизацию госуправления исключительно как создание удобных цифровых сервисов.

Ключевые слова: государственное управление; цифровая политика; гостех; сервисное государство; экспертные системы; цифровые управленческие технологии

Для цитирования: Симонов К.В. Госуправление на распутье: ручная вертикаль, институты или технологии? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):15-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-15-20

ORIGINAL PAPER

Public Administration at a Crossroads: Manual Vertical Relationship, Institutions, or Technologies?*

K.V. Simonov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the ramifications in the evolution of modern Russian public administration. The logic of the Special Military Operation seems to dictate the need for an additional concentration of power resources and a focus on the hierarchical relationship structure and “manual” management. Traditionally, this model was opposed by the Western approach, which called for an emphasis on the formation of effective institutions. It should be understood that the conflict with the West is, among other things, a competition of political decision-making systems. It would be strange if Russia were to start copying the well-known Western schemes now, but the preservation of traditional methods might not be the best solution either. The article proposes options for “playing ahead” (tempo battle) — the use of digital government technologies, including modern expert systems that are still under development. At the same time, it shows that it is wrong and even dangerous to understand digitalisation of public administration only as the creation of convenient digital services

Keywords: public administration; digital policy; state technologies; service state; expert systems; digital management technologies

For citation: Simonov K.V. Public administration at a crossroads: Manual vertical relationship, institutions, or technologies? *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):15-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-15-20

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция подняла довольно много вопросов, среди которых значимое место занимает качество государственного управления. Речь идет о том, не стоит ли подумать о корректировке базовых подходов к этой стратегической теме. Здесь мы оказываемся в классической ситуации «богатыря на распутье», перед которым находятся три основные дороги, в данном случае — базовые модели организации государственного управления. Традиционно эта ситуация воспринимается как дилемма, но мы предлагаем добавить «третий путь», чтобы разбавить давнюю борьбу двух парадигм, полностью вписывающуюся в традиционные и давние споры «почвенников» и «западников».

Представители первого лагеря в разных видах отстаивают систему «ручного» управления. Они убеждены, что вертикально сконструированные структуры являются оптимальными и органично проистекают из российской политической традиции.

Радикальной альтернативой давно уже выступает ставка на строительство «хороших» институтов. В РФ уже сложилась довольно мощная школа либеральных экономистов, которые «вооружились» западной верой в институты и программными работами, ставшими своеобразными «библиями» этого лагеря [1]. Они считают, что ручное управление нужно менять на качественные административные институты, которые и приведут к эффективной организации публичной власти, и иногда в своей вере доходят до абсурда. Например, обсуждая тему энергетики, сторонники этого лагеря говорят, что страны с «хорошими» институтами (например, США, Канада или Норвегия) могут иметь мощный сырьевой сектор, включая добычу нефти. И это не приведет к консервации экономической и политической отсталости. А вот страны с «плохими» институтами добывать нефть не должны, так как в таком случае проявится «ресурсное проклятье», которое в итоге разрушит экономику и приведет к вечному политическому авторитаризму.

Очевидно, что в период СВО позиции «почвенников» серьезно усилились. Западные концепции по понятным причинам стали аутсайдерами дискуссий.

Кроме того, сама ситуация военного конфликта вроде бы требует от государства как

раз укрепления вертикали власти. Именно поэтому мы постоянно слышим призывы к экономической и даже духовной мобилизации, концентрации властных и управленческих полномочий. Мобилизация понимается не просто как перевод экономики на военные рельсы, а именно как дополнительная вертикализация управления как экономикой, так и государством в целом.

Вообще оптимальной схемой считается система управления периода Великой Отечественной войны. Отсюда и постоянные воспоминания о Государственном комитете обороны [2]. Кроме того, все чаще слышны голоса откровенных сталинистов. Ярчайший пример — книга «Кристалл роста», авторы которой уверяют, что в 1929–1955 гг. в Советской России «был установлен мировой экономический рекорд, который не превзойден до сих пор ни в одной стране мира» [3]. Социальные, политические и демографические последствия такого «рекорда» выносятся за скобки. Кроме того, не исследуются многие проблемы — положительные выводы об «управленческие успехах» делаются заранее. Скажем, для «фанатов» жестких управленческих технологий многие исторические исследования окажутся шоком — например, данные о массовом расхищении и разбазаривании продовольственных и промышленных товаров в период Великой Отечественной войны [4].

Соблазн мобилизации понятен и очевиден, однако провалы ручного управления игнорировать довольно сложно. Приведем только два примера. Ю. Борисов в декабрьском интервью газете «Ведомости» говорит о том, что при нынешней производственной модели «Роскосмос» выпускает 15 спутников в год, а теоретически может нарастить производство до 42-х. И тут же сообщает, что компании Илона Маска производят 6 спутников в день¹. Слишком жесткая и наглядная разница между вертикально управляемой госкомпанией и частной корпорацией. Причем это фиксирует бывший вице-премьер, который сегодня сам возглавляет «Роскосмос».

Второй пример — разговор 11 января 2023 г. президента В. В. Путина и Д. В. Мантурова, который уже десять лет является министром промышленности и торговли (а с лета 2022 г. — еще

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/characters/2022/12/21/956268-budem-rabotat-nad-sozdaniem-sereznoi-gruppirovki>

и вице-премьером) и отвечает за импортозамещение. Одна из болезненных тем — авиастроение. Мантуров пытается убедить президента, что с точки зрения госзаказа в отрасли все в порядке. В ответ на это Путин заявляет: «Я знаю, что контрактов нет на предприятиях, мне директора сказали. Что Вы, в самом деле, дурака-то валяете? Когда контракты будут? Я вот о чем говорю. Мне директора предприятий говорят: нет контрактов. А у Вас “всё сверстано”»². Получается, что вице-премьер пытается убедить первое лицо, что ситуация под контролем, но президент знает, что это не так, — ему напрямую сообщили директора предприятий. Большой вопрос: во всех ли отраслях директора имеют возможность донести до Путина, каково истинное положение дел? Концентрация принятия решений в одних руках создает очевидные риски невозможности оперативно и детально разобраться со всеми вопросами.

Между тем, противостояние с Западом — это, в том числе, и конкуренция систем управления: кто будет эффективнее, тот и окажется более конкурентоспособным в среднесрочной перспективе. А ведь конфликт затягивается.

Мы предлагаем другой путь — использование современных технологий государственного управления, напрямую связанных с цифровизацией. Сегодня нужны не архаичные методы госуправления и не упрямая вера в «хорошие» институты, а принципиально иной подход — гостех — государственные технологии.

Исследовательская группа, работающая под руководством автора в Финансовом университете над темой «Трансформация основных политических институтов и идеологий под влиянием цифровой революции», активно занимается этим вопросом. Современных цифровых управленческих технологий довольно много — это интерфейсы, дашборды, идентификационные смарт-карты, электронные резиденции, платформы открытых данных и маркетплейсы данных, платформы вовлечения граждан. Появляются отдельные технологические инструментариумы для активного взаимодействия институтов власти непосредственно с экспертным сообществом.

В данной работе мы не будем подробно рассказывать о самих технологиях — они описа-

ны в других статьях [5–7], и это предмет для отдельного освещения. В рамках статьи мы хотим зафиксировать сам подход к сфере государственного управления, который кажется нам более разумным.

ГОСТЕХ VS СЕРВИСНОЕ ГОСУДАРСТВО

Цифровизация предоставляет огромные возможности для развития государственного управления. И, казалось бы, российское государство с интересом относится к теме цифровизации, но проблема в том, что его больше волнует не гуманитарное измерение, а то, что можно назвать «железом».

Радикальной альтернативой давно уже выступает ставка на строительство «хороших» институтов. В РФ уже сложилась довольно мощная школа либеральных экономистов, которые «вооружились» западной верой в институты и программными работами, ставшими своеобразными «библиями» этого лагеря.

На самом деле, цифровые технологии открывают широчайшие возможности для вовлечения экспертов и граждан в систему подготовки государственных решений. Однако существует серьезная опасность, что вместо гостеха мы можем получить так называемое «сервисное государство», и это будет просто «цифровая консервация» архаичных способов управления.

Государственные регуляторы считают, что сегодня, прежде всего, нужно отцифровать государственные услуги и предоставить гражданам удобные цифровые сервисы. Но цифровизация госуправления — это далеко не только перевод государственных услуг в электронный формат. Стратегическая задача состоит в том, чтобы при помощи электронных форм создать новое качество отношений общества и государства, принципиально изменить уровень вовлеченности граждан и экспертов в подготовку и принятие политических решений. Тем

² URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70338>

более, что цифровизация предоставляет для этого технические возможности.

Современное государственное управление — это не просто перевод «в цифру» традиционных функций и удобные государственные услуги вроде выдачи справок, электронных кадастров, регистраций и пр. Это в первую очередь — эффективное решение текущих задач из политической и экономической повестки. Будет неправильно, если государство просто «откупится» от граждан удобными цифровыми сервисами. Сегодня оно пытается не столько вовлечь граждан в процесс полноценного обсуждения и выдвижения значимых инициатив, сколько дать им возможность обратной связи при принятии малозначимых решений органов власти в виде электронного голосования на специальных сайтах, а также через развитие

Идея сервисного государства отлично встраивается в такой бюрократический подход. Цифровое государство в России начинает восприниматься как набор электронных госуслуг и каналов дистанционного взаимодействия граждан и бизнеса с государством. Но в реальности цифровизация могла бы стать мощным драйвером повышения качества государственного управления в РФ.

системы цифровых жалоб, которые и граждане, и юридические лица могут подать на сайте Правительства РФ органам исполнительной власти. С 2010 по 2020 г. число ежегодно подаваемых в кабмин жалоб и обращений выросло на 60%, а электронных жалоб — на 1800%, что говорит об удобстве данного сервиса. Это не означает, что граждане и общественные организации вовлечены в разработку решений, но государство продолжает активно развивать именно технологическую сторону этого аспекта — так, для голосового помощника «Яндекса» «Алиса» уже разработан сервис, с помощью которого можно будет жаловаться в органы власти, даже не заходя в интернет. Таким образом, техноло-

гия отношений граждан и Правительства РФ совершенствуется, но ее суть не меняется.

Можно привести актуальный пример — проведение частичной мобилизации в РФ. Очень много критики было по поводу бумажной системы учета призывников, но практически не поднималась тема эффективного гражданского контроля за военным ведомством. А ведь без этого даже перевод воинского учета в электронный вид не решит проблемы перегибов при той же мобилизации, о которых неоднократно говорил Президент РФ. Архаичность в данном случае проявляется не столько в отсутствии электронных сервисов, сколько в старой системе управления. Ее отсталость состоит вовсе не в дефиците компьютеров, однако решать задачу предлагается именно за счет технического аспекта. Глава Министерства цифрового развития М. Шадаев уже сообщил, что все военкоматы в России в 2023 г. подключат к защищенному интернету³.

На самом деле совершенствование гостеха позволяет развивать «умное государство» как динамическую систему, способную к многомерной оценке процессов управления и адаптации к меняющимся обстоятельствам. Динамическая система государственного управления предполагает гибкий подход к распределению ресурсов, при котором государство раскрывает определенную информацию для стимулирования инноваций со стороны граждан, производит дифференцированную оценку объектов управления для понижения взаимовлияния разных факторов, а также совмещает иерархические структуры управления с сетевыми и платформенными решениями. Реализация данного подхода возможна при определенной транспарентности государственных данных и инвестициях в развитие человеческого потенциала и качества жизни.

Таким образом, российское государство вовсе не сопротивляется цифровизации, а наоборот, активно ее поддерживает. Но пока не готово пользоваться современными формами цифровизации для организации процесса подготовки и принятия решений. Напомним, что экспертное знание очень часто противопоставляется бюрократической системе, заинтересованной в стабильных процедурах, а не в прорывных решениях. Как это ни парадоксально, но цифровизация может стать «щитом» для бюрократии, который поможет

³ URL: <https://www.interfax.ru/russia/868717>

отбросить обвинения в костности и несовременности, ведь следование процедурам отлично вписывается в идею алгоритмизации.

Приведем лишь один пример из последних «цифровых» предложений со стороны властных структур. В Москве в октябре 2022 г. запустили пилотный проект по мониторингу качества зеленых насаждений: оснастили около 20 деревьев датчиками, что должно позволить контролировать растения во время аномальных погодных явлений⁴.

Идея сервисного государства отлично встраивается в такой бюрократический подход. Цифровое государство в России начинает восприниматься как набор электронных госуслуг и каналов дистанционного взаимодействия граждан и бизнеса с государством. Но в реальности цифровизация могла бы стать мощным драйвером повышения качества государственного управления в РФ. Обостряющаяся геополитическая ситуация требует не перехода к авторитарным техникам, а креативных и современных решений. Технические платформы для экспертократии уже существуют. Сокращение дистанции между властью и экспертным сообществом вполне возможно, в том числе за счет развития экспертных сетевых сообществ.

Отдельный аспект — использование искусственного интеллекта в процессе подготовки политических решений. Это еще один управленческий соблазн, с которым мы столкнемся с ближайшее время. Сегодня стремительно развиваются технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining), глубинного обучения (Deep learning), масштабируемые ИТ-среды (Web-Scale IT), гибридные облака (Hybrid cloud) и т.д. При этом алгоритмы и технологии (включая искусственный интеллект) не могут заместить человека при решении внезапно возникающих задач, с которыми современное российское государство сталкивается постоянно. Поэтому нужно делать ставку не столько на искусственный интеллект, сколько на развитие интеллекта коллективно, на расширение человеческих компетенций в решении нетиповых задач. Сетевая сложность и многоуровневая динамическая политика могли бы вывести государство на новый уровень качества принимаемых решений. Очень важную роль при этом играет развитие коллективного интеллекта и технологии интеграции коллек-

тивного опыта. Это даст новые возможности для самоорганизации сообществ и экспертов, возникнут практики форматирования социальной инфраструктуры под нужды граждан.

***Российское государство
вовсе не сопротивляется
цифровизации, а наоборот,
активно ее поддерживает.
Но пока не готово пользоваться
современными формами
цифровизации для организации
процесса подготовки и принятия
решений.***

Искусственный интеллект не следует воспринимать как «управленческое чудо», которое автоматически выведет государственное управление на качественно новый уровень. Алгоритмы искусственного интеллекта должны использоваться для удобства и повышения эффективности работы экспертов, а не для их замены.

ВЫВОДЫ

Сегодня мы часто слышим призывы к мобилизации и концентрации управленческих полномочий. Но совсем не факт, что подобные простые схемы позволят повысить качество принимаемых государством решений. Наивна и вера в «хорошие» институты. Альтернативой являются современные государственные технологии, которые нельзя подменять цифровизацией государственных услуг и сервисов. Это как раз позволит бюрократии имитировать обновление систем принятия решений, оставаясь в реальности в старых парадигмах. Многие скажут, что текущая геополитическая ситуация не располагает к таким изменениям, когда, вроде бы, нужны простые, проверенные управленческие техники. Однако именно текущий конфликт с коллективным Западом и заставляет рисковать. Нужно опережать наших оппонентов именно в качестве принимаемых решений. Необходимо преодолеть внутреннее недоверие к экспертным системам, «перезапустить» экспертократию на современных технологических платформах и отказаться от имитации цифровых решений.

⁴ URL: <https://tass.ru/moskva/16086371>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Издательство АСТ; 2016.
2. Воронин Ю. Введение мобилизационной модели экономики в России — это единственное и главное условие победы над коллективным Западом. URL: <https://newizv.ru/news/2022-10-24/mobilizatsionnaya-ekonomika-i-komitet-oborony-zachem-eto-nuzhno-sovremennoy-rossii-372747>
3. Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. Кристалл роста. М.: Наше Завтра; 2022.
4. Жирнов Е. Как на деле выполнялись постановления высшего органа управления военного времени. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5771643?from=glavnoe_4
5. Мухаметов Д.Р. Цифровое государство как экспоненциальная организация: новые технологии коммуникации. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):6–18.
6. Ерохина О.В. Политическое участие в цифровом обществе. *Власть*. 2022;30(6):77–82.
7. Славин Б.Б. Технологии коллективного интеллекта в управлении бизнес-процессами организации. *Бизнес-информатика*. 2022;16(2)36–48.

REFERENCES

1. Adgemoglu D., Robinson D. Why some countries are rich, and others are poor. Moscow: AST Publishers; 2016. (In Russ.).
2. Voronin Yu. The introduction of a mobilization model of economy in Russia is the only and main condition for defeating the collective West. URL: <https://newizv.ru/news/2022-10-24/mobilizatsionnaya-ekonomika-i-komitet-oborony-zachem-eto-nuzhno-sovremennoy-rossii-372747> (In Russ.).
3. Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M. Growth Crystal. Moscow: Our Tomorrow; 2022. (In Russ.).
4. Zhirnov E. How the decisions of the wartime supreme governing body were fulfilled in practice. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5771643?from=glavnoe_4. (In Russ.).
5. Mukhametov D. R. Digital State as Exponential Organization: New Communication Technologies. *The world of new economy*. 2022;16(2):6–18. (In Russ.).
6. Erokhina O. V. Political participation in the digital society. *Power*. 2022;30(6):77–82 (In Russ.).
7. Slavin B. B. Technologies of collective mental power in the business process management of an organization. *Business informatics*. 2022;16(2)36–48. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Константин Васильевич Симонов — кандидат политических наук, профессор, руководитель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Konstantin V. Simonov — PhD in Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8693-3132>

KVSimonov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.12.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29
УДК 327(045)

Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи*

С.Ю. Белоконев, С.Н. Гавров

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная ревизия западных философских концепций, социально-культурных практик, культуры повседневности, мешающих главной задаче национальной системы образования и воспитания – формированию национально ориентированного мировоззрения современной российской молодежи. Внимание читателя акцентируется на истоках возникновения постмодернистских концепций, для чего авторы обращаются к работам В. Райха, Г. Маркузе, Ж.Ф. Лиотара и др. Рассматривается соотношение современного, постмодерного и домодерного начал в российском патриотическом мировоззрении, которое формировалось в течение ряда исторических эпох и сохранило наиболее ценные идейные элементы, прежде всего интеллектуальную концепцию графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», имеющую важное мировоззренческое значение сегодня.

Ключевые слова: мировоззрение; молодежь; социализация; инкультурация; постмодернизм; Г.Ф. Гегель; В. Райх; К. Шмитт; Г. Маркузе; Ж.Ф. Лиотар; С.С. Уваров

Для цитирования: Белоконев С.Ю., Гавров С.Н. Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):21-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29

ORIGINAL PAPER

Postmodern Ideologems vs Nationally Oriented Worldview: Toward an Understanding of the Political Picture of the World of Russian Youth**

S. Yu. Belokonev, S.N. Gavrov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the current revision of Western philosophical concepts, socio-cultural practices, culture of everyday life, which hinder the formation of a nationally, civilizationally oriented worldview of modern Russian youth. Interfering with almost the main task of the national system of education and upbringing – the formation of a patriotic worldview of Russian youth. The reader's attention is focused on the origins of postmodern concepts, referring to the works of W. Reich, G. Marcuse, J.F. Lyotard and others. The ratio of modern, postmodern and premodern beginnings in the Russian patriotic worldview is considered. It was formed over a number of historical epochs, retaining the most valuable ideological elements, primarily the intellectual concept of Count S.S. Uvarov "Orthodoxy. Autocracy. Nationality", which has an important ideological significance today.

Keywords: worldview; youth; socialization; inculturation; postmodernism; G.F. Hegel; W. Reich; K. Schmitt; G. Marcuse; J.F. Lyotard; S.S. Uvarov

For citation: Belokonev S. Yu., Gavrov S.N. Postmodern ideologems vs nationally oriented worldview: Toward an understanding of the political picture of the world of Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):21-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29

* Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта «122101100022-4 – Возможности формирования мировоззрения в разных возрастных группах» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

** The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project "122101100022-4 – Opportunities for the formation of a worldview in different age groups" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы переживаем то, что по-немецки называется «*Zeitenwende*» — эпохальный сдвиг. Это тектоническое изменение духа времени — «*Zeitgeist*», в трактовке немецкой философской школы — сделало патриотизм российской молодежи априорным условием сохранения страны. Но активации российского патриотизма мешает не только космополитическое мировоззрение и поведение части политических, экономических, культурных элит, но и комплекс идей, которые повлияли и продолжают влиять на социализацию и инкультурацию молодых людей. Нужно понять, почему они стали пораженцами и/или потенциальными, а то и вполне реальными дезертирами? Важно рассмотреть философские концепции, идущие с Запада, системно препятствующие резкой и масштабной активации российского патриотизма.

В первую очередь речь идет об усилении и господстве теорий, восходящих к марксизму (неомарксизм), фрейдизму (неофрейдизм), отталкивающимся от модерна, гегельянства, классической рациональности как факторов, способствовавших (по мнению критиков — ревизионистов модерна) приходу к власти в Германии национальных социалистов и приведших ко Второй мировой войне. Масштабная коррекция идей, лежащих в основе модерна, на Западе привела к постепенному формированию постмодернистских концепций, размывающих национальную идентичность и готовность жертвовать значимым для защиты Отечества.

Деконструкция старого социального и мировоззренческого порядков должна была, по замыслу авторов, навсегда обезопасить мир, по меньшей мере Европу, от всего большого, идеократического, претендующего на мобилизацию наций во имя истории, традиции, Церкви, Родины.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XX В.

Испуг свидетелей страшных событий понятен. Из этого масштабного испуга, активировавшего инстинкт самосохранения, вырос впоследствии приоритет личных интересов над общественными касательно любой социальной общности — от семьи до нации. Страх заставил высоколобых интеллектуалов эпохи бежать из Европы за Атлантический океан, вещать оттуда «заблудшим»,

с их точки зрения, отчасти «второсортным» европейцам, по традиции считавшим родину высшей ценностью, готовых бороться и даже умирать за национальное государство, землю предков, откуда неприлично и недостойно релокироваться при первой опасности.

Одним из духовных отцов будущих постмодернистов 60-х гг. XX в. стал известный мыслитель, практикующий врач, в юности тесно сотрудничавший с З. Фрейдом, В. Райх. Рассмотрим его базовую социально-философскую, мировоззренческую работу «Психология масс и фашизм» [1].

Что же, по мнению В. Райха, мешает европейцам, формирует их традиционный социальный порядок и не позволяет быть счастливыми? Почему они все еще верят в традиционные ценности, готовы защищать родину, заниматься высокими искусствами, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью практически на животном уровне?

Какой же рецепт выписывает обществу практикующий доктор? Он прост: десублимация должна прийти на место сублимации, нужно открыть дорогу основным инстинктам, в первую очередь сексуальности. Больше сексуального и даже сексологического воспитания для всех, вне зависимости от возраста, и будет вам слом традиционных ценностей, привычек, традиций.

Проведите полноценную эмансипацию женщин, освободите их от труда по уходу за детьми и работы на семью. Да здравствует (по В. Райху, разумеется) борьба с Католической церковью, традицией, историей, семьей, даже с сельскохозяйственным трудом, требующим множества рабочих рук и потому способствующим воспроизводству большой патриархальной семьи, укреплению Церкви и традиционного социального порядка.

Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь) — чуть ли не главная преграда, с точки зрения В. Райха, в процессе эмансипации женщин — основного направления в процессе десублимации, в борьбе со всеми пережитками, включая патриотизм. Эта «борьба за эмансипацию» проявилась затем в студенческих беспорядках во Франции в 1968 г., а ее результаты получили многочисленные иллюстративные изображения в западном кинематографе. Вот, собственно, и все, за что «боролись» западные интеллектуалы 50–60-х гг., затем эта идейная повестка была

дополнена борьбой за права ЛГБТ, а позднее и трансгендеров.

Зачем В. Райху эмансипация женщин? Он думал о счастье и процветании, общественном благе или хотя бы о благе отдельных индивидуумов? Совсем нет — о сломе старых традиций и верований, формировании новых поколений, которые не смогут взять в руки оружие для защиты родины. Сейчас говорят: по «морально-этическим» соображениям. Сколько в таком нарочитом пацифизме морального и этического — вопрос, по меньшей мере, открытый.

В. Райх — со стороны фрейдистов и Г. Маркузе [2] — со стороны марксистов во многом определили пораженческое, антинациональное космополитическое начало, пропитавшее европейскую интеллектуальную мысль второй половины XX в. Они способствовали образованию постмодернистских направлений в философии и житейской повестке Запада, создав теоретическое обоснование постмодерна как мировоззренческой конструкции, которая была ими волюнтаристски поставлена на место модерна. Это было сублимированное выражение их личного испуга. Иными словами, постмодернистские философские спекуляции не столько отражали тенденции экономических, социально-политических изменений на Западе, но и во многом моделировали, искусственно насаждали эти изменения.

Что же это за мегапереход от модерна, сохранявшего часть традиционалистских представлений прежних эпох, к постмодерну, призывающему отказаться буквально от всех традиций, дошедший сегодня до так называемой «культуры отмены»?

По мнению классика постмодернизма Ж. Ф. Лиотара, прежде всего речь идет об отходе от интерпретации истории как большого осмысленного рассказа, чего-то одушевленного, одухотворенного телеологией духа. По сути, это отход от постулированных Ф. Г. Гегелем в «Феноменологии духа» принципов, переход к локальному, частному равноценному опыту социального человека, опыту множественного, часто не сводимого к общему.

Свою нелюбовь к Гегелю-философу, его диалектике открыто декларировал, например, один из видных релокантов эпохи, перебравшийся в 1937 г. в Новую Зеландию и горячо любимый либералами философ-позитивист К. Поппер, причисливший Г. Ф. Гегеля к лже-

пророкам и врагам открытого общества [3]. История кажется им субъективизированным повествованием — скорее Хаос, чем Космос.

Постмодернизм не нуждается в метафизическом природном единстве, всегда выбирая частное вместо общего, склоняясь к логике перформанса, соблазну и симуляции. Это свидетельствует не о раскрепощенности жизни, а о ее порабощении симулякрами, «тяготеющими к разрушению автохтонных структурных образований витальности и к беспочвенным удовольствиям, которые ведут к торжеству “пошлой рыночной жизни”». В этом состоит идеал постмодернистского плюрализма [4].

Таким образом, предпочтение всегда и во всем отдается частному, локальному, а не общему и глобальному. В рамках спекулятивных постмодернистских построений интеллектуалов Запада — «только универсальная герменевтическая перспектива... перспектива интерпретации и диалога всех голосов и всех ситуаций ... постмодерного мира» [5]. Никакой общей судьбы, каждый спасается, как и умирает, в одиночку, хотя в процессе можно вступить в полилог.

Франко-немецкий философ Р. Шюрманн еще более четок и категоричен в определении основных характеристик постмодерности: отрицание любых форм интегрирующего мировоззрения, незаинтересованность в будущем человечества, анархия как сущность всего, что можно использовать, практически воплотить, применить [6].

В определенном смысле адепты постмодернистских философских течений переосмыслили и интегрировали в свои спекулятивные концепции старый лозунг русских анархистов «Анархия — мать порядка», на практике воплощенный Н. И. Махно. Он предвосхитил многое из интеллектуальных спекуляций философов-постмодернистов, силой оружия утверждая сообразный эпохе прообраз возможного будущего на подконтрольных территориях. Так что практика анархического порядка, его утверждения в социальной жизни появилась задолго до классических постмодернистов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРИАДА РОССИИ: «ПРАВОСЛАВИЕ. САМОДЕРЖАВИЕ. НАРОДНОСТЬ»

История и современность России явственно демонстрирует непригодность постмодернистского мировоззрения для сохранения страны.

Нам и модерн, по большому счету, был нужен, чтобы «нарастить мускулы» страны.

Но и в Российской империи, и в СССР общее всегда было главнее частного, интересы страны и народа ставились выше рациональных соображений и инстинкта самосохранения индивида. Без мобилизации народных сил невозможно было сохранить территорию, доставшуюся нам в наследство от предков, бившихся с многочисленными врагами за родину, побеждавших и потому расширявших ее границы. В этом смысле наша география — судьба России.

Мы вынуждены из века в век отражать удары геополитических противников, сами наносить упреждающие удары, прежде всего на Западе, откуда исторически происходило наибольшее число разрушительных военных вызовов, ставящих под вопрос само существование России. Благодаря поколениям героических предков у нас есть стратегическая глубина территории, в которой вязнет любое иноземное нашествие.

Потому на идейном и мировоззренческом уровнях мы отрицаем не только постмодернистские философские построения, но и часть идеологий, связанных с модерном. Как в «домодерной» Франции в годы революции родилась идейная триада «Liberte, Égalite, Fraternite» (свобода, равенство и братство), так и в «домодерной» Российской империи министром просвещения графом С. С. Уваровым был дан ответ на нее: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» [7]. Истоки этой идейной конструкции прослеживаются в творчестве историка Н. М. Карамзина в начале XIX в.

Уваровская триада сродни французскому антиподу, она имеет вневременной характер, меняясь в форматах маркетинговой подачи для новых поколений, но не содержательно. Отчасти, в позднем СССР триада графа С. С. Уварова возродилась в формулировке: «партийность, крепкая государственная власть, народность». Вопрос в СССР вызывало православие. Страна Советов — атеистическое государство, и государственная, по сути, религия Империи Романовых, Московского княжества и царства, симпатий не вызывала, более того, была главной идеологемой — конкурентом. Сегодня это ограничение снято, остаются небольшие вопро-

сы, связанные с тактикой. Наиболее архаично выглядит в наши дни срединная часть триады — «самодержавие». Но дело здесь не в названии, а в утверждении того, что сильная верховная власть является неременным условием сохранения страны и народа в истории. И как эта власть называется в разные периоды нашей истории, не столь важно. Важнее то, насколько верховная власть сильная и дееспособная, как быстро и эффективно она может отвечать на вызовы времени, быть непоколебимой в защите национальных интересов.

«Народность» вызывает меньше вопросов, разве что у ранних большевиков 20-х — первой половины 30-х гг. прошлого века (за этим исключением ее принимали даже в СССР). Нам важно содержание термина, то, что за ним стоит примат коллективных, народных интересов над индивидуальными. Во время мобилизации в 1914 г. крестьяне, не очень разбиравшиеся в политике и географии, спрашивали: «Наша деревня тоже воюет с германцем?» И, перекрестясь, шли на призыв. Уклонистов среди них, да и среди горожан, образованного общества, практически не было. Так, уже в 1914 г. пошел добровольцем на фронт поэт Н. С. Гумилев, вспоминая 2,5 года, проведенные в действующей армии, как самый насыщенный и чуть ли не лучший отрезок жизни.

Дошли до нас и чеканные строки А. Блока, написанные 1 сентября 1914 г.:

*«Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон...
Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей» [8].*

Стихотворение известное, но как звучит сегодня!

А. А. Блок и Н. С. Гумилев не могли стать постмодернистами, даже если бы и прожили долгую земную жизнь и застали европейско-американскую трусливую эпоху постмодерна. Россия для них — высшая ценность.

Сегодня мы переосмысливаем многое из того, что вошло в научный и социально-культурный обиход за последние тридцать лет. Где возможно, отказываемся от западных идей

и концепций, в том числе критически переосмысливаем мировоззренческие подходы в рамках постмодернизма. Мы ментально возвращаемся даже не на 80 лет, а скорее всего, к рубежу XIX–XX вв., переигрываем историю и переосмысливаем обрамляющие ее философские концепции заново.

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На этом пути, однако, есть видимые неудобства и ограничения. Молодежь, да и люди более зрелого возраста, очень часто не готовы принимать ни советское, ни досоветское мировоззрение, в том числе в изложении столь популярных сегодня в интеллектуальных кругах философов первой волны русской эмиграции. И дело здесь не только в гипертрофированном (в пику большевикам) традиционализме мыслителей, близких к эмигрантской молодежи НТС 20–30-х гг. и маститых философов, таких, как И. Ильин. Традиционализм в своих различных ипостасях, в том числе — коллективизма, и тем более в крайнем формате солидаризма, сегодня лишь отчасти инструментален в плане формирования национально ориентированного мировоззрения российских граждан. Вопреки названию, обращаемому к традиции, традиционализм, скорее всего, является сегодня ее реконструкцией. С традиционализмом, как с живой традицией жило русское крестьянство до большевистской коллективизации в конце 20-х — первой половине 30-х гг. прошлого века. Советский неотрадиционализм сегодня также не очень понятен российской молодежи.

Дело в том, что почти весь тридцатилетний постсоветский период мы не только жили в парадигме посмодернизма, но и строили основанное на личных достижениях и личной экономической, карьерной состоятельности общество потребления. А в нем каждый — сам за себя.

Сегодня история Отечества сделала крутой поворот, оказавшийся абсолютно неожиданным как для молодежи, так (пусть и в меньшей степени) и для людей зрелого возраста. Для тех, кто хоть отчасти помнит СССР, прошел там первичную социализацию и инкультурацию, был воспитан на советских фильмах, посвященных Великой Отечественной войне, понять и при-

нять новый глобальный антизападный поворот оказалось проще, чем молодежи.

Она, судя по нашим опросам, во многом аполитична, по-прежнему нацелена на личностный, карьерный рост и потребление. Части молодых людей не хочется проходить мучительную ломку, и они мечтают о релокации. Но рано или поздно им придется подстраиваться под нормы принимающего общества, да и стоимость жизни там, как правило, существенно выше, чем в России, а рынок труда для иммигранта всегда хуже.

От практического воплощения релокации многих молодых людей удерживают соображения экономического порядка, неуверенность в собственной востребованности на рынке труда, а не национально ориентированное мировоззрение.

Тридцать лет школьные психологи, СМИ и социальные сети учили их тому, что высшим приоритетом являются они сами [9]. И нет ничего удивительного в том, что многие из молодых людей поверили, что самое важное — их индивидуальные права, а интересы любых социальных общностей, будь то семья, профессионально-социальные группы, нация — вторичны.

Такого соотношения прав личности и общества не было не только в Российской империи и СССР с его гипертрофированным духом коллективизма, но даже в довоенной Европе. Эпоха расцвета постмодернизма приходится на послевоенное время. До Второй мировой войны на Западе не вызывали, например, особого удивления, тезисы, высказанные в 20-е гг. прошлого века, в эпоху Веймарской республики, немецким консервативным мыслителем К. Шмиттом, утверждавшим важность «первичной интуиции», о том, что только «социальное всеединство» безграничного государства может обеспечить человеку самое ценное — его физическое существование. В связи с этим «субстанциальная однородность должна быть установлена — если потребуется — путем отделения... гетерогенного». Понятно, что это крайняя идейная позиция, но в ретроспективе европейской социальной философии представленная достаточно характерно. В философском контексте эпохи можно вспомнить Т. Гоббса как глашатая «государства-левиафана» [10].

И так ли плохо «государство-левиафан», как нас пытались убеждать все тридцать лет постсоветской эпохи? Истеричность утверждений,

что плохо и очень плохо, вызывает подозрения. Социальная философия не должна быть так явно ангажирована и тем более истерична. Как раз сегодня нам просто необходимо расширение государственных функций во имя физическое и духовного сохранения нации в истории. Нам нужно большое и сильное государство для формирования национально ориентированного мировоззрения российской молодежи. Это взаимно обуславливающие и взаимно поддерживающие процессы.

Но (несмотря на возможные оговорки и существенные ограничения социокультурной эмпирики и наличного мировоззрения) с концептом, лежащим в основе целенаправленного формирования мировоззрения со стороны власти многое понятно — это конфигурации традиционализма с их мировоззренческой сердцевиной — традиционными ценностями. Однако в отношении языка обращения и лидеров общественного мнения, способных донести выбранный традиционалистский концепт до молодежи, такого понимания нет.

Речь идет о существующих сегодня поколенческих разрывах в картине мире, основанной во многом на детской, юношеской социализации людей и их последующего жизненного опыта. В периоды интенсивного уровня социальной и культурной динамики и личностной вертикальной мобильности интерес молодежи к традициям ослабевает, а новизна, оригинальность, необычность становятся доминирующими ценностями. Общество устремляется вперед, господствует активность, оптимизм, вера в прогресс, науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере не может не возникнуть антитрадиционализм, и его носителем выступает «нынешнее поколение».

Когда семидесятилетние говорят пятидесятилетним, что надо делать, те обращаются к более молодым исполнителям — двадцатилетним. Но смысл сказанного, переданного по этой поколенческой цепочке, радикально меняется — они не очень понимают друг друга.

Для молодежи нужен другой язык обращения, привычные для нее стилистические формы, сленг репа и батла, в том числе критическое и несколько циничное отношение к миру. Беда в том, что старшие временами просто не могут отличить поддержку от неодобрения или рав-

нодушия — слишком разный язык, форматы, стилистика.

Молодые люди критичны в силу возраста, они, скорее всего, склонны ниспровергать, чем поддерживать, и привыкли проверять информацию в разных источниках, рассматривая аргументы «за» и «против». Для них почти нет ломов (лидеров общественного мнения), они просто отписываются, судя по статистике, от оплаченных блогеров, вне зависимости от их популярности. Это относится и музыкантам, пытавшимся в разное время поддержать власть. Так, в тексте песни Тимати и Гуфа, посвященной 872-летию Москвы, есть фраза, взорвавшая интернет: «Пешком с Арбата и до площади Гагарина — там хлопну бургер за здоровье Собянина». В комментариях — почти сплошной негатив, дизлайки. И это по поводу небольшого комплимента С. С. Собянину, при котором Москва развивается и хорошеет, и это сказано на понятном молодежи языке. Но молодые не одобрили услышанное. То же самое, в рамках нашего мысленного эксперимента, произошло бы и с другими исполнителями, даже если среди них будет «иноагент» Моргенштерн.

Сегодняшняя молодежь не готова принимать чужое мнение, но чувствуют опасность, которая может исходить от старших при взаимодействии с ними, например, на несанкционированных акциях. Их волнуют вопросы карьеры и спокойствие родителей, потому и поддержка власти часто бывает формальной.

Но ход истории происходит не по прямой, а волнами (циклами), — здесь уместно вспомнить социолога П. А. Сорокина и экономиста Н. Д. Кондратьева. Модернизация носит неустойчивый, волнообразный характер — волны ее подъема сменяются волнами рецидивирующего традиционализма.

Сегодня мы наблюдаем историческую коррекцию модерна и постмодерна. В ее рамках возник значимый идейный, когнитивный, поведенческий диссонанс, связанный с тем, что общество (и, прежде всего, молодежь) в той или иной мере старалось вписаться в тренды глобального мира, предполагавшие и межстрановую мобильность.

Возможная новая мировоззренческая нормативность жестче, она идет в разрез с трендом, в рамках которого происходила социализация и инкультурация молодых поколений в последние тридцать лет. Как теперь быть, возможно

ли что-то поправить, обращаясь к традиционализму? Исправлять всегда сложнее, а выбирать можно было тридцать лет назад. Теперь надо работать со сложившимся плюралистичным мировоззрением молодежи, временами доходящим до номинализма, можно сказать — атомарности. Перенаправить отчасти прозападный вектор в мировоззрении современной российской молодежи непросто, здесь нужны неординарные решения.

**ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕГРАДЫ
И ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.
СОБОРНОСТЬ — МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ДОМИНАНТА ИЗ ПРОШЛОГО
И БУДУЩЕГО**

Сегодня мы вспоминаем всеобъемлющее понятие «народ», постепенно дистанцируемся от западного социального номинализма, социально-профессиональных страт, мучительно пытаемся отказаться от полновластия западного научного языка, понятий и терминов в описании и прогнозировании социальной реальности.

Происходит возврат к национально ориентированному мировоззрению, подобному советскому патриотизму перед Второй мировой войной. «Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР “родина” объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть прежде всего национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая. На нее покушаются — мы дадим отпор. И враги — это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии» [11].

Вслед за Г. П. Федотовым, автором этих строк, мы скажем, что власть в современной России открыла шлюзы для нашего возвращения в Русь-Россию; отказа от части идейных концепций, мешающих этому; осознания себя отдельной культурно-цивилизационной системой, которой никто не может навязывать свои нормы и ценности. Так заканчивается прежняя историческая эпоха. Новая нормативность подразумевает освобождение от трусости,

пораженчества, псевдогуманизма, идейной и методологической всеядности постмодернизма. Она предполагает возвращение к идеям Г. Ф. Гегеля и правых гегельянцев, к телеологии истории, к растянутому на столетия и тысячелетия процессу становления и развития России и русского народа, понимаемого нами как политическая нация.

На Западе часто думают, как сделать так, чтобы сохранение-воспроизводство в России прекратилось, ибо она им мешает. Сегодня они сводят дело к дискурсу о гендерно нейтральных туалетах в школах и правах трансгендеров в армии, а Россия создает казачьи воинские части в рамках Росгвардии. Они выводят немецкий контингент из Афганистана после нападения и гибели нескольких военнослужащих Бундесвера, а русские поднимают восстание в пакистанском лагере для военнопленных в Бадабере, и 9-я рота, состоящая из 18–19-летних мальчишек, в окружении отбивает многочисленные атаки пакистанского спецназа и афганских душманов.

Вот наглядное отличие наших и западных ценностей. У нас на глубинном, воспитанном историей и культурой уровне бессознательного «мы» выше «я». В этом отличии — очевидная сила России.

Запад отчасти понимает это, стремясь ослабить тех, кого он считает угрозой для себя, — «варваров», которых надо цивилизовать и гуманизировать. Но он совсем не из-за гуманитарных соображений старается привить российской молодежи свои ценности.

Запад хочет исчезновения российской цивилизации, на это ему денег не жалко. Но сегодня степень гедонизма и эгоизма западного общества дошла до предела, который нельзя сбалансировать финансированием военно-технических программ, армии и флота. Все равно их люди в форме будут массово уходить со службы, если возникнет реальная угроза жизни.

Западные авторы, пишущие о России, разбирая, например, события истории Второй мировой войны, всегда с нескрываемым удивлением отмечают, что советские/русские солдаты продолжают сражаться, хотя лично у них нет никаких шансов остаться в живых. Здесь сквозит очевидный подтекст: это нерационально, противоречит основополагающему пониманию прав человека, поэтому стоило сдаться. Солдаты западных армий в таком безвыходном поло-

жениии сдались бы в плен — это и правильно, и рационально, и не вызывает удивления.

У нас — вызывает. Мы не считаем такое поведение правильным и рациональным, потому и сохранились как нация.

Русские писатели и философы много думали над тем, почему у нас другой тип рациональности и, соответственно, другие, непонятные западному человеку поступки. Так, философ К. Леонтьев как позитивное качество православия отмечал: «В нравственном мире, мы знаем, византийский материал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу» [4].

У нас есть цели и ценности, способные интегрировать людей в период тяжких исторических испытаний, переходить их с уровня «я» на уровень «мы», понимание того, что мы — народ. Это делает более эффективным механизм социального управления, приводящий к общественной мобилизации во имя общего блага, общих целей и ценностей Российского государства. В этом мы радикально отличаемся от западного понимания личности, ее отношений с государством и обществом. Исторически права Родины для нас первичны, а индивидуальные права — вторичны. Возможный конфликт интересов между ними осуществляется, как правило, в пользу России. Это означает не отмену индивидуального выбора, но статистически преобладающую тенденцию.

Такой подход в России исторически и культурно обусловлен, воспроизводится на уровне коллективного и индивидуального бессознательного, спонтанно проявляясь в кризисные моменты русской истории. Наглядные примеры такого массового проявления коллективного выбора интересов России — соборности выбора — дают массовые мобилизации во время Первой и Второй мировых войн с очень незначительным числом уклонистов.

Исторически соборность — патриотический общий выбор в кризисной ситуации, коллективное действие во имя интересов России — является нашей важнейшей морально-нравственной ценностью, важнейшей характеристикой мировоззрения российского народа, радикально отличающей Россию от современного Запада. Она была и до революции 1917 г., и (в иной форме) в СССР, и с высокой долей вероятности (в свойственном времени и технико-технологическому укладу формам) проявится в будущей России.

Мировоззрение современной российской молодежи сегодня переживает «бифуркацию». Традиционалистские элементы российской истории постепенно актуализируются, а постмодернистские, привносимые в молодежное мировоззрение в последние 30 лет, — деактуализируются. Этот процесс идет постепенно и поэтапно. Но молодые люди понимают, что радикально меняются правила социально-политической жизни, как они говорят, идет «переход в новую матрицу». И в этой ситуации, если хочешь преуспеть, добиться вертикальной мобильности, увеличить собственные шансы на социальный успех, нужно менять мировоззрение в соответствии с требованиями эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Райх В. Психология масс и фашизм. Пер. с нем. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ; 1997. 380 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Пер. с англ. Киев: ИСА; 1995. 352 с.
3. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. М.: Междунар. фонд «Культ, инициатива»; 1992. 525 с.
4. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Республика; 1996.
5. Московичи С. Век толп. Пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии; 1998. 480 с.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс; 1996. 416 с.
7. Уваров С. С. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Эксмо; 2016. 496 с.
8. Блок А. Стихотворения. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение. Большая серия библиотеки поэта; 1955.
9. Badalyan K.A., Gavrov S.N. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. *Russian journal of communication*. 2021;9(2):238–252. DOI: 10.1080/19409419.2021.1999154

10. Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта. Типы власти в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М.: ИНИОН РАН; 1997.
11. Федотов Г.П. Новый идол. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. т. 2. СПб.: София; 1991.

REFERENCES

1. Reich V. Psychology of the masses and fascism. translated from German. St. Petersburg: University book. Moscow: ACT; 1997. 380 p. (In Russ.).
2. Marcuse G. Eros and civilization. Transl. from Eng. Kiev: ISA; 1995. 352 p. (In Russ.).
3. Popper K. R. Open society and its enemies. Transl. from Eng. Moscow: International Foundation "Cult, initiative"; 1992. 525 p. (In Russ.).
4. Leontiev K. N. Byzantium and Slavjanism. Moscow: Republic; 1996. (In Russ.).
5. Moskovichi S. Vek tolpa. Per. with fr. Moscow: Center of Psychology and Psychotherapy; 1998. 480 p. (In Russ.).
6. Shtompka P. Sociology of social change. Trans. from Eng. Moscow: Aspect Press; 1996. 416 p. (In Russ.).
7. Uvarov S. S. Orthodoxy. Autocracy. Nationality. Moscow: Eksmo; 2016. 496 p. (In Russ.).
8. Blok A. Poems. L.: Soviet writer. Leningrad branch. A large series of the poet's Library; 1955. (In Russ.).
9. Badalyan K. A., Gavrov S. N. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. *Russian journal of communication*. 2021;9(2):238–252. DOI: 10.1080/19409419.2021.1999154
10. Staff I. Towards the concept of political theology in Karl Schmitt. Types of power in a comparative historical perspective. Problem-themed collection. Issue 3. Moscow: INION RAS; 1997. (In Russ.).
11. Fedotov G. P. The new idol. The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Sofia; 1991. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey Yu. Belokonev — Cand. Sci. (Politology), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>
SYUBelokonev@fa.ru

Сергей Назипович Гавров — доктор философских наук, профессор, профессор департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergei N. Gavrov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6439-6022>
SNGavrov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 01.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 01.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-30-34
УДК 323(045)

«Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования

Е.С. Подобреевская
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется специфика формирования «зеленой повестки» в современной России в контексте государственной экологической политики. Указывается, что «зеленая повестка» начинает занимать все более существенное место в политическом дискурсе российского общества. Отмечается, что в Российской Федерации были выработаны нормативные и концептуально-стратегические основания реализации долгосрочной и сбалансированной модели экологической политики. Однако сегодня экологическая политика, осуществляемая государством, характеризуется рядом системных ограничений: административно-функциональных, технологических, ресурсных и социально-психологических. В то же время следует констатировать, что «зеленая повестка» в современной России, при всей своей значимости, пока не стала одним из основных императивов политического и социально-экономического развития страны. Также симптоматичен тот факт, что государство не является монополистом экологической проблематики во всех ее измерениях. Более того, экологический активизм в российских регионах часто носит явный протестный характер и сопровождается избыточной политизацией.

Ключевые слова: «зеленая повестка»; экологическая политика; качество жизни; глобальное потепление; экологический активизм

Для цитирования: Подобреевская Е.С. «Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):30-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-30-34

ORIGINAL PAPER

The “Green Agenda” in the Political Process of Modern Russia: The Features of Formation

E.S. Podobreevskaya
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the specifics of the formation of the “green agenda” in modern Russia in the context of state environmental policy. It is indicated that this agenda is beginning to occupy an increasingly significant place in the political discourse of the Russian society. It is noted that the Russian Federation has developed regulatory and conceptual-strategic foundations for the implementation of a long-term and balanced model of environmental policy. However, today the environmental policy implemented by the state is characterized by a number of systemic limitations: administrative, functional, technological, resource as well as socio psychological. At the same time, it should be stated that the “green agenda” in modern Russia has not yet become one of the main imperatives of the political and socio-economic development of the country. It is also symptomatic of the fact that the state is not a monopolist of all the “green” issues in all their dimensions. Moreover, environmental activism in Russian regions quite frequently has a clear protest character, accompanied by excessive politicization.

Keywords: “green agenda”; environmental policy; quality of life; global warming; environmental activism

For citation: Podobreevskaya E.S. The “green agenda” in the political process of modern Russia: The features of formation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):30-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-30-34

Одной из заметных тенденций формирования политического дискурса современной России является возросший спрос на «зеленую повестку» — экологическую проблематику, в центре которой находится широкий комплекс вопросов, связанных с качеством жизни населения. Говоря о том, чем вызван интерес к указанной проблеме, следует акцентировать внимание на двух, на первый взгляд, слабо взаимосвязанных процессах. Первый имеет глобальную сущность и обусловлен общемировым трендом «экологизации» политики, отчетливо проявившимся еще в период 2000–2010-х гг. В его основании лежали такие вопросы, как борьба с глобальным потеплением климата, развитие возобновляемых источников энергии и связанных с ними промышленных технологий, внедрение стандартов устойчивого развития (ESG-стандартов) в практики государственного управления. Второй процесс — внутрироссийский — связан с тем, что именно экологическая проблематика стала одной из тех сфер, в которой аккумулируется социально-политическая активность общества. Более того, в ней ярко проявляются серьезные властно-общественные противоречия, имеющие место в современной России, формулируются претензии гражданских активистов и к отдельным чиновникам, и к власти в целом.

Характеризуя сегодняшнюю ситуацию, можно согласиться с мнением отечественных экспертов о том, что, с одной стороны, «экологическая сфера занимает все более важное место в международной повестке дня, а экологические проблемы превращаются в один из первоочередных вопросов международных отношений наравне с международной безопасностью и экономическим развитием». Но, с другой стороны, «пробелы в реализации экологической политики в России ставят ее в невыгодное положение, не дают воспользоваться рядом конкурентных преимуществ»¹.

Следует отметить, что проблема экологического измерения современной политики получила широкое освещение как в публичном дискурсе, так и в научной литературе. Среди современных трудов российских ученых-поли-

тологов, исследующих влияние экологического фактора на мировую политическую динамику и внутрироссийскую повестку дня, следует выделить работы А.Л. Демчука, И.В. Шулениной, И.А. Макарова, М.В. Терешинной, И.С. Башмакова и ряда других авторов [1–4].

Можно отметить, что принятие ООН «Повестки дня в целях устойчивого развития» (2015 г.) символизировало, скорее, не глобальный «поворот к природе» (который на международном уровне наметился несколько раньше, в 1990-е — начале 2000-х гг.), а констатацию очевидного политического тренда современности. Он заключается в интенсивной политизации экологической сферы: вопросы ресурсосбережения, разработки и внедрения инновационных технологий природопользования прочно вошли в коммуникативное пространство публичной политики, стали стержневыми в контексте обеспечения роста качества жизни населения наиболее развитых в социально-экономическом плане стран. Признавая очевидные успехи в решении целого ряда общепланетарных задач устойчивого развития (например, сокращение бедности в ряде развивающихся стран, рост продолжительности жизни населения, распространение цифровых технологий), мировое сообщество, тем не менее, обращает внимание и на широкий спектр экологических вызовов, сохраняющих свою остроту. К ним относятся проблемы доступности питьевой воды, изменения климата, сохранения биосферного разнообразия в различных регионах планеты, минимизации негативных последствий функционирования «вредных» производств, внедрения передовых ресурсосберегающих технологий и т.д.

В Российской Федерации государство также уделяет особое внимание экологическому фактору. Это проявляется не только на декларативном уровне (например, объявление 2017 г. «Годом экологии»), но и в долгосрочном социально-экономическом планировании, разработке стратегических приоритетов развития страны. При этом на государственном уровне подчеркивается сложность и комплексный характер поставленных задач: «Сегодня нашей стране необходимо совершить переход к модели экологически устойчивого развития, которая в долгосрочной перспективе обеспечит эффективное использование природного капитала страны и одновременно устранил влияние экологических угроз на здоровье человека» [5].

¹ Эксперты назвали основные риски экологической политики России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2021/606dbe8e9a7947bf5d5e8ed6>

Важной вехой в развитии государственной экологической политики РФ стали разработка и утверждение национального проекта «Экология», направленного как на сохранение природного потенциала России, так и на комплексное улучшение экологических параметров социальной среды. Указанный проект включает в себя такие направления, как федеральные проекты «Чистая среда», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности», «Чистый воздух», «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение лесов», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», «Сохранение уникальных водных объектов»². То есть можно говорить о том, что в рамках указанного национального проекта преобладает проблемно-стратегический подход: комплексное решение задач общероссийского масштаба (например, защита лесных ресурсов, сбережение биологического разнообразия) комбинируется с акцентом на уникальных природных объектах страны (Волга, Байкал). Также обращает на себя внимание задача развития экологического туризма, что, на наш взгляд, подчеркивает тесную сопряженность «зеленой повестки» не только с различными сферами российской экономики (например, той же туристической), но и со стремлением государства пропагандировать социально ответственное поведение граждан в области природосбережения и рационального использования ресурсов.

Можно констатировать, что в Российской Федерации создан серьезный нормативно-правовой базис реализации государственной экологической политики как одного из основных компонентов долгосрочного устойчивого развития страны. Но, тем не менее, очевидными являются и проблемы, препятствующие реализации экологических инициатив власти. К ним в первую очередь относятся:

- *административно-функциональные ограничения*: недостаточная готовность аппарата управления всех уровней (от федерального до муниципального) к полномасштабной реализации инновационных моделей социально-экономического управления на основе принципов ресурсосбережения и социальной ответственности. Причем нужно отметить, что

речь идет не столько об осознанном «сопротивлении инновациям» как широко известном психолого-управленческом феномене, а, скорее, о нехватке интеллектуально-аналитических ресурсов — качественной и оперативной «экспертной поддержки» таких изменений;

- *технологические ограничения*: проблема эффективной координации и мониторинга проводимой экологической политики в контексте взаимодействия отдельных ведомств и структур государственного аппарата, в нее вовлеченных;

- *ресурсные ограничения*: очевидно, что проведение «зеленой повестки» в масштабах страны требует привлечения значительного количества разнообразных (прежде всего, финансовых, трудовых, интеллектуальных) ресурсов, которые могли бы гарантировать качество реализации соответствующих экологических проектов;

- *социально-психологические ограничения*, проистекающие, главным образом, из невысокого уровня доверия институтам государственного управления, разнообразным бюрократическим структурам со стороны граждан. Естественно, такая ситуация может приводить к отторжению экологических инициатив власти, особенно, если они связаны со временным снижением качества жизни населения (например, транспортными проблемами, длительными работами по благоустройству городских территорий и т.д.).

Таким образом, проблемы эффективности и внедрения инновационных механизмов экологической политики в современной России сопряжены с развитием обратной связи в рамках социально-политической коммуникации «государство-общество». Такая деятельность должна быть ориентирована на диалог между представителями власти и заинтересованными негосударственными организациями (причем, как имеющими формальный статус, так и стихийно возникающими, неформальными: активисты, инициативные группы и т.д.). Пока же можно отчасти согласиться с мнением Н.Г. Ермолова: «Модель экологической политики в современной России носит патерналистский характер, в отношениях государства с гражданским обществом по поводу экологических проблем наблюдается дефицит доверия и глубокие проблемы в коммуникациях. Увеличивается разрыв между содержанием политико-правовых и административно-

² Национальные проекты РФ. Экология. URL: <https://xn--80aarpmpemchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/projects/ekologiya>

контрольных методов и технологий (создаваемой моделью экологической политики) и результатом (реальным состоянием общественных отношений). Экономические методы экологической политики в России характеризуются неэффективной устойчивой институциональной нормой реализации («институциональная ловушка»), имеющей самоподдерживающий характер» [6].

Следует признать, что в современных российских реалиях «зеленая повестка» не монополизирована действующей властью. Она в несколько редуцированном виде проявляет себя в различных формах гражданского активизма и точечной социально-политической активности, направленной на защиту прав граждан в экологической сфере. Яркий пример такой активности — «Единый день протеста» 15 марта 2020 г., инициированный движением «Стоп Шиес». В ходе этой акции «антимусорные» митинги и пикеты были проведены более чем в 40 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород и др.)³.

Представляется, что указанный пример «экологизации» политической повестки дня может быть интерпретирован двояко. С одной стороны, не вызывает сомнения тот факт, что для значительной части россиян собственное экологическое благополучие выступает не второстепенным (как было, например, в 1990-е и в начале 2000-х гг.), а, очевидно, первоочередным вопросом, сквозь призму которого формируется и субъективное ощущение качества жизни, и отношение к местной власти (в зависимости от ее способности решать назревшие экологические проблемы). То есть в российском обществе наметилась более четкая, хотя и не преобладающая, тенденция становления экологического сознания как важного компонента социально-политического самочувствия граждан.

С другой стороны, два момента, характеризующие российский экологический активизм сегодня, должны вызывать очевидные опасения у государства. Первый связан с его возможной радикализацией и подменой собственно экологических требований отчетливой антивластной риторикой. Это возможно хотя бы в силу того обстоятельства, что неформальные лидеры эко-

логических движений прямо указывают: первопричина их недовольства кроется в устоявшейся неспособности соответствующих административных структур эффективно решать конкретные проблемы с учетом мнения местных жителей. Такая позиция ряда местных властей, стремящихся игнорировать запросы и обоснованные претензии граждан, неизбежно провоцирует новые экологические конфликты, которые, не выходя на федеральный уровень, все же в перспективе способны оказать негативное влияние на социально-политические процессы в стране.

Второй момент, характеризующий экологический активизм в современной России, во многом противоположен первому и может быть обозначен как предельная локализация, ориентация на решение сугубо местных проблем (конкретный полигон ТБО, мусоросжигающий завод в отдельно взятом районе и т.д.). С одной стороны, подобная тенденция оправдана и отражает рациональные мотивы социально-экологического поведения граждан, связанные самым тесным образом с уровнем их собственного бытового комфорта. С другой стороны, позитивные практики государственно-общественного диалога, имеющие место в ряде таких случаев, не получают должного осмысления и распространения в масштабах РФ.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на современном этапе происходит становление экологической политики Российской Федерации как одного из приоритетов деятельности государства. За последние годы были выработаны ее нормативные, концептуально-управленческие и стратегические основания, позволяющие более четко осуществлять инновационный вектор развития сферы природопользования и охраны окружающей среды. Тем не менее ей по-прежнему присущи патерналистские черты и целый ряд системных ограничений: административно-функциональные, технологические, ресурсные, социально-психологические. В то же время «зеленая повестка» (понимаемая шире, чем государственная политика в экологической сфере) в современной России не стала преобладающей. При этом также показательно, что государство не является ее монополистом: нередко экологический активизм в российских регионах обретает выраженные протестные черты, сопровождается избыточной политизацией и отсутствием конструктивных форматов взаимодействия государства и общества.

³ Как проходил единый день экологического протеста. URL: <https://bellona.ru/2020/03/17/kak-prohodil-edinyj-den-ekologicheskogo-protesta/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демчук А.Л. Возможности и перспективы использования принципов делиберативной демократии в управлении современными экологическими конфликтами. *Ценности и смыслы*. 2020;(66):25–35.
2. Макаров И.А. Последствия Парижского климатического соглашения для экономики России. *Вопросы экономики*. 2018;(4):76–94.
3. Шуленина Н.В. К вопросу об определении понятия «экологическая политика». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2006;(8):51–63.
4. Терешина М.В. Башмаков И.С. Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «зеленой» экономики. *Человек. Сообщество. Управление*. 2017;18(1):6–16.
5. Бобылев С.Н., Григорьев Л.М., ред. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации; 2017. 292 с.
6. Ермолов Н.Г. Экологическая политика в современной России: состояние и тенденции развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Астрахань; 2014. 23 с.

REFERENCES

1. Demchuk A. L. The possibilities and prospects of using principles of deliberative democracy in the management of modern ecological conflicts. *Values and meanings*. 2020;(66):25–35. (In Russ.).
2. Makarov I. A. The consequences and implications of the Paris Climate Agreement for Russia's Economy. *The questions on economics*. 2018;(4):76–94. (In Russ.).
3. Shulenina N. V. To the question of defining the concept of "environmental policy". *The Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Politology*. 2006;(8):51–63. (In Russ.).
4. Tereshina M. V., Bashmakov I. S. Ecological Identity of Local Communities as a Resource for "Green" Economy Development. *A Man. Community. Management*. 2017;18(1):6–16. (In Russ.).
5. Bobylev S. N., Grigorieva L. M., eds. Human Development Report for the Russian Federation for 2017. Moscow: Analytical Centre under the Government of the Russian Federation; 2017. 292 p. (In Russ.).
6. Ermolov N. G. Environmental Policies in Modern Russia: The Condition and Trends of Development: PhD thesis abstract. Astrakhan; 2014. 23 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгения Сергеевна Подобреевская — аспирантка департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgenia S. Podobreevskaya — PhD student in Political Science Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3247-0077>

s-kino@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.12.2022; принята к публикации 15.01.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.12.2022; and accepted for publication on 15.01.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-35-40
УДК 339.5(045)

Импортозамещение и национальные проекты как стимулы развития российской экономики в условиях экономических санкций

С.Т. Махаматова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассуждает о возможности развития отечественной экономики в условиях санкций и уходе от сырьевой модели путем реализации программы импортозамещения и национальных проектов, утвержденных Президентом Российской Федерации. Импортозамещение определяется автором как процесс преобразования экономики, осуществляемый при протекционистской поддержке государством отечественного производителя, в результате которого без ущерба для качества возрастает производство отечественных товаров и услуг, призванных заменить иностранные аналоги.

В статье представлена характеристика основных сфер, ставших объектом импортозамещения, с учетом состояния рынка труда. В работе также затронута тема постепенного снижения демографического, трудового и промышленного потенциала, которое может быть остановлено благодаря изменению экономической модели, и отмечено, что необходимо сосредоточиться на наиболее перспективных областях, требующих, наряду с промышленной базой, развития собственной инженерной школы и кадрового потенциала.

Ключевые слова: национальные проекты; импортозамещение; экономические санкции; общество травмы; промышленность; ИТ-сектор; сельское хозяйство

Для цитирования: Махаматова С.Т. Импортозамещение и национальные проекты как стимулы развития российской экономики в условиях экономических санкций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):35-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-35-40

ORIGINAL PAPER

Import Substitution and National Projects as Incentives for the Development of the Russian Economy under the Conditions of Economic Sanctions

S.T. Makhamatova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is dedicated to the possibility and prospects of development of the domestic economy under the conditions of economic sanctions and its transition from a raw material model to an economically developed one, through the implementation of import substitution programmes and other national projects approved by the President of the Russian Federation. Import substitution is defined by the author as a process of economic transformation carried out with the protectionist support of the domestic producer by the state, which is intended to result in the production of domestic goods and services designed to replace foreign analogues increases without compromising quality. The article presents the characteristics of the main areas that have become the object of import substitution, taking into consideration the state of the labor market. The author ranks Russian society among the societies of trauma and concludes that there is a gradual decline in demographic, labor, and industrial potential, which can be stopped due to a change in the economic model. It is concluded that it is necessary to focus on the most promising areas, which require, along with the industrial base, the development of their own engineering school and human resource capacity.

Keywords: national projects; import substitution; economic sanctions; trauma society; industry; IT sector; agriculture

For citation: Makhamatova S.T. Import substitution and national projects as incentives for the development of the Russian economy under the conditions of economic sanctions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):35-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-35-40

Для современной отечественной экономики характерна сырьевая ориентация. Структурно экспорт Российской Федерации на 80% состоит из минерального сырья, включая минеральное топливо, нефть и нефтепродукты. Россия на протяжении длительного времени является поставщиком энергоресурсов для промышленно развитых стран Запада: Германии, Польши, Италии и Финляндии. Основными поставщиками со стороны России выступают крупные нефте- и газодобывающие предприятия: ПАО «НК Роснефть», ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл». Поставляемые товары отличаются малой добавленной стоимостью и низкой степенью обработки.

В конце 2014 г. был введен в действие первый пакет экономических санкций, направленных на ослабление российской экономики, что совпало с падением цен на нефть и привело к замедлению экономического роста. Спад ВВП не был преодолен и в 2015 г. [1].

С того времени санкции стали постоянным фоном, что нашло отражение в послании Президента РФ Владимира Путина, который заявил: «Конкурентное производство до сих пор сосредоточено главным образом в сырьевом и добывающем секторах. Только изменив структуру экономики, мы сможем решать масштабные задачи в сфере безопасности и социальном развитии, создавать современные рабочие места и повышать качество и уровень жизни миллионов наших людей»¹.

Введение все новых и новых санкций в значительной степени заставило правящую элиту и экономическое сообщество пересмотреть отношение к западным «партнерам» — сначала как к «конкурентам», а затем и «противникам» [2].

Между тем вопрос о будущем отечественной экономики остается открытым: станет ли она сырьевым придатком Запада и/или Востока или будет самостоятельно развиваться?

Материальное и нематериальное богатство, созданное предыдущими поколениями, сокращается, и чем дольше воспроизводится модель сырьевой периферии, тем сложнее изменить ситуацию.

По данным Всемирного банка, в мире существует 53 государства, находящиеся в несбалан-

сированном, турбулентном состоянии, которое нельзя описать в терминах «эволюции». Как отмечает Ж. Т. Тощенко: «Общество травмы — это общество, допустившее “просадку” в своем развитии, длительное время находящееся в состоянии стагнации или рецессии, вызванной противоречивыми реформами, хаотизирующими социально-экономическое поле страны» [3].

Травмирующими факторами могут выступать затяжные религиозные и этнические конфликты, приводящие к дестабилизации социально-экономических отношений (Косово, Судан, Сомали); цветные революции, сочетающие «мягкую силу» и открытые формы насилия, в результате действий которых в угоду западным режимам были свергнуты национальные правительства («арабская весна», «оранжевая революция» на Украине); военное вторжение стран НАТО и создание «управляемого хаоса» (в Ираке, Ливии и Афганистане); наконец, разрушение социалистического блока, приведшее в ценностным разломом, деиндустриализации и скатыванию экономик в ранг «развивающихся».

Общества травмы характеризуются отсутствием долгосрочных целей развития, им присущи расколотость, фрагментарность общественных сил, ориентация элиты на корпоративные, эгоистические интересы, неспособность мобилизовать созидательное творческое начало для развития государства и общества.

К сожалению, все эти тенденции справедливы и для российского общества. Дополнительным вызовом для социально-экономического развития является тот факт, что «дефицит качественных рабочих мест в частном секторе оставляет талантливой молодежи мало возможностей для того, чтобы заниматься оплачиваемым наемным трудом»². В результате несоответствия существующих рабочих мест приобретенным навыкам возрастает миграция и «утечка умов». Особенно обидно, когда талантливая молодежь, получив образование за счет бюджета в престижном государственном вузе, отправляется за границу, чтобы там приносить пользу чужому государству и обществу, поскольку не может достойно реализоваться в родной стране. А ведь добавленная стоимость создается носителями человеческого капитала,

¹ Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/2>

² Изменение характера труда. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/469061544801350816/pdf/WDR-2019-RUSSIAN.pdf>

которые воплощают его в трудовой деятельности. Усугубляет положение старение рабочей силы: к 2030 г. самая продуктивная демографическая группа 20–39 лет в России сократится на четверть (за 100% взята численность 2020 г.). Так что время работает против нас.

При этом путь ликвидации периферийной зависимости предполагает консолидацию общества, государства и крупного бизнеса в целях реализации общественных интересов.

По замечанию Д.А. Медведева, «Советский Союз десятилетиями жил в условиях санкций, и ничего»³. А. Брыкин подтверждает данный тезис: «На протяжении всей истории Советского Союза мы были под санкциями, в первые пятiletки, в войну, после войны. Санкции вновь и вновь возрождались»⁴.

Сегодня снова в фокусе внимания — структурные проблемы управления оборонной промышленностью, вопросы ее реформирования и развития. В свою очередь, «стабильная и эффективная работа оборонно-промышленного комплекса невозможна без развития отечественного станкостроения, материаловедения, электронной компонентной базы, импортозамещения высокотехнологичной продукции, внедрения цифровых технологий и расширения выпуска продукции гражданского и двойного назначения»⁵.

Среди причин сложившейся зависимости от импорта эксперты отмечают излишнюю доверчивость к открытости рынка и либеральное законодательство, в котором под импортозамещением понимались финальные образцы продукции, без учета того, что цепочки поставок многозвенны, и в каждом из этих звеньев есть свои базовые технологии, которым нужно уделять внимание, ресурсы и технологии [4].

Как заметил В.В. Яковлев, акционер завода КЖМ: «Высокие технологии — самая вершина айсберга, а сам айсберг внизу, он стоит на метал-

лургии, на машиностроении, на приборостроении, на станкостроении, и на огромных плечах этих монстров — “облака”»⁶.

Термин «импортозамещение» возник в середине XX в. для описания государственной политики, имеющей целью стимулирование индустриализации страны в условиях закрытых рынков, что защищало отечественного производителя от иностранных конкурентов. Таким образом, необходимы как минимум два компонента: снижение импорта и увеличение выпуска отечественных товаров и услуг.

Немецкий экономист Ф. Лист описал принцип развития промышленного сектора одной фразой: «Импортировать сырье и экспортировать промышленные товары».

Опыт социально-экономического развития промышленных стран, таких как Великобритания и США, свидетельствует о том, что успешная индустриализация возможна только при проведении государством протекционистской политики. Европа веками руководствовалась принципом расширения промышленного сектора каждой из своих стран, зачастую в ущерб промышленности других [5].

При этом политика импортозамещения как ответ на санкции со стороны развитых стран несовместима с условиями изъятия ренты (монопольной, природной, бюрократической) из значимых областей экономики.

Таким образом, импортозамещение — это процесс преобразования экономики, осуществляемый при протекционистской поддержке государством отечественного производителя, в результате которого без ущерба для качества возрастает производство отечественных товаров и услуг, призванных заменить иностранные аналоги.

Программа импортозамещения в отечественной экономике регламентируется Постановлением правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”» (с изм. на 6 октября 2022 г.) и направлена на следующие отрасли:

- сельское хозяйство (льготные кредиты, субсидии, ограничение импорта);

⁶ Почему российская промышленность уступает западной. URL: https://ocalift.ru/news-from-ocalift/news_post/kubanzheldormash_vyacheslav_yakovlev_intervyu_otr?ysclid=lde927lb90791423746.

³ Медведев: санкции для России — не вопрос жизни и смерти, СССР жил с ними десятилетия. URL: <https://tass.ru/politika/5697245>

⁴ Как СССР жил под западными санкциями с самого начала своего существования. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/150322/52822/https://kulturologia.ru/blogs/150322/52822/>

⁵ Патрушев: Работа оборонной промышленности невозможна без развития отечественного станкостроения и электроники. URL: https://rg.ru/2022/06/02/patrushev-rabota-oboronnoj-promyshlennosti-nevozmozhna-bez-razvitiia-otechestvennogo-stankostroeniia-i-elektroniki.html?_openstat=rg.ru; bloks; sujet-materials; article

- машиностроение (государственная поддержка производителей);
- информационные технологии [переход государственного сектора (здравоохранение, образование, государственные предприятия) на отечественное программное обеспечение; льготы ИТ-специалистам, стимулирование производства оборудования];
- государственные закупки (которые переводятся на отечественные товары) [6].

Наиболее успешным является опыт сельскохозяйственного сектора. Программы по поддержке и развитию отечественного производителя были запущены в 2010 г., через три года была разработана семилетняя программа по стимулированию, а в 2014 г. в качестве ответных санкций отечественный рынок был закрыт для иностранных поставщиков. Указанные меры позволили российскому производителю стать основным поставщиком на внутреннем рынке.

При этом острой остается проблема, связанная с сельскохозяйственной техникой, значительно вырос импорт определенной части молочной продукции (сухое молоко, мороженое), овощи поступают в основном из Китая, а фрукты — из Эквадора⁷.

Тяжелая промышленность испытывает наибольшие сложности, одной из коренных причин является противопоставление промышленного производства и инновационной высокотехнологичной экономики.

Также эксперты указывают на недостаточность финансирования и сильную зависимость от импорта, в ряде производств доходящую до 90%.

Акционер АО «КубаньЖелдорМаш» В.В. Яковлев комментирует ситуацию следующим образом: «Очень многое закупается за валюту. Мы не можем сегодня ни одну технику сделать, не привлекая чего-то импортного. Если мы купим “российское”, то оно тоже будет импортное, только с наценкой»⁸.

Импортозамещение отстает в высокотехнологичных областях, наиболее зависимых от иностранных комплектующих, таких как авиационное, радиоэлектроника, реабилитационная индустрия, фармацевтика и энергетическое машиностроение [7].

⁷ Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/date-Y/2015-2020/RU/export/world>

⁸ Почему российская промышленность уступает западной. URL: https://ocalift.ru/news-from-ocalift/news_post/kubanzheldormash_vyacheslav_yakovlev_intervyu_otr?ysclid=1de9271b90791423746.

По данным Агентства стратегических инициатив, численность российских предприятий электронной промышленности составляет около 290 тыс. сотрудников. Средний возраст работников — 45–50 лет⁹. На молодые квалифицированные кадры инженерного направления идет настоящая охота, поскольку большинство соискателей не удовлетворяют требованиям вследствие низкого уровня профессиональной подготовки¹⁰. Для повышения конкурентоспособности данного направления в отрасль планируется привлечь молодежь, формировать кадровый резерв, провести техническое перевооружение промышленных мощностей, усовершенствовать нормативно-правовую базу. В целях поддержки области разработана стратегия развития электронной промышленности, которая будет реализовываться с 2020 по 2030 г. и включает ряд этапов¹¹.

Первый этап характеризуется ростом доли отечественной электроники на внутреннем рынке, в том числе за счет реализации национальных проектов.

Второй этап предполагает выход на внешние рынки и участие в международных проектах.

На третьем этапе планируется достижение устойчивого роста отрасли, обеспечение технологического лидерства в приоритетных областях.

Сфера ИТ-индустрии характеризуется высоким спросом на отечественное программное обеспечение в государственном секторе, организациях с государственным участием, в коммерческих предприятиях, которые рискуют попасть под санкции.

Вместе с тем наблюдается отток ИТ-специалистов из страны — по различным оценкам, после начала военной спецоперации, в «первую волну», Россию покинули 50–70 тыс. специалистов, затем еще около 70–100 тыс. По мнению главы АНО «Информационная культура» И. Бегтина, минимальное количество уехавших — порядка 100 тыс. человек. По заявлению представителей Минцифры и правительства — до 85% уехавших уже вернулись в Россию¹².

⁹ Средний возраст работников электронной промышленности в России составляет около 50 лет. URL: <https://asi.ru/news/121405/>.

¹⁰ Инженеры настоящего и «Инженеры будущего». Есть проблемы. URL: <https://topwar.ru/79424-inzhenery-nastoyaschego-i-inzhenery-buduschego-est-problemy.html>

¹¹ Утверждена Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/38795/>

¹² Рынок труда в России (ИТ и телеком). URL: <https://russoft.org/news/rynok-truda-v-rossii-it-i-telekom/>

В данной ситуации профильное министерство предоставляет льготы, в том числе отсрочку от мобилизации для определенных категорий работников, а российские компании ищут кадры на развивающихся рынках, увеличивают количество дистанционных работников. Отметим, что рынок труда в данной сфере — единственный в РФ является кандидатским, иными словами, именно соискатель диктует условия и выбирает работодателя, особенно в сложившейся ситуации дефицита кадров. Напомним, что численность программистов и ИТ-специалистов в РФ составляет около 1 млн чел., отрасль испытывала кадровый голод порядка 100 тыс. чел. еще до массового оттока. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, данная профессиональная сфера является одной из самых престижных (16%), уступая только медицине (31%) и сфере образования (19%).

В сложившихся условиях драйвером развития экономики могут стать национальные проекты, которые были запущены в 2018 г. для реализации целей национального развития, сформулированных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным.

Нацпроекты охватывают 12 областей развития страны и нацелены на концентрацию бюджетных и административных ресурсов в стратегически важных направлениях, в том числе: «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жилье и городская среда», «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Экология», «Культура», «Здравоохранение», «Демография».

На протяжении ряда лет содержание проектов обновлялось, адаптировались бюджеты и сроки реализации. Большинство нацпроектов сопрягаются с программами по импортозамещению. Например, на импортозамещение в ИТ-индустрии работает программа «Цифровая экономика», которая, по замыслу разработчиков, должна увеличить количество российских цифровых решений и способствовать закреплению кадров в отечественной экономике. Проект «Производительность труда» направлен на увеличение выпуска продукции посредством внедрения принципов бережливого производства, материального

стимулирования и привлечения экспертов к решению производственных задач. То же справедливо в отношении проектов «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Экология» и «Здравоохранение», которые наряду с «Производительностью труда» и «Цифровой экономикой» входят в сферу интересов Фонда развития промышленности.

Дополнительно определены целевые показатели по закупкам у российских производителей, при этом отечественные товары не должны уступать западным аналогам по качеству и цене.

По мнению, главы «Ростеха» С. Чемезова, утрата доступа к отдельным товарам, комплектующим и технологиям — это не повод заниматься тотальным импортозамещением, а сигнал к налаживанию партнерств с другими участниками глобального рынка¹³.

В то же время эксперт предлагает сосредоточиться на наиболее перспективных областях, таких как «гражданское авиастроение, энергетическое и тяжелое машиностроение, нефтегазовое оборудование, приборостроение. Развитие этих отраслей имеет огромный мультипликативный эффект»¹⁴. Именно они должны стать объектом пристального внимания государства.

Сложно не согласиться с А. Брыкиным в том, что необходимо «отдавать приоритет национальной промышленности, договариваться с собственным производителем и за счет создания рабочих мест силами собственной экономики выполнять нацпроекты и госзаказ так, чтобы финансирование оставалось внутри страны и инициативы реализовывались на основе собственных технологических решений» [8].

В результате отечественный производитель получит долгосрочный контракт с гарантированным спросом на продукцию. Такое положение вещей изменит отношение к данной организации и частного инвестора, который с большей уверенностью будет вкладывать деньги в надежное предприятие с гарантированным спросом, и молодого специалиста, который будет иметь достойный заработок и возможности для самореализации в родной стране.

¹³ «Откуда пренебрежение к российскому?» Глава «Ростеха» об импортозамещении. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253>

¹⁴ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нуреев Р.М., ред. Экономические санкции против России: ожидания и реальность. Монография. М.: Кнорус; 2017. 194 с.
2. Шатилов А.Б. Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):16–21.
3. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Весь мир; 2020. 345 с.
4. Махаматова С.Т. Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):30–36.
5. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2011. 394 с.
6. Попова И.Н., Сергеева Т.Л. Импортзамещение в современной России: проблемы и перспективы. *Beneficium*. 2022;2(43):73–84.
7. Абдикеев Н.М. Импортзамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций. *Управленческие науки*. 2022;(3):53–69.
8. Быстров А.В., ред. Проблемы и перспективы развития промышленности России. Сборник Материалов VII международной научно-практической конференции «Промышленность России сквозь призму национальных проектов». М.: Русайнс; 2020. 386 с.

REFERENCES

1. Nureyev R.M., ed. Economic sanctions against Russia: expectations and reality. Monograph. Moscow: Knorus; 2017. 194 p. (In Russ.).
2. Shatilov A.B. Analytical support of the special military operation of Russia: the experience of the first stage. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):16–21. (In Russ.).
3. Toshchenko J.T. Trauma society: between evolution and revolution. Moscow: The Whole World; 2020. 345 p. (In Russ.).
4. Makhamatova S.T. Libertarianism as a continuation of the value breakdown. A view from Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):30–36. (In Russ.).
5. Reinert E.S. How rich countries became rich, and why poor countries remain poor. Transl. from Eng. Moscow: Publishing House of the State University — Higher School of Economics; 2011. 394 p. (In Russ.).
6. Popova I.N., Sergeeva T.L. Import substitution in modern Russia: problems and prospects. *Beneficium*. 2022;2(43):73–84. (In Russ.).
7. Abdikeev N.M. Import substitution in high-tech industries under external sanctions. *Managerial Sciences*. 2022;(3):53–69. (In Russ.).
8. Nureyev R.M., ed. Problems and prospects of Russian industry development. Collection of Materials of the VII International Scientific and practical conference “Industry of Russia through the prism of national projects”. Moscow: Ruscience; 2020. 386 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Саида Тауровна Махаматова — кандидат экономических наук, старший преподаватель департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

Saida T. Mahamatova — PhD in Economics, Senior Lecturer of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8104-937x>

mahamatova@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.10.2022; accepted for publication on 25.11.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-41-49
УДК 796.032.2(045)

Олимпийские зимние игры: этапы развития и страны — лидеры общего медального зачета

А. В. Швецов

Финансовый университет, при Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Олимпийские зимние игры прошли сложный путь развития и не сразу приобрели популярность и присущие им сейчас черты и масштабы. Для этих крупных международных спортивных форумов характерны те же проблемы и противоречия, что и для Игр Олимпиад. Многие из этих проблем выражены в незначительной степени, что обусловлено меньшей популярностью зимних видов спорта. В последнее время интерес при анализе основных показателей выступления национальных сборных на крупных спортивных турнирах представляет общекомандный медальный зачет, свидетельствующий об эффективности развития спорта высших достижений в той или иной стране. Цель статьи состоит в определении особенностей исторического развития Олимпийских зимних игр и положения стран в общекомандном медальном зачете. Для этого применялся анализ результатов соревнований, обобщение и интерпретация специальной и научно-методической литературы по вопросам истории и развития современного олимпийского спорта, олимпийского движения и Олимпийских зимних игр.

Ключевые слова: Олимпийские зимние игры; этапы развития; неофициальный командный зачет; общекомандный медальный зачет; рейтинг стран-лидеров

Для цитирования: Швецов А. В. Олимпийские зимние игры: этапы развития и страны — лидеры общего медального зачета. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):41-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-41-49

ORIGINAL PAPER

The Olympic Winter Games: Stages of Development and Leading Countries in the Overall Medal Standings

A. V. Shvetsov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The Olympic Winter Games have gone through a difficult path of development and did not immediately gain popularity and the features and scales inherent in them now. These major international sports forums are characterized by the same problems and contradictions as the Olympic Games. Many of these problems are expressed to a much lesser extent, which is due to the lower popularity of winter sports. The team medal standings have recently become an indicator of significant interest in the analysis of the main aspects of performance of national teams at major sports tournaments, which reveals the effectiveness of the development of high-performance sports in a particular country. The purpose of the study was to determine the features of the historical development of the Olympic Winter Games as well as the position of countries in the team medal standings. For this purpose, the following research methods were used: analysis of the results of competitions, generalization, and interpretation of special and scientific and methodological literature on the history and development of modern Olympic sports, Olympic movement, and the Olympic Winter Games.

Keywords: Olympic Winter Games; stages of development; unofficial team standings; team medal standings; ranking of leading countries

For citation: Shvetsov A. V. The Olympic Winter Games: Stages of development and leading countries in the overall medal standings. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):41-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-41-49

ВВЕДЕНИЕ

В период своего зарождения современное олимпийское движение ориентировалось на ценности либерализма, представителями которого были основатели и члены Международного олимпийского комитета (МОК) [1–4]. Это нашло отражение в Олимпийской хартии, где подчеркивается приоритет прав личности в социальных сферах, а правило 9.1. гласит: «Олимпийские игры являются соревнованиями между спортсменами в индивидуальных или командных видах, а не между странами»¹. Но для большинства болельщиков и специалистов Игры Олимпиад, Олимпийские зимние игры (ОЗИ) и другие крупные международные соревнования представляют интерес с точки зрения успешности выступления своих соотечественников и положения (рейтинга) страны в неофициальном командном зачете (НКЗ), который получил широкое распространение, несмотря на противодействие МОК.

Впервые итоги НКЗ появились в печати в 1908 г., после окончания Олимпийских игр (ОИ-08). Тогда за каждую медаль начисляли очки: золотая — 3 очка, серебряная — 2 и бронзовая — 1 очко. По сумме очков страны ранжировались в НКЗ. Начиная с ОИ-24 стали учитывать первые 6 мест в каждом виде программы по системе 7–5–4–3–2–1. Применялся вариант, когда за 1-е место начисляли 10 очков [1, 5, 6]. С 1960-х гг. и по настоящее время при определении успешности выступления национальных команд чаще всего используется обычный подсчет медалей, выигранных представителями одной страны. В данном случае рейтинг страны в НКЗ определяется не по сумме выигранных медалей различного достоинства, а по количеству золотых наград.

При определении общекомандного медального зачета (ОМЗ) или суммарного подсчета олимпийских медалей, выигранных спортсменами какой-либо страны за все ОЗИ, в которых эта страна принимала участие, необходимо учитывать важный политический момент: со временем государства могут прекращать свое существование, а на их территории образуются новые, и в этом случае награды несуществующих ныне стран не суммируются с теми медалями, которые выиграла спортсмены вновь образовавшихся государств.

ПЕРВЫЙ ЭТАП – ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОЗИ (1924–1952 ГГ.)

В конце XIX в. занятия физической культурой и спортом были уделом небольшой группы людей, главным образом — аристократии и буржуазии. Но уже в это время соревнования по лыжным гонкам, скоростному бегу на коньках и фигурному катанию стали популярными, особенно в Северной Европе. Поэтому не случайно, что вопрос о включении в программу возрождаемых современных Олимпийских игр зимних видов спорта стал актуальным и рассматривался на первом Олимпийском конгрессе 1894 г. в Париже.

Впервые зимние виды спорта были представлены на ОИ в Лондоне в 1908 г., где соревновались представители фигурного катания на коньках. Затем на ОИ-20 в Антверпене были успешно проведены соревнования по фигурному катанию и турнир по хоккею с шайбой у мужчин. После этого почти не осталось сомнений в целесообразности включения зимних видов спорта в отдельные соревнования, и зародилась идея проведения ЗОИ [1, 2, 7, 8].

Самой главной и серьезной проблемой в организации первых ОЗИ было противодействие со стороны скандинавских стран и Финляндии, считавших, что не следует организовывать зимние Игры, ведь в Древней Греции не было таких видов спорта.

Огромную работу в продвижении идеи организации Белых олимпиад проявил П. Кубертен. В 1922 г. он добился создания комиссии по организации зимних Игр, в которую были включены представители Швеции, Франции, Норвегии, Швейцарии и Канады, а затем настоял на организации в 1924 г. «Недели зимнего спорта». По замыслу П. Кубертена, должен был получиться показательный турнир по зимним неолимпийским видам спорта [7]. Ради того, чтобы программа «Недели зимнего спорта» была достаточно полной, из соревновательной программы Игр VIII Олимпиады 1924 г. в Париже были исключены хоккей и фигурное катание.

С 25 января по 5 февраля 1924 г. в горном курорте Шамони (Франция) была проведена «Международная спортивная неделя по случаю VIII Олимпиады». В ней приняли участие спортсмены из 16 стран: Австрии, Бельгии, Венгрии, Великобритании, Италии, Канады, Латвии, Норвегии, Польши, США, Чехословакии, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции и Югославии.

¹ Олимпийская хартия (в действии с 8 июля 2011 г.). Пер. с англ. М.: МОК; 2012. 54 с.

Таблица 1 / Table 1

Страны и команды, вошедшие в первую тройку НКЗ на ОЗИ / Countries and teams in the top three unofficial team standings at Winter Olympic Games

№	Страна	1924–1952			1956–1988			1992–2022			Σ
		1	2	3	1	2	3	1	2	3	
1	Норвегия	5	1	–	1	–	1	4	2	1	15
2	США	1	2	–	–	–	4	–	1	2	10
3	Швеция	–	1	3	–	–	–	–	–	–	4
4	Финляндия	–	1	1	–	–	1	–	–	–	3
5	Австрия	–	–	1	–	2	–	–	–	1	4
6	Германия	–	1	–	–	–	–	3	4	1	9
7	Швейцария	–	–	1	–	–	2	–	–	–	3
8	СССР	–	–	–	7	2	–	–	–	–	9
9	ОКГ	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
10	Франция	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
11	ГДР	–	–	–	1	4	–	–	–	–	5
12	СНГ	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
13	Россия	–	–	–	–	–	–	1	–	2	3
14	Канада	–	–	–	–	–	–	1	1	1	3
15	КНР	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
	Итого:	6	6	6	9	9	9	9	9	9	72

Источник: составлено автором / compiled by the author.

Открывавший мероприятие премьер-министр Франции Гастон Видаль провозгласил, что «соревнования организованы под патронажем МОК». Олимпийский флаг, хотя и не был поднят на центральном стадионе, присутствовал на соревнованиях по бобслею и прыжкам с трамплина, а также у пьедестала во время церемоний награждения. Соревнования вызвали большой международный резонанс, и конгресс МОК в Праге 27 мая 1925 г. принял решение о регулярном проведении Олимпийских зимних игр (ОЗИ), а «Международную спортивную неделю по случаю VIII Олимпиады» стали считать первыми ОЗИ.

Из первых шести ОЗИ пять были проведены в Европе, а ОЗИ-32 впервые прошли на другом континенте — в США. При организации и проведении первых ОЗИ остро сказывалась нехватка материальных средств, особенно на строительство и подготовку спортивных сооружений и инфраструктуры. Часто проведение

олимпийских соревнований зависело от капризов погоды, так как все старты проводились на открытом воздухе. Из-за Второй мировой войны в 1940 и 1944 гг. ОЗИ не проводились, что нанесло урон олимпийскому движению. Но, несмотря на эти и другие трудности, олимпийское движение постепенно набирало силу и популярность. О росте популярности зимних видов спорта свидетельствует динамика основных показателей ОЗИ: если на I ОЗИ-24 было разыграно 16 комплектов наград и в них приняли участие 293 спортсмена из 16 стран, то уже на VI ОЗИ-52 были разыграны 22 комплекта и приняли участие 694 спортсмена из 30 стран.

Соотношение сил между странами в НКЗ на этом и других этапах развития ОЗИ представлено в табл. 1. Показатели НКЗ на первом этапе свидетельствуют о явном преимуществе Норвегии, которая побеждает на пяти ОЗИ. Второй страной, победившей в НКЗ, становятся США, выигравшие домашние ОЗИ-32. Всего в первую

тройку (ТОР-3) НКЗ сумели попасть 7 стран: Норвегия, Швеция, США, Финляндия, Австрия, Германия и Швейцария.

Программа ОЗИ на этом этапе меняется не существенно: к бобслею, лыжным гонкам, прыжкам на лыжах с трамплина, лыжному двоеборью, скоростному бегу на коньках, хоккею с шайбой и фигурному катанию на коньках в 1936 г. добавляются соревнования по горнолыжному спорту. Количество разыгрываемых комплектов медалей возрастает с 16 до 22, а всего за первые шесть ОЗИ разыграно 105 комплектов наград.

ВТОРОЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОЗИ (1956–1988 ГГ.)

Этот этап тесно связан с дальнейшим поступательным развитием человечества. Это время триумфа и внедрения научно-технического прогресса (НТП), механизации и автоматизации во многие сферы человеческого общества, что способствует стремительному научному и экономическому подъему. Как следствие, наблюдается резкий рост спортивных достижений за счет внедрения достижений НТП в тренировочный процесс, совершенствуются методики тренировки, спортивный инвентарь и оборудование. Расширяются и укрепляются международные связи в спортивном и олимпийском движении: увеличивается количество международных соревнований, возрастает роль МОК, национальных олимпийских комитетов (НОК) и международных спортивных федераций (МСФ). Крупные международные соревнования становятся событиями мирового масштаба и подробно освещаются в СМИ (в том числе по телевидению и радио). Для ведущих стран достижения в спорте сопоставимы с достижениями в науке, экономике и культуре [1–3, 8, 9].

Но главным событием второго этапа является появление на олимпийских аренах спортсменов из социалистических стран, которые становятся лидерами олимпийского спорта. Так, СССР является третьей страной, выигравшей НКЗ в своих дебютных ОЗИ-56. Итог выступлений: на девяти ОЗИ команды из СССР 7 раз становились первыми и дважды были вторыми в НКЗ. Так результативно и эффективно не выступала ни одна другая страна.

Основной соперник СССР — команда другого социалистического государства — ГДР, которая на пяти ОЗИ подряд с 1972 по 1988 г. не опускается ниже 2-го места, а на ОЗИ-84 выигрывает,

став четвертой страной, победившей в НКЗ. Итог выступлений: из шести участия — одна победа и 4 раза 2-е место в НКЗ.

Феномен СССР и ГДР — исключительно яркая, но и полная противоречий часть истории олимпийского движения. Можно утверждать, что именно успехи атлетов соцстран послужили основанием для перестройки системы подготовки и финансирования спортсменов: стали создаваться крупные центры олимпийской подготовки, появились государственные программы развития и национальные фонды поддержки олимпийского спорта, стали широко внедряться в практику результаты научных исследований и новых технологий НТП.

СССР и ГДР полностью доминируют на ОЗИ в этот период времени. Норвегия выступает не так успешно, как ранее: победа на ОЗИ-68 и 3-е место на ОЗИ-64, а с 1972 по 1988 г. страна на пяти Играх подряд не попадает в ТОР-3 НКЗ. Всего на этом этапе в ТОР-3 НКЗ вошли 9 стран: СССР, ГДР, США, Австрия, Норвегия, Швейцария, Финляндия, Объединенная команда Германии (ОКГ) и Франция (табл. 1).

Рост популярности зимних видов спорта на втором этапе выражается и в расширении географии проведения Белых олимпиад. Так, ОЗИ-72 впервые были проведены в Азии (Япония), а также в Северной Америке: дважды в США (ОЗИ-60 и ОЗИ-80) и один раз в Канаде (ОЗИ-88). Количество стран-участниц увеличилось до 57, а число спортсменов составило 1423 чел. (ОЗИ-88). В программу соревнований в 1960 г. добавляется биатлон, а в 1964 г. — санный спорт. Число комплектов наград увеличивается с 24 до 46, а всего на девяти ОЗИ, прошедших на этом этапе, разыграно 315 комплектов медалей.

ТРЕТИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОЗИ (1992–2022 ГГ.)

Этот этап характеризуется интенсификацией процессов профессионализации и коммерциализации всего олимпийского спорта, а также значительным увеличением программы соревнований за счет включения новых видов спорта. До 1992 г. ОЗИ проводились в тот же год, что и Игры Олимпиад. Но затем, по решению МОК, стали проводиться отдельно: по высокому годам — ОИ, а по другим четным — ОЗИ. В 1992 г. в программу ОЗИ вошли фристайл и шорт-трек, в 1998 г. — керлинг и сноубординг, а в 2002 г. — скелетон. На данный момент во

всех олимпийских зимних видах спорта (кроме прыжков с трамплина и двоеборья) мужчины и женщины разыгрывают одинаковое число наград, а их общее количество увеличилось с 57 до 109. Число стран-участниц возросло до 95, а спортсменов — до 3-х тыс. (ОЗИ-22).

Важную роль в повышении популярности олимпийского спорта и современных ОИ сыграло и продолжает играть телевидение, превратившее его в товар, стоимость которого резко возросла после допуска на Олимпийские игры профессионалов. Главные изменения, произошедшие в олимпийском спорте на рубеже XX и XXI столетий, — это адаптация соревнований под современные требования телевидения, от которого целиком и полностью зависит дальнейшее развитие любого вида спорта. Сейчас телевидение является основным источником финансирования в современном олимпийском спорте, а телевизионные рейтинги выступают главным критерием успеха или провала тех или иных спортивных соревнований и популярности видов спорта [10, 11].

Коммерциализация олимпийского спорта способствовала дальнейшему географическому расширению мест проведения ОЗИ: две Белые олимпиады были проведены в Америке (США-02 и Канада-10), три — в Азии (Япония-98, Южная Корея-18, КНР-22) и остальные четыре — в Европе.

Начало третьего этапа развития ОЗИ совпадает с завершением почти 40-летнего периода противостояния на олимпийской арене социалистической и капиталистической систем. Распад социалистического лагеря привел к появлению новых и исчезновению таких стран, как СССР, ГДР, ЧССР и др., что повлияло на ситуацию в НКЗ. Спортсмены из бывшего СССР на ОЗИ-92 выступали под флагом МОК как команда Содружества независимых государств (СНГ) и заняли 2-е место после объединенной Германии, которая стала пятой страной, победившей в НКЗ на ОЗИ.

За прошедшие на этом этапе девять ОЗИ Германия трижды выигрывает и только на ОЗИ-14 не попадает в тройку НКЗ. Но если Германия осталась на лидирующих позициях, то Россия постепенно их теряет. После победы на ОЗИ-94 Россия становится шестой страной, победившей в НКЗ, следует постепенное снижение в рейтинге НКЗ: 3-, 5-, 4- и 11-е места. Итоги домашних ОЗИ-14 в Сочи через 2 года были

пересмотрены, и страна опускается с 1-го на 3-е место. Из-за санкций, наложенных МОК, Россия пропускает следующие Игры: на ОЗИ-18 российские спортсмены выступают как команда «олимпийских атлетов из России» (ОАР, 13-е место), а на ОЗИ-22 как команда Олимпийского комитета России (ОКР, 9-е место).

Седьмой страной, сумевшей выиграть НКЗ на ОЗИ, становится Канада. Во многом эта победа стала возможной благодаря внедрению государственной программы, включающей стабильное финансирование многолетней подготовки спортсменов, претендующих на высокие места на ОЗИ. Затем Канада становится второй на ОЗИ-14, третьей на ОЗИ-18 и одиннадцатой на ОЗИ-22.

Всего в ТОП-3 НКЗ на этом этапе сумели попасть 8 команд: Германия, СНГ, Норвегия, Россия, США, Канада, Австрия и КНР. Необходимо отметить, что КНР стала первой азиатской страной, которая достигла такого успеха.

Таким образом, за всю историю проведения ОЗИ 15 команд сумели войти в первую тройку НКЗ (табл. 1). Чаще всего это удавалось Норвегии (15 раз), США (10), Германии и СССР (по 9). Далее с большим отрывом — ГДР (5), Швеция и Австрия (по 4), а остальные 8 стран попадали в ТОП-3 не более трех раз. Побеждали в НКЗ спортсмены из семи стран: Норвегия (10 раз), СССР (7), Германия (3), США, ГДР, Россия и Канада (все — по разу).

Кроме НКЗ, другим важным показателем успешности выступления национальных сборных на ОЗИ является рейтинг общекомандного медального зачета (ОМЗ). За всю историю ОЗИ призерами этих соревнований становились спортсмены 47 команд и стран, а представители 41-й страны выигрывали золотые медали. На данный момент в полном списке ОМЗ находятся 9 несуществующих европейских государств и команд: Югославия, ЧССР, ОКГ, СНГ, ФРГ, ГДР, СССР, ОАР и ОКР. Из остальных 38 стран 28 представляют Европу, 6 — Азию, 2 — Северную Америку, сюда же входят Австралия и Новая Зеландия. Положение 17 ведущих стран и команд, имеющих непосредственное отношение к выступлениям советских и российских спортсменов на ОЗИ, представлено в табл. 2.

Большую часть всех наград завоевали страны, занимающие в таблице с 1-го по 17-е места: 12 европейских, а также США, Канада, Япония, Южная Корея и КНР. Они выиграли 3075 медалей из 3489, что составляет 88,1% [1053 золотых

Рейтинг лидирующих стран в ОМЗ на ОЗИ / Ranking of leading countries in team medal standings at Winter Olympic Games

№	Страна	Золото	Серебро	Бронза	Всего	1*	2**
1	Норвегия	148	133	124	405	10	24
2	США	113	120	96	329	1	24
3	Германия	104	98	64	266	3	13
4	СССР	78	57	59	194	7	9
5	Канада	77	71	78	226	1	24
6	Австрия	71	88	91	250	–	24
7	Швеция	65	51	60	176	–	24
8	Швейцария	62	48	58	168	–	24
9	Нидерланды	53	49	45	147	–	22
10	Россия	46	38	35	119	1	6
11	Финляндия	45	65	65	175	–	24
12	Италия	42	43	56	141	–	24
13	Франция	41	42	55	138	–	24
14	ГДР	39	36	35	110	1	6
15	Южная Корея	33	30	16	79	–	19
16	КНР	22	32	22	76	–	12
17	Япония	17	28	31	76	–	22
21	СНГ	9	6	8	23	–	1
25	ОКР	6	12	14	32	–	1
32	ОАР	2	6	9	17	–	1

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: * – количество побед в НКЗ; ** – участие в ОЗИ (всего разыграно 1163 комплекта наград).

из 1163 (90,5%)]]. В этих европейских странах, а также США и Канаде лыжный и конькобежный спорт был широко распространен еще в конце XIX в. В Японии, Южной Корее и КНР развитие зимних видов спорта во многом определялось ростом экономики этих стран во второй половине XX в. Сейчас все страны, лидирующие в рейтинге ОМЗ, имеют высокие показатели экономического и социального развития.

Остальные 424 медали (11,9%) выиграла спортсмены из 30 стран и команд, среди которых 25 – из Европы (в том числе 7 несуществующих), 3 – из Азии (Казахстан, Узбекистан и КНДР), а также Австралия и Новая Зеландия.

Среди призеров ОЗИ нет спортсменов из стран Латинской Америки, Африки и Азии (за исключением шести государств). И такое положение сохранится, на наш взгляд, и на ближайшую перспективу, так как определяется объективной причиной – наличием снежного покрова и ледяной поверхности, что в разной степени возможно только в тех странах, которые расположены в умеренных, континентальных и субарктических климатических поясах. Другой важной причиной, как было сказано выше, является уровень экономического и социального развития страны, а также народные и спортивные традиции.

Лидером ОМЗ как в отдельных категориях медалей (золотые, серебряные и бронзовые), так и по сумме наград является Норвегия. На I ОЗИ она завоевала 4 золотых, 7 серебряных и 6 бронзовых медалей ($4 + 7 + 6 = 17$). Наибольшее число медалей выиграно на ОЗИ-18: 39 ($14 + 14 + 11$), что является рекордным достижением за всю историю проведения зимних олимпиад. На ОЗИ-22 норвежские спортсмены установили еще один рекорд — выиграли 16 золотых медалей. Свои худшие результаты страна показала на ОЗИ-88, где единственный раз осталась без золота, выиграв только 5 медалей ($0 + 3 + 2$).

Второе место по медальным достижениям занимают США. Спортсмены этой страны выигрывали золото на всех ОЗИ. В XX в. наихудшими показателями стали 4 медали на ОЗИ-24 и ОЗИ-36, а наилучшими — на ОЗИ-32 и ОЗИ-80: $6 + 4 + 2 = 12$. Команда редко выигрывала больше 10 медалей разного достоинства. Но все поменялось с конца прошлого века, когда в олимпийский спорт пришли коммерциализация и телевидение. В XXI в. США стабильно выигрывают по 8–10 золотых медалей, а в сумме — не меньше 23 наград. Максимальные значения достигнуты на ОЗИ-10: $9 + 15 + 13 = 37$, что является вторым показателем после Норвегии.

Третье место в рейтинге ОМЗ занимает Германия, которая 13 раз принимала участие в ОЗИ. С 1992 г. Германия вновь выступает единой командой, демонстрируя отличные результаты, а лучший установлен на ОЗИ-02: $12 + 16 + 8 = 36$, что является третьим показателем после Норвегии и США.

Четвертое место занимает несуществующий ныне СССР. Советские спортсмены приняли участие в девяти ОЗИ и доминировали на них с 1956 по 1988 г. Наиболее успешными были выступления на ОЗИ-76 ($13 + 6 + 8 = 27$) и на ОЗИ-88 ($11 + 9 + 9 = 29$). На тот момент это были рекордные показатели среди стран — участниц ОЗИ. В 1992 г. представители СССР выступали под флагом МОК как команда Содружества независимых государств (СНГ) и выиграли 23 награды ($9 + 6 + 8$). С этими показателями СНГ занимает 21-е место в ОМЗ.

На пятом месте — Канада. Она участвовала во всех ОЗИ, но наиболее значимые результаты показывает, начиная с ОЗИ-94: $3 + 6 + 4 = 13$. До этого Канада не выигрывала больше двух золотых медалей, а в сумме — не больше семи наград. Постепенно достижения росли, и на вторых домашних ОЗИ-10 Канада единственный

раз побеждает в НКЗ ($14 + 7 + 5 = 26$). На восьми ОЗИ с 1994 г. страна завоевывает 175 медалей ($62 + 57 + 56$), что выводит ее в число лидеров в общем медальном зачете.

Австрия замыкает шестерку лидеров общего медального зачета. На ОЗИ-06 были достигнуты максимальные показатели по количеству наград: $9 + 7 + 7 = 23$. Но по сумме выигранных медалей (250) страна опережает и СССР (194), и Канаду (226), которые находятся выше в данном рейтинге из-за большего числа золотых наград.

Места с 7-го по 15-е в рейтинге ОМЗ занимают европейские страны, которые принимали участие во всех ОЗИ (за исключением России и ГДР). В отличие от Норвегии, одни из родоначальников зимних видов спорта — Швеция и Финляндия — после успешных выступлений на первом этапе (1924–1952 гг.) постепенно снижали свои показатели и сейчас занимают соответственно 7-е и 11-е места. Швейцария, Франция и Италия — альпийские страны, и во многом их успехи связаны с горными лыжами, фристайлом и сноубордингом, а Нидерланды — явный лидер в конькобежном спорте.

Десятое место — у России, которая самостоятельно выступает с ОЗИ-94. Несмотря на экономические трудности и социальные потрясения 1990–2000-х гг., система подготовки спортсменов, созданная в СССР, интерес государства в спорте высших достижений и большой человеческий потенциал позволяют стране в сложных условиях оставаться одним из лидеров олимпийского спорта. Россия смогла подготовить и отлично провести ОЗИ-14 в Сочи, где наши спортсмены выступили успешно. Даже после пересмотра итогов соревнований у нас рекордное количество наград: $10 + 9 + 9 = 28$.

Места с 15-го по 17-е в рейтинге ОМЗ занимают азиатские страны, основные достижения которых приходятся на третий этап развития ОЗИ и во многом определяются резким ростом их экономического развития. Среди этих стран необходимо выделить успехи КНР, которая в трудных условиях пандемии коронавируса на высоком уровне провела ОЗИ-22, показав максимальные для себя результаты: $9 + 4 + 2 = 15$, которые свидетельствуют о высоком потенциале страны в зимних видах спорта.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования можно заключить следующее:

1. С момента возникновения в 1924 г. и по настоящее время Олимпийские зимние игры являются самым крупным международным спортивным форумом, объединяющим соревнования по различным зимним видам спорта. Вместе с Играми Олимпиад ОЗИ стали вершиной развития олимпийского движения и олимпийского спорта. Историю ОЗИ можно разделить на три этапа, для каждого из которых характерны свои особенности, определяемые объективными законами развития, материальными условиями жизни общества, его научно-техническими и социально-культурными достижениями.

Важным критерием успешного выступления национальных команд в ОЗИ для многих болельщиков и специалистов является положение страны в НКЗ, который получил широкое распространение, несмотря на противодействие МОК.

2. Норвегия, США и Германия возглавляют общекомандный медальный зачет ОЗИ. Норвегия — явный лидер, и ей принадлежат лучшие показатели, как по сумме медалей, так и по отдельным категориям наград. Лыжный спорт в Норвегии в приоритете, и поэтому не случайно, что ставка всегда делалась на успешное выступление в лыжных гонках, прыжках с трамплина, лыжном двоеборье, горных лыжах и биатлоне. В основе успехов США лежит стратегия, ориентированная на подготовку спортсменов в большинстве видов олимпийской программы

с акцентом на медалеемкие и коммерчески привлекательные: горные лыжи, фигурное катание, фристайл, сноубординг и конькобежный спорт. Достижения Германии на ОЗИ во многом определяются результатами в биатлоне, бобслее, конькобежном и санном спорте.

3. Россия занимает 10-е место в общекомандном медальном зачете ОЗИ. По решению МОК последние ОЗИ в 2018 и в 2022 гг. российские спортсмены проводили в нейтральном статусе, а их выступления свидетельствуют о снижении медальных показателей, и, скорее всего, эта тенденция сохранится и в ближайшей перспективе. Основными причинами такой динамики являются, на наш взгляд, следующие факторы: во-первых, исчерпание резервов советской системы подготовки спортсменов международного уровня; во-вторых, допинговые скандалы, из-за которых страна все больше и больше теряет свой спортивный и политический авторитет.

4. Достижения стран — лидеров в олимпийском спорте свидетельствуют о значимой роли государственных структур в подготовке спортсменов и в развитии тех видов спорта, которые имеют высокий уровень материально-технического оснащения и базируются на народных и спортивных традициях. Независимо от политического устройства, человеческого и экономического потенциала правительства этих стран стремятся к увеличению своей роли или полностью определяют политику в развитии спорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платонов В. Н., Гуськов С. И. Олимпийский спорт. Учебник в 2 кн. Кн. 1. Киев: Олимпийская литература; 1994. 496 с.
2. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта. М.: ФиС; 2000. 423 с.
3. Суник А. Б. Российский спорт и олимпийское движение. М.: Советский спорт; 2001. 664 с.
4. Швецов А. В., Фомин Ю. А. Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):54–58.
5. Энциклопедия современного олимпийского спорта. Киев: Олимпийская литература; 1998. 599 с.
6. Хавин Б. Н. Все об Олимпийских играх. М.: ФиС; 1979. 607 с.
7. Кубертен П. Олимпийские мемуары. Киев: Олимпийская литература; 1997. 180 с.
8. Родиченко В. С. Олимпийская идея для России. М.: Диалог культур; 2011. 319 с.
9. Починкин А. В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России. М.: Советский спорт; 2006. 216 с.
10. Починкин А. В. Спортивный менеджмент XXI века: основные направления и особенности развития: монография. Малаховка: Московская государственная академия физической культуры; 2022. 248 с.
11. Швецов А. В., Никишин И. В. Биатлон и лыжные гонки на российском телевидении в сезоне 2019/2020. *Вестник спортивной науки*. 2020;(6):82–85.

REFERENCES

1. Platonov V.N., Guskov S.I. Olympic sport: textbook in 2 books. Book 1. Kiev: Olympic literature; 1994. 496 p. (In Russ.).
2. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Melnikova N. Yu. History of physical culture and sports. Moscow: FIS; 2000. 423 p. (In Russ.).
3. Sunik A.B. Russian sport and the Olympic movement. Moscow: Soviet sport; 2001. 664 p. (In Russ.).
4. Shvetsov A.V., Fomin Yu.A. Olympic ideals as a component of consciousness. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10 (2):54–58. (In Russ.).
5. Encyclopedia of modern Olympic sport. Kiev: Olympic literature; 1998. 599 p. (In Russ.).
6. Khavin B.N. All about the Olympic Games. Moscow: FIS; 1979. 607 p. (In Russ.).
7. Coubertin P. Olympic memoirs. Kiev: Olympic literature; 1997. 180 p. (In Russ.).
8. Rodichenko V.S. Olympic idea for Russia. Moscow: Dialogue of cultures; 2011. 319 p. (In Russ.).
9. Pochinkin A.V. Formation and development of professional commercial sports in Russia. Moscow: Soviet sport; 2006. 216 p. (In Russ.).
10. Pochinkin A.V. Sports management of the XXI century: the main directions and features of development. Monograph. Malakhovka; 2022. 248 p. (In Russ.).
11. Shvetsov A.V., Nikishin I.V. Biathlon and cross-country skiing on Russian television in the 2019/2020 season. *Bulletin of Sports Science*. 2020;(6):82–85 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Валентинович Швецов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey V. Shvetsov — Ph.D. in Pedagogic Sciences, Associate Professor in the Department of Physical Education, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

Shvedcov2004@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-50-55
УДК 351(045)

Анализ изменений, внесенных в проект бюджета США, в контексте демократического курса Джо Байдена (влияние на бюджетный дефицит в 2022–2031 годах и экономику в целом)*

Л.В. Жукова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы изменения, внесенные в законопроект бюджета США на 2022–2031 гг., которые отражают увеличение затрат на программы, являющиеся основой экономической политики Джо Байдена. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что выполнение предвыборных обещаний действующего президента не стимулирует экономику в кризисный период, а раздувает бюджетный дефицит и все больше загоняет США в «долговую яму». Такая политика приносит «облегчение» экономике в краткосрочном периоде, но крайне токсична в долгосрочном. Возникающие риски негативно отражаются на имидже демократов в целом, провоцируя внутрипартийный раскол и предоставляя преимущество республиканцам.

Ключевые слова: США; демократы; республиканцы; климатическая политика; ВИЭ; экономическая политика США; бюджетный дефицит; бюджет США

Для цитирования: Жукова Л.В. Анализ изменений, внесенных в проект бюджета США, в контексте демократического курса Джо Байдена (влияние на бюджетный дефицит в 2022–2031 годах и экономику в целом). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-50-55

ORIGINAL PAPER

Analysis of the Changes Made to the US Draft Budget in the Context of Joe Biden’s Democratic Polity and Agenda (Impact on the Budget Deficit in 2022–2031 and the Economy as a Whole)**

L.V. Zhukova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In this article, the author analyzed the changes made to the US budget bill for 2022–2031, which reflect the increased spending on programs that are the foundation of Joe Biden’s economic policy. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the delivering on the electoral promises of the current President, does not stimulate the economy during the crisis period, but inflates the budget deficit and increasingly drives the United States into bad debts. Such a policy brings “relief” to the economy in the short-term, but it is extremely toxic in the long-term prospective. The emerging risks negatively affect the image of the Democrats as a whole, provoking intra-party divisions and giving the Republicans an advantage.

Keywords: USA; democrats; republicans; climate policy; renewables; US economic policy; budget deficit; US budget

For citation: Zhukova L.V. Analysis of the changes made to the US draft budget in the context of Joe Biden’s democratic polity and agenda (impact on the budget deficit in 2022–2031 and the economy as a whole). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-50-55

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

19 ноября 2021 г. палата представителей США приняла законопроект бюджета страны, в котором будут реализованы ключевые элементы плана президента Джо Байдена касательно экономической повестки. Законопроект H.R. 5376: Build Back Better Act до последнего сопровождался громкой критикой, прежде всего со стороны республиканцев. Распределение голосов в палате представителей говорит о том, что в целом прохождение документа в Сенат произошло только благодаря демократическому большинству в нижней палате Конгресса. Так, за законопроект проголосовали все демократы, кроме одного (против был представитель штата Мэн), в то время как все республиканцы, за исключением одного (представитель штата Пенсильвания воздержался) проголосовали против (см. таблицу).

Бюджетное управление Конгресса США подсчитало, что в представленном виде законопроект увеличит дефицит на 367 млрд долл. (совокупно с 2022 по 2031 финансовый год), что отражает общее увеличение расходов на 1,636 трлн долл., компенсируемое дополнительными доходами на 1,27 трлн долл. Расчеты не включают экстрадоход от изменения налогового законодательства, которое, согласно отдельной оценке Бюджетного управления Конгресса, может привлечь совокупно до 207 млрд долл. за вышеуказанный период (рис. 1).

На рис. 1 представлена кумулятивная динамика в изменении расходов и доходов бюджета США, из которой видно, что даже без дополнительных мер финансирования бюджетный дефицит начнет сокращаться только в 2027 г., что продиктовано существенным ростом налоговых поступлений с 2022 г. До 2027 г. в продемократической версии

преобладает увеличение трат, основная часть которых должна пойти на образование и социально-трудовое развитие. По вышеуказанной статье чистый прирост расходов (здесь и далее показатель отражает плановое изменение в расходах бюджета по статье за вычетом плановых изменений доходов бюджета по данной статье) в контексте экономического плана президента Д. Байдена за период с 2022 по 2031 г. совокупно составляет 454,1 млрд долл. Еще одной не менее затратной статьёй является поддержка энергетики и коммерции — здесь предложенное плановое увеличение расходов за вышеуказанный период составляет 281,5 млрд долл. На третьем месте — затраты на поддержание сферы финансовых услуг, на которую предлагается выделить 150,7 млрд долл. дополнительных средств. Увеличение затрат на прочие статьи расходов бюджета в продемократической версии представлено на рис. 2.

Финансирование самых затратных программ в наибольшем масштабе запланировано на период 2025–2028 гг., в результате чего к середине десятилетия совокупный бюджетный дефицит увеличится на 792 млрд долл. Несмотря на намерение Д. Байдена баллотироваться на второй срок в 2024 г.,¹ физическое состояние действующего президента, находящегося в преклонном возрасте (79 лет на момент написания статьи), с большой вероятностью не позволит ему руководить страной с 2025 г. Низкие рейтинги Байдена также могут «развернуть» избирателя в сторону республиканцев, а поскольку «красные» не поддерживают многие из продвигаемых им инициатив, законодательство с высокой степенью вероятности вновь изменится. Теоретически

¹ URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/23/srok/>

Таблица / Table

Результаты голосования в Палате представителей по законопроекту Бюджета США на 2022–2031 гг. (H.R. 5376: Build Back Better Act) / Results of the vote in the House of Representatives on the US Budget Bill 2022–2031 (H.R. 5376: Build Back Better Act)

Партия	Против	Воздержался	За	Всего	Всего, в %
Демократы	1	0	220	221	51
Республиканцы	212	1	0	213	49
Всего	213	1	220	434	100
Всего, в %	49	0	51	100	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

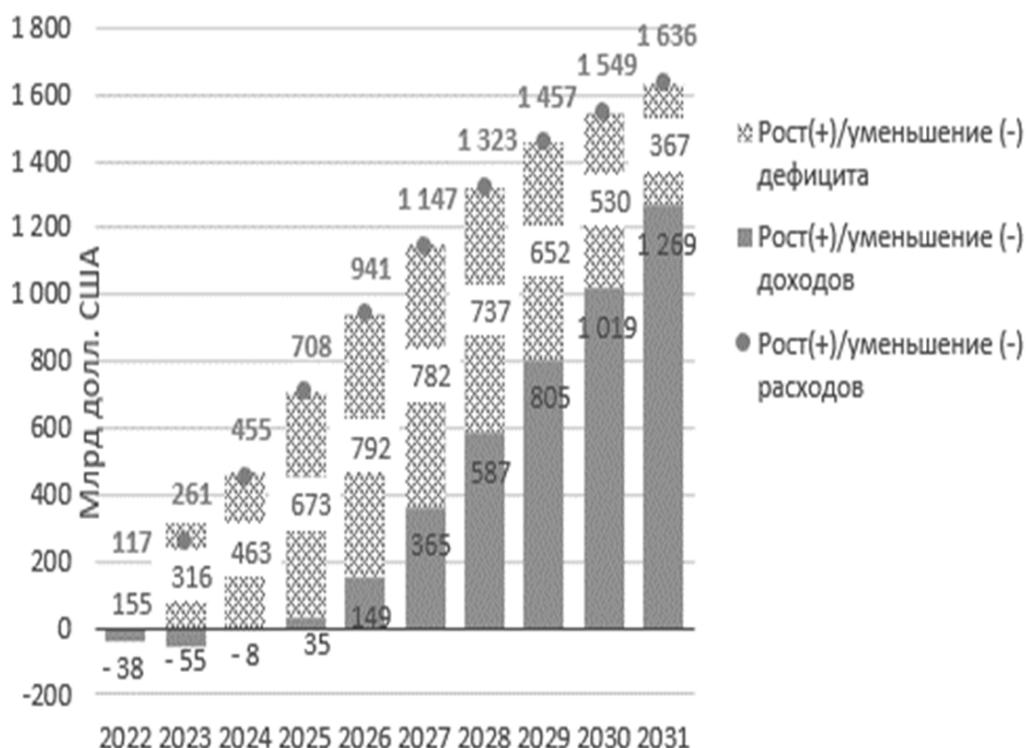

Рис. 1 / Fig. 1. Изменение дефицита бюджета США в связи с продемократическим планом Джо Байдена на период 2022–2031 гг. / Change in the US budget deficit due to Biden’s pro-democracy plan for the period 2022–2031

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

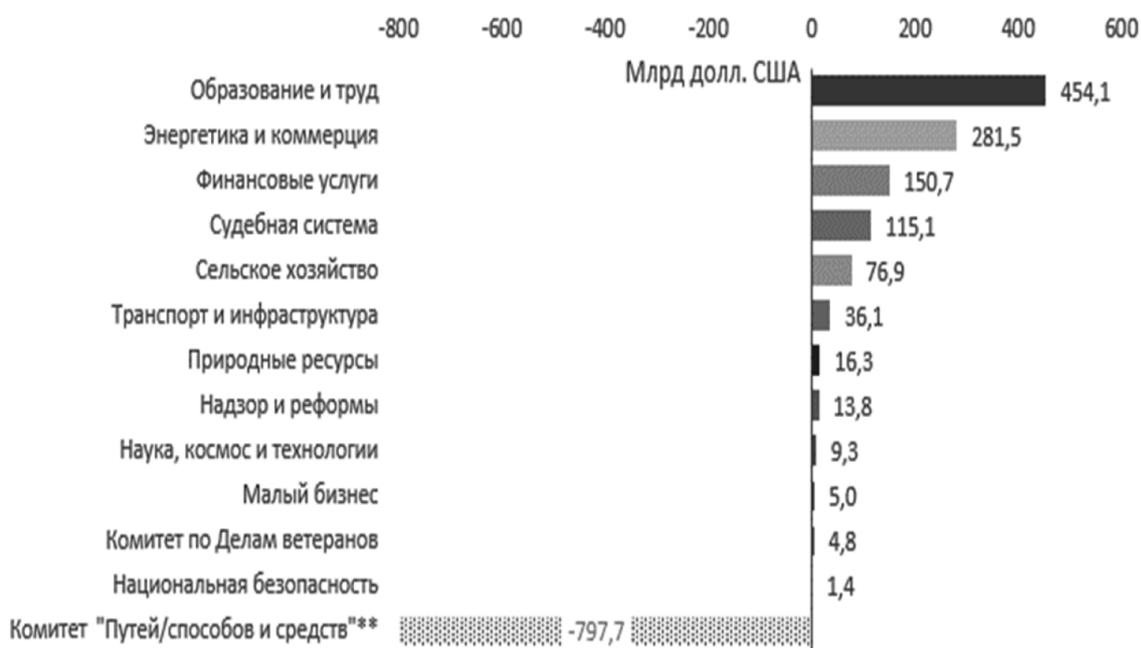

Рис. 2 / Fig. 2. Кумулятивное чистое прогнозируемое изменение* по основным статьям бюджета согласно демократическому курсу Д. Байдена, 2022–2031 гг. / Cumulative net projected change* in the main budget lines according to Biden’s democratic course, 2022–2031

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: * оценочное изменение в расходах бюджета по статье за вычетом оценочных изменений доходов бюджета по данной статье совокупно за период с 2022 по 2021 г.; ** термин «пути/способы и средства» восходит к парламенту Англии и относится к способам предоставления доходов для удовлетворения национальных потребностей в расходах и реализации целей экономической политики. Основным способом и средством является налогообложение.

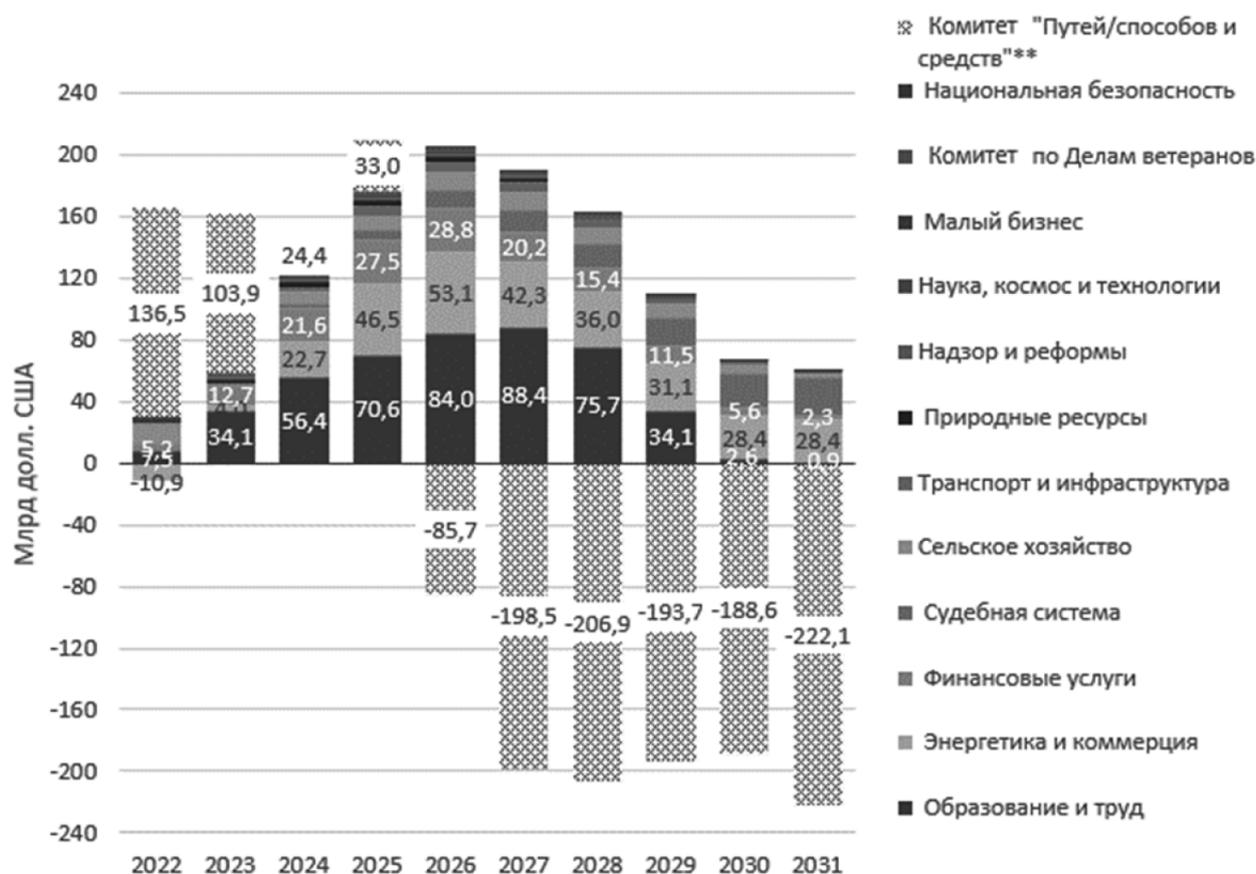

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика чистого прогнозируемого изменения* по основным статьям бюджета согласно демократическому курсу Д. Байдена, 2022–2031 гг. / Dynamics of the net projected change in the main budget lines according to the democratic course of J. Biden 2022–2031

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: * оценочное изменение в расходах бюджета по статье за вычетом оценочных изменений доходов бюджета по данной статье; ** термин «пути/способы и средства» восходит к парламенту Англии и относится к способам предоставления доходов для удовлетворения национальных потребностей в расходах и реализации целей экономической политики. Основным способом и средством является налогообложение.

в этом контексте для демократов потенциальная потеря большинства в обеих палатах Конгресса США после 2025 г. может оказаться даже выгодной: во-первых, не нужно бороться с «раздутым» в период байденовского правления бюджетным дефицитом; во-вторых, проблема автоматически перейдет к республиканцам, которым придется ее решать так или иначе, увеличивая налоговую нагрузку, в том числе для крупной промышленности и состоятельных граждан, которых «красные» всегда поддерживали. Такие меры негативно сказываются на восприятии партии и социальных настроениях в стране. В продемократической версии оценка дополнительных налоговых сборов, направленных на сокращение бюджетного дефицита в период с 2022 по 2031 г., совокупно составит почти 800 млрд долл. (рис. 3). Однако их поступления начнутся только с 2026 г. В ответ

республиканцы вполне оправданно могут назвать такой курс «токсичным» и «деструктивным» для экономики США в долгосрочной перспективе.

Из конкретных мер обсуждаемого законопроекта самой затратной и неоднозначной является программа стимулирования зеленой энергетики, на которую в общей сложности в 2022–2031 гг. планируется выделить порядка 315,7 млрд долл. (рис. 4). Из них около 300,5 млрд долл. предлагается выделить на предоставление налоговых льгот на создание и развитие источников экологически чистой энергии, включая ядерную энергетику с нулевым уровнем выбросов, чистый водород, электромобили и передовые производственные мощности. На пособия по уходу за ребенком предлагается выделить дополнительно 273,5 млрд долл. совокупно и еще 184,6 млрд долл. в виде налоговых льгот на детей. Также появится воз-

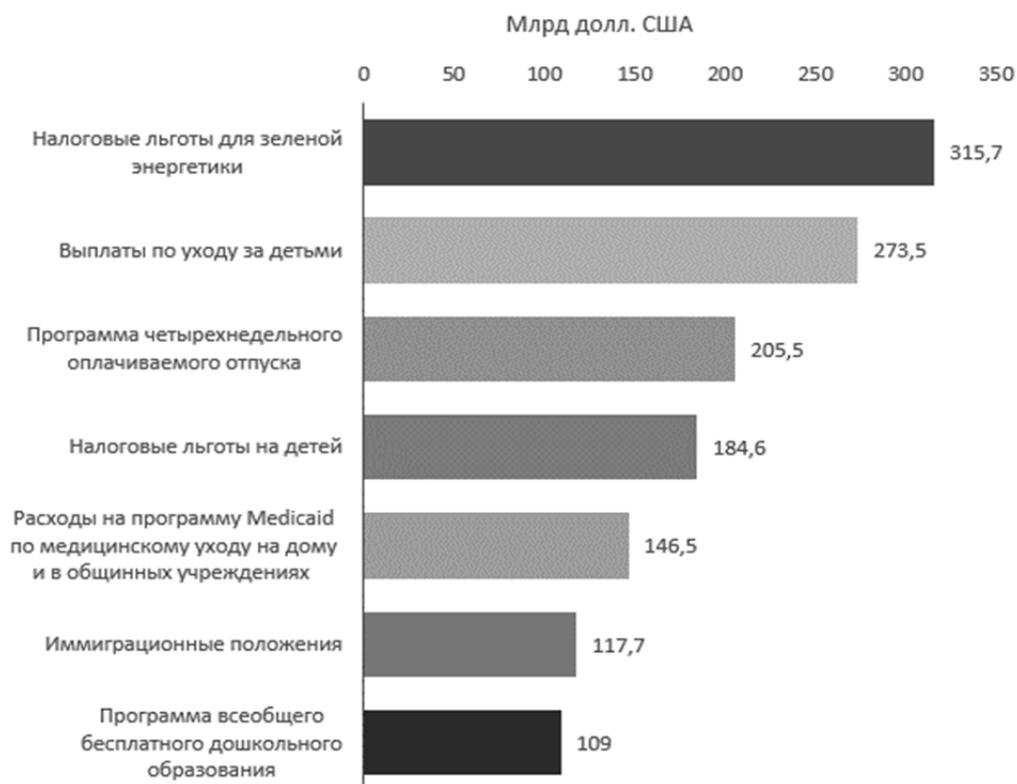

Рис. 4 / Fig. 4. Наиболее затратные программы про-демократического бюджета 2022–2031 гг.* / Most costly programmes in the pro-democracy budget 2022–2031*

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: * цифры отражают суммарные затраты по соответствующим статьям расходов за период 2022–2031 гг.

возможность всеобщего бесплатного дошкольного образования для всех детей 3–4-х лет в течение последующих 6 лет, на которое запланировано выделить 18 млрд долл. в первые три года, а общая сумма дотаций составит около 109 млрд долл. Программа четырехнедельного оплачиваемого

Из конкретных мер обсуждаемого законопроекта самой затратной и неоднозначной является программа стимулирования зеленой энергетики, на которую в общей сложности в 2022–2031 гг. планируется выделить порядка 315,7 млрд долл.

отпуска по семейным обстоятельствам (например, в связи с необходимостью медицинского ухода, что актуально во время пандемии) обойдется в 205,5 млрд долл. Кроме того, на 146,5 млрд долл.

были увеличены траты по программе Medicaid, в том числе из-за договоренностей о контролируемых ценах на 10 наиболее дорогостоящих лекарств, у которых нет аналогов. Дополнительные 117,7 млрд долл. было решено выделить на программы помощи иммигрантам, в том числе нелегальным, что кардинально отличается от курса предыдущего президента Д. Трампа.

От части инициатив, таких как более высокие налоговые ставки для корпораций и физических лиц с высокими доходами, покрытие стоматологических и офтальмологических услуг по программе Medicare, бесплатный общественный колледж и программа стимулирования сокращения выбросов углерода на коммунальных предприятиях, демократам уже пришлось отказаться, поскольку даже многие их однопартийцы сочли первоначальную версию плана на 3,5 трлн долл. слишком дорогой. Тем не менее стоит ожидать и дальнейшего сокращения бюджетных трат в ходе обсуждений законопроекта в Сенате. К примеру, «озеленение» энергетики США изначально воспринималась американцами позитивно,

однако понимание того, что зеленый курс — идея дорогая, во многом изменило отношение к нему как рядовых избирателей, так и отдельных представителей Демократической партии в Сенате. Резонанс также произвело публичное заявление сенатора-демократа от Западной Виргинии Джо Манчина по поводу положения об оплачиваемом отпуске по семейным обстоятельствам, который сказал, что не будет голосовать за закон, на который в течение десяти лет израсходовано более 1,5 трлн долл. Ожидается, что республиканцы в Сенате также внесут поправки, выступая против закона.

Таким образом, претворение пунктов предвыборной программы Д. Байдена в жизнь оказывается токсичным не только для американской экономики, но и для Демократической партии, внутри которой можно увидеть признаки раскола. Кроме того, в целом экономический курс действующего президента является неоправ-

данно опасным, поскольку продолжается «раздувание» бюджетного дефицита «в кредит», что будет покрываться за счет неких новых налоговых поступлений, которые начнутся только со второй половины десятилетия, когда срок президентства Д. Байдена подойдет к концу. При этом от единственного инструмента увеличения реальных поступлений в бюджет — роста ставки по налогам для корпораций и физических лиц с высокими доходами — демократы отказались. Мы оцениваем вероятность переизбрания Байдена на второй срок как крайне низкую, учитывая его возраст и текущие невпечатляющие рейтинги. Последнее также подрывает и имидж партии в целом, — отсюда растет вероятность того, что демократы потеряют большинство в Конгрессе США. В данном контексте утверждение демократической версии бюджета в представленном виде можно сравнить с логикой типа «после нас хоть потоп».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Лада Вячеславовна Жукова — заведующая учебно-научной лабораторией современных информационных технологий в политическом анализе департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Lada V. Zhukova — Head of the Educational and Scientific Laboratory of Modern Information Technologies in Political Analysis, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0785-854X>
 LVZhukova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.10.2022; accepted for publication on 25.11.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-56-62
УДК 329.1/6(045)

Еврооптимизм и евроскептицизм на примере британских лейбористов, либеральных демократов и Шотландской национальной партии

Р.И. Благовещенский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены три партии Великобритании на предмет их отношения к ЕС. Британские партии негетогенны, однако в последние годы, независимо от партийной принадлежности, происходит рост евроскептицизма. Референдум 2016 г. стал «точкой невозврата» – ни одна партия больше не ставит под сомнение выход Лондона из ЕС. Речь идет о том, были ли учтены британские интересы и насколько тесными должны быть отношения с европейцами. В статье показана эволюция взглядов лейбористов, либерал-демократов и Шотландской национальной партии в отношении европейской интеграции. Автор пытается ответить на вопрос: могли ли вышеуказанные партии предотвратить Брекзит?

Ключевые слова: еврооптимизм; Брекзит; лейбористы; либеральные демократы; Шотландская национальная партия; евроскептицизм; Евросоюз

Для цитирования: Благовещенский Р.И. Еврооптимизм и евроскептицизм на примере британских лейбористов, либеральных демократов и Шотландской национальной партии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):56-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-56-62

ORIGINAL PAPER

Eurooptimism and Euroscepticism on the Example of the British Labour Party, Liberal Democrats and Scottish National Party

R.I. Blagoveshchenskiy

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

In this article, the three British parties in terms of their attitudes towards the EU are analysed. British parties are not homogenous with no single position on Europe being dominant. Nevertheless, there has been a rise of Euroscepticism across all political parties regardless of their affiliation in the recent years. Brexit referendum has become a 'point of no return' since no political force in Britain has questioned British exit from the EU and its results. The debate has switched to the conditions on which the post-Brexit UK collaborates with the EU but there is no discussion whether Britain needs to return to the EU. It is a question of whether British interests have been taken into account and how close the relationship with the Europeans should be. The research reflects gradual evolution of the three British parties (Labour Party, the Liberal Democrats, and the Scottish National Party) and their attitudes towards European integration. It is shown that the Labour Party and the Liberal Democrats had a U-turn on key policies such as free movement of people or joining the Eurozone whereas the Scottish National Party reinvented itself and became a proponent of the European integration (with some reservations). The author tries to answer the question of whether the above parties could have prevented Brexit.

Keywords: Euro-optimism; Brexit; Labour; Liberal Democrats; Scottish National Party; Euroscepticism; the European Union

For citation: Blagoveshchenskiy R.I. Eurooptimism and euroscepticism on the example of the British labour party, Liberal Democrats and Scottish National Party. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):56-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-56-62

ВВЕДЕНИЕ

До 2010 г. считалось, что в Великобритании доминируют две партии, а премьер-министром страны поочередно становится либо лейборист, либо консерватор. Первых относили к еврооптимистам, а вторых — к евроскептикам [1]. Однако в последние годы на политическую арену вышли либерал-демократы и Шотландская национальная партия (ШНП). В 2010–2015 гг. первые входили в коалицию с консерваторами и занимали министерские посты, а ШНП с 2015 г. является третьей крупнейшей партией в британском Парламенте. По теме евроскептицизма консерваторов опубликовано несколько исследований [1, 2], поэтому цель данной статьи — изучить лейбористов, либерал-демократов и ШНП на предмет еврооптимизма и евроскептицизма.

Автором были выделены следующие исследовательские задачи: рассмотреть манифесты вышеупомянутых партий за 2001–2019 гг. и проследить изменения в их риторике в отношении евроинтеграции. 2001–2019 гг. выбраны потому, что в этот период ЕС и отношение к евроинтеграции претерпели сильные изменения, появилась единая валюта — евро, а также были заключены договоры в Ницце и Лиссабоне, расширившие полномочия евроинститутов. В то же время произошел рост евроскептических настроений, который проявился в отказе Лондона примкнуть к евро и триумфе британских евроскептиков на выборах в Европарламент в 2014 г.

Исследователи евроскептицизма едины во мнении, что политические силы в Великобритании оказались неспособны сформулировать четкую позицию в отношении евроинтеграции [3]. Программы партий не содержат внятной позиции по вопросу о членстве Лондона в Евросоюзе и (за исключением либерал-демократов) сами партии провалили задачу убедить британскую публику в выгодах членства их страны в ЕС [4]. Причина заключается в мажоритарной системе: вместо того, чтобы создать новую партию, начинающие политики, независимо от своих взглядов касательно ЕС, присоединяются к существующим [5]. В результате внутри Консервативной, Лейбористской и других партий имеются евроскептические фракции, а большую часть послевоенного периода оппоненты европейской интеграции боролись с еврооптимистами в собственных рядах [6].

Существуют исследования британского евроскептицизма как общего феномена [7], евроскептицизма среди консерваторов и UKIP (United Kingdom Independence Party) [3, 8] и крайне правых движений в Великобритании [5]. Однако исследований британского еврооптимизма — мало, и это при том, что почти половина страны (48%) на референдуме в 2016 г. высказалась за сохранение страны в Евросоюзе.

Основой исследования послужила классификация политических сил по вопросу о европейской интеграции, разработанная политологами П. Копецким и К. Мудде [9]:

- евроэнтузиасты поддерживают проект евроинтеграции и то, в каком направлении он развивается;
- европрагматики выступают за интеграцию, пока она служит национальным интересам;
- евроскептики критичны по отношению к отдельным аспектам евроинтеграции, но не поддерживают выход страны из ЕС и вместо этого хотят изменить его изнутри;
- еврофобы отвергают весь проект и хотят, чтобы их страны покинули ЕС.

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ

Британия примкнула к евроинтеграции во времена премьерства консерватора Э. Хита в 1973 г. Тогда консерваторы считались «партией Европы», а лейбористы — евроскептиками [8]. Но уже к концу премьерского срока М. Тэтчер они поменялись ролями — Консервативная партия стала заигрывать с евроскептицизмом, в то время как лейбористы высказывались в поддержку евроинтеграции [10]. Дело в том, что консерваторы рассматривали европейскую интеграцию как снятие торговых барьеров между государствами, а их энтузиазм зиждился на преимуществах, которые принесет Лондону членство в европейских сообществах [11]. Поэтому создание единого рынка к 1992 г. консерваторы посчитали концом. Иначе сложилась ситуация у их главных оппонентов — лейбористов.

Лейбористская партия, заигрывавшая с евроскептицизмом в начале евроинтеграции, с конца 1980-х гг. трансформировалась в партию еврооптимистов [8] и подарила миру самого «еврофильного» премьера в истории страны — Тони Блэра [3]. Лейбористы неоднократно подчеркивали необходимость членства страны в ЕС. В манифесте 2005 г. было сказано,

что «интересы Британии лежат в расширенном Европейском союзе», а сами лейбористы «горды членством Британии в ЕС», без которого страна была бы «более слабой и уязвимой»¹. За год до референдума по *Brexit* Лейбористская партия повторила, что «членство в Европейском союзе необходимо для процветания и безопасности», ведь почти 3 млн рабочих мест зависят от Европы и половина торговли и иностранных инвестиций приходится на ЕС². Во время референдума 2016 г. лишь 10 парламентариев-лейбористов поддержали *Brexit* (218 выступили за членство Британии в ЕС)³, а после референдума в партии раздавались призывы провести новое голосование, чтобы «подкорректировать» итоги первого плебисцита⁴. Несмотря на то что итоги референдума Лейбористская партия обещала уважать, ее представители заявили, что в переговорах по *Brexit* будут руководствоваться прагматизмом и постараются сохранить выгоды от членства в едином рынке и Таможенном союзе⁵.

Однако при ближайшем рассмотрении видно, что лейбористы сохраняли осторожность в отношении ЕС и не хотели централизации власти в Брюсселе. Будучи премьером, Блэр не исключал вступления в еврозону. В манифесте 2001 г. говорилось о том, что «успешный евро принес бы Британии очевидную выгоду: рабочие места, инвестиции и упростил бы торговлю»⁶. Однако составители манифеста поспешили заметить, что такое решение не может приниматься без согласия населения. В 2005 г. лейбористы снова объявили, что при вступлении в еврозону будут руководствоваться экономическими интересами и вынесут вопрос о евро на референдум⁷. В 2010 г., после начала кризиса в еврозоне,

Лейбористская партия уже просто повторила о том, что вопрос о евро будет решаться на референдуме⁸, без упоминаний о выгоде членства в еврозоне. А в манифесте 2015 г. уже указано: Британия «не присоединится к евро»⁹. Перед выборами 2017 г. лейбористы заявили, что принимают итоги референдума о выходе из ЕС и вопрос о евро уже не поднимается¹⁰.

Такой же путь, как и с идеей о европейской валюте, лейбористы прошли с вопросом о свободе передвижения внутри Евросоюза — от осторожного энтузиазма до слов о полном его прекращении. Манифест 2005 г. заявляет о том, что «веками Британия становилась домом для людей со всей Европы и не только»¹¹, а иммиграция — благо, и она должна продолжаться. Однако в 2015 г. лейбористы пообещали ужесточить право на получение пособий гражданами ЕС, а также поддержали идею направить дополнительно 1000 пограничников для контроля за границей¹². А после референдума 2016 г. Лейбористская партия открыто признала, что «свобода передвижения закончится, когда мы покинем Европейский союз»¹³. Иными словами, они отошли от политики «открытых дверей», признав необходимость контролировать количество прибывающих в Великобританию из стран ЕС.

По ряду вопросов лейбористы предвосхитили евроскептицизм консерваторов. В их предвыборной программе 2010 г. говорится о необходимости реформировать Единую сельскохозяйственную политику Евросоюза и прекратить субсидии в данную отрасль¹⁴. В 2015 г. они предложили усилить роль национальных парламентов в отношении того, что касается принятия европейских законов¹⁵. Более того, если консерваторы предла-

¹ The Labour Party Manifesto 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/13_04_05_labour_manifesto.pdf

² The Labour Party Manifesto 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf

³ EU vote: Where the cabinet and other MPs stand. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35616946>

⁴ Owen Smith promises a 2nd referendum on Brexit deal if elected Labour leader. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-owen-smith-labour-leadership-jeremy-corbyn-angela-eagle-a7135396.html>

⁵ Manifesto 2017. Negotiating Brexit. URL: <https://labour.org.uk/manifesto/negotiating-brexit/#first>

⁶ 2001 Labour Party Manifesto. URL: <http://labourmanifesto.com/2001/2001-labour-manifesto.shtml>

⁷ The Labour Party Manifesto 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/13_04_05_labour_manifesto.pdf

⁸ The Labour Party Manifesto 2010. URL: http://www.cpa.org.uk/cpa_documents/TheLabourPartyManifesto-2010.pdf

⁹ The Labour Party Manifesto 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf

¹⁰ Manifesto 2017. Negotiating Brexit. URL: <https://labour.org.uk/manifesto/negotiating-brexit/#first>

¹¹ The Labour Party Manifesto 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/13_04_05_labour_manifesto.pdf

¹² The Labour Party Manifesto 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf

¹³ Manifesto 2017. Negotiating Brexit. URL: <https://labour.org.uk/manifesto/negotiating-brexit/#first>

¹⁴ URL: http://www.cpa.org.uk/cpa_documents/TheLabourPartyManifesto-2010.pdf

¹⁵ The Labour Party Manifesto 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf

гали решать путем референдума лишь передачу *новых* полномочий в Брюссель, то лейбористы считали, что, в случае наделения Брюсселя новыми полномочиями, сразу следует провести плебисцит о *выходе* из ЕС (in/out referendum)¹⁶. Удивительно, но манифест 2015 г. — это ровно те предложения, которые затем будут озвучены премьером-консерватором Д. Кэмероном во время переговоров 2015–2016 гг. об особом статусе Великобритании в Евросоюзе, дабы умиротворить евроскептиков внутри своей партии. Речь идет о наделении национальных парламентов возможностью влиять на законодательство на европейском уровне, о запрете на получение пособий гражданами ЕС, если те прожили в Великобритании менее 5 лет, а также о проведении референдума по вопросу о членстве Лондона в ЕС. Даже Блэр не раз подводил своих европейских партнеров: он в итоге не стал вступать в еврозону и, в отличие от Берлина и Парижа, поддержал американское вторжение в Ирак. Сменивший его Г. Браун был против углубления евроинтеграции и считал, что Лиссабонского соглашения должно хватить минимум на 10 лет. Глава лейбористов в 2015–2020 гг. Д. Корбин в 1975 г. голосовал за выход Лондона из европейских сообществ. После результатов референдума 2016 г. Корбин сразу заявил, что будет уважать выбор граждан и не станет настаивать на пересмотре итогов референдума¹⁷. Лейбористы и консерваторы имеют много общего и не могут считаться партиями с противоположными взглядами по европейскому вопросу.

После 2016 г. лейбористы отказались от еврооптимизма. И хотя их позиция в отношении Брюсселя мягче, чем у консерваторов, после выхода Великобритании из ЕС они больше не ставят вопрос о вхождении Лондона в Таможенный союз или в единый рынок. Это позволяет причислить лейбористов к евроскептикам по классификации П. Копецкого и К. Мудде.

ШОТЛАНДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

Шотландская национальная партия (ШНП) была основана в первой половине XX в. и была региональной партией с узкой повесткой — благо-

получие Шотландии в качестве независимого государства. О членстве в ЕС или о дальнейшей евроинтеграции ШНП долгое время не высказывалась. В 2011 г. она получила большинство мест в парламенте и потребовала у Вестминстера разрешения на проведение референдума о независимости. Премьер-консерватор Д. Кэмерон дал свое согласие — голосование было назначено на 2014 г. Во время дебатов возник вопрос о членстве потенциально независимой Шотландии в ЕС. Поскольку, согласно опросам, Евросоюз был популярен в Шотландии¹⁸, лидеры ШНП высказались за продлении членства в организации¹⁹.

Референдум о независимости шотландские националисты проиграли. Однако в результате всеобщих парламентских выборов 2015 г. ШНП стала третьей по величине партией в Палате общин. В отличие от всех предыдущих выборов, в 2015 г. у ШНП была четкая еврооптимистическая программа. В манифесте партии было указано, что она поддерживает свободу передвижения, поскольку это создает возможности для шотландцев в ЕС²⁰. ШНП отвергла идею референдума о членстве Соединенного Королевства в Евросоюзе и предупредила, что если он все же будет проведен, она поддержит закон о «двойном большинстве»: если хоть один регион (будь то Англия, Шотландия, Уэльс или Северная Ирландия) не поддержит *Brexit*, выход из Евросоюза не должен состояться²¹. Расчет был прост — даже если традиционно евроскептическая Англия проголосует за *Brexit*, Шотландия сможет удержать Британию в ЕС.

Брекзит укрепил решимость шотландцев бороться за европейское будущее. Манифест 2017 г. провозглашал, что выход из Единого рынка несет в себе угрозу рабочим местам в Шотландии, поэтому в ШНП потребовали предоставить шотландскому парламенту возможность проголосовать по вопросу о будущем договоре между Британией и ЕС²². При этом

¹⁸ Is Scotland the most pro-EU part of the UK? URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-35602861>

¹⁹ Scotland and the EU. URL: <https://notesfromnorthbritain.wordpress.com/2014/08/29/scotland-and-the-eu/>

²⁰ Scottish National Party — Manifesto 2015. URL: <http://votesnp.com/docs/manifesto.pdf>

²¹ Scottish National Party — Manifesto 2015. URL: <http://votesnp.com/docs/manifesto.pdf>

²² Manifesto 2017. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/thesnpp/pages/9544/attachments/original/1496320559/Manifesto_06_01_17.pdf?1496320559

¹⁶ The Labour Party Manifesto 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf

¹⁷ EU referendum: Corbyn tells activists 'I did all I could'. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-36628305>

представители партии заявляли, что не поддержат договор между Лондоном и Брюсселем, если там не будет специального положения для Шотландии, которое бы позволило региону иметь особые отношения с ЕС с сохранением европейских паспортов для шотландцев²⁵ и быть членом единого европейского рынка²⁴. В манифесте 2019 г. партия критиковала «разрушительный» *Brexit* и призывала «защитить место Шотландии в едином рынке и Таможенном союзе» путем проведения второго референдума²⁵. По словам ШНП, *Brexit* создаст барьеры между экономикой Шотландии и крупнейшим рынком в мире — это сделает Шотландию беднее и больно ударит по уровню жизни ее жителей.

Тем не менее ШНП не так уж еврооптимистична. Шотландские националисты рассматривают членство в ЕС только с прагматической точки зрения: свобода передвижения дает широкие возможности шотландцам в Европе, а единый европейский рынок гарантирует 330 тыс. рабочих мест в регионе²⁶. Во время теледебатов о членстве Великобритании в ЕС в 2016 г. представитель ШНП Х. Юсаф заявил, что трудовые мигранты из Евросоюза вкладывают в британскую экономику больше денег, чем получают из казны²⁷. В предвыборных манифестах ШНП практически не говорит об общих ценностях или европейской солидарности. Более того, в манифестах 2017 и 2019 гг. подчеркивалась необходимость кардинально реформировать общую рыболовную политику ЕС, которая, по словам ШНП, наносит ущерб интересам Шотландии²⁸. Согласно категоризации, предложенной П. Копецким и К. Мудде, представители ШНП — европрагматики, т.е. они поддерживают евроинтеграцию там, где она им выгодна, и до тех пор, пока она им выгодна.

²⁵ Шотландская национальная партия не согласна с планами Лондона по Brexit. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3515857>

²⁴ Атасунцев А. Шотландия уходит по-английски. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/19_a_10583885.shtml#page2

²⁵ SNP Manifesto 2019. URL: <https://www.snp.org/snp-manifesto-2019-scotlands-future-in-scotlands-hands/>

²⁶ Scottish National Party — Manifesto 2015. URL: <http://votesnp.com/docs/manifesto.pdf>

²⁷ BBC 'The Great Debate' EU Referendum Debate (21 June 16) [PT 3/4]. Moment: 11:45. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nwlje2sPSnM>

²⁸ Manifesto 2017. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/thesnp/pages/9544/attachments/original/1496320559/Manifesto_06_01_17.pdf?1496320559

ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Как было показано выше, лейбористы и ШНП не могут считаться еврооптимистами в полном смысле слова. А является ли Либерал-демократическая партия Великобритании такой еврооптимистической, как принято считать?

С одной стороны, в манифесте 2001 г. либерал-демократы называли себя «убежденными сторонниками Европейского союза» и высказывались за расширение ЕС на восток и усиление координации в вопросах внешней политики²⁹. В 2005 г. они поддержали принятие европейской Конституции и подчеркнули, что «членство в ЕС является невероятно важным для создания рабочих мест, защиты окружающей среды, продвижения равноправия и поддержания достойного места Британии в мире»³⁰. В манифесте 2010 г. партия либерал-демократов — единственная — высказалась за вступление Лондона в еврозону — в долгосрочной перспективе³¹, а в 2015 г. предупредила, что без ЕС Великобритания будет «беднее и слабее»³².

Победа евроскептиков в 2016 г. была воспринята партией негативно. В манифесте 2017 г. они, отметив, что принимают итоги народного волеизъявления, подчеркнули, что нет такого соглашения с Европой, которое было бы лучше нынешних условий членства Великобритании в ЕС³³. В 2017 г. либерал-демократы настаивали: у британцев спросили о том, хотят ли они быть в Евросоюзе, однако не о том, на каких условиях Лондон должен покинуть ЕС. Следовательно, либерал-демократы на тот момент не считали вопрос закрытым и хотели, чтобы был проведен еще один референдум — о будущем партнерстве с Евросоюзом. Причем в бюллетенях должна быть представлена альтернатива о сохранении членства в ЕС, если новый договор британцев не устроит³⁴. В программе 2017 г.

²⁹ 2001 Liberal Democrat Manifesto. URL: <http://www.libdemmanifesto.com/2001/2001-liberal-manifesto.shtml>

³⁰ Liberal Democrats. The Real Alternative. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/LD_uk_manifesto.pdf

³¹ Liberal Democrat Manifesto 2010. URL: http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/libdem_manifesto_2010.pdf

³² Liberal Democrats. Manifesto 2015. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/libdems/pages/8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf

³³ Там же.

³⁴ Там же.

партия высказывалась в поддержку единого рынка и свободы передвижения.

Тем не менее либерал-демократов нельзя полностью отнести к еврооптимистам, поскольку в их предвыборных программах находили отражение евроскептические идеи. В манифесте 2001 г. партия выступила за использование права вето в одностороннем порядке по таким вопросам, как оборона, бюджет, налоги и социальная сфера, а также высказывалась в пользу принципа субсидиарности, когда решение определенных вопросов предпочтительнее оставить на национальном уровне³⁵. В отличие от большинства еврооптимистических партий в ЕС, либерал-демократы нередко заигрывали с идеей о проведении референдума, связанного с дальнейшим развитием европейской интеграции. К примеру, несмотря на то, что либерал-демократы поддержали подписание европейской Конституции, они заявили, что для ее ратификации Британией должен быть проведен плебисцит³⁶. И хотя партия поддерживала принятие евро в долгосрочной перспективе, этот вопрос она также планировала вынести на народное голосование³⁷. В 2010 г. либерал-демократы призвали провести референдум о возможном выходе страны из ЕС (in/out referendum), если отношения между ЕС и Великобританией претерпят в будущем фундаментальные изменения³⁸.

Тем не менее это единственная партия в Британии, которая делала акцент не только на экономической выгоде членства Лондона в ЕС (как лейбористы и ШНП). В своем манифесте 2019 г. либерал-демократы вышли за рамки прагматизма в пользу духовной и идейной близости с Европой. По их словам, евроинтеграция принесла мир и процветание континенту, который погряз в войнах, и только вместе с Европой Великобритания сможет успешно противостоять современным вызовам — таким, как глобальное неравенство, торговля людьми, изменение климата и торговля оружием³⁹. Либе-

рал-демократы затрагивают тему британской и европейской идентичности, которые, по их мнению, не вступают в противоречие, а наоборот, дополняют друг друга. В отличие от ШНП, они не упоминают, сколько европейцев работают в разных секторах экономики, начиная от системы здравоохранения и заканчивая туризмом, и какую выгоду это несет местным жителям. Вместо этого либеральные демократы называют граждан ЕС «ценными членами наших сообществ» и даже высказываются в пользу предоставления им права участия в национальных референдумах⁴⁰.

Следовательно, либерал-демократы подтверждают титул самой еврооптимистической партии Британии. Следуя классификации Копецкого и Мудде, их вернее было бы назвать евроэнтузиастами, но с оговорками. Хотя их аргументы выходят за рамки экономических выгод, которые несет членство в ЕС, британские либерал-демократы не выглядят убежденными еврооптимистами, так как в прошлом выступали за изменение Евросоюза изнутри (но при этом не поддерживали выход из организации).

ВЫВОДЫ

Очевидно, что ни евроскептицизм, ни еврооптимизм не являются в Великобритании однозначными понятиями. Даже условные еврооптимисты по-своему понимают поддержку ЕС, а в их рядах есть влиятельные группы, которые придерживаются противоположных взглядов. Особенностью британской политической системы является то, что партии негетерогенны и в них не доминирует какая-либо позиция по отношению к Евросоюзу. Это в полной мере относится и к условным еврооптимистам в лице лейбористов, представителей ШНП и либерал-демократов.

Однако главное заключается в том, что партии, которые, как считается, придерживались еврооптимистических взглядов, на деле поддерживали евроинтеграцию в основном из прагматических соображений и, следовательно, не могут в полной мере считаться еврооптимистами. Их евроэнтузиазм был переоценен политологами, поэтому совсем не удивительно, что британским еврооптимистам не удалось предотвратить *Brexit*.

³⁵ 2001 Liberal Democrat Manifesto. URL: <http://www.libdemmanifesto.com/2001/2001-liberal-manifesto.shtml>

³⁶ Liberal Democrats. The Real Alternative. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/LD_uk_manifesto.pdf

³⁷ Liberal Democrat Manifesto 2010. URL: http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/libdem_manifesto_2010.pdf

³⁸ Там же.

³⁹ Liberal Democrat 2019 Manifesto. URL: <https://www.libdems.org.uk/liberal-democrats-2019-manifesto>

⁴⁰ Liberal Democrat 2019 Manifesto. URL: <https://www.libdems.org.uk/liberal-democrats-2019-manifesto>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский союз: Долгая история развода. *Современная Европа*. 2018;(5):5–16.
Kaveshnikov N. Y. Great Britain and the EU: Long history of divorce. *Contemporary Europe*. 2018;(5):5–16. (In Russ.).
2. Благовещенский Р. И. Развитие противоречий внутри Консервативной партии Великобритании в условиях Брекзита. *Международные отношения и мировая политика*. 2019;11(1):172–200.
Blagoveshchenskiy R. I. Tensions in Conservative party after Brexit. *Mezhdunarodnye otnoshenia i mirovaia politika*. 2019;11(1):172–200. (In Russ.).
3. Baker D., Gamble A., Randall N., Seawright D. Euroscepticism in the British Party System: A Source of Fascination, Perplexity, and Sometimes Frustration. Oxford: Oxford University Press; 2008.
4. Bache I., Jordan A. The Europeanization of British Politics. London: Palgrave MacMillan; 2006.
5. Roxburgh A. Preachers of Hate: The Rise of the Far-Right. London: Gibson Square Books Ltd; 2002.
6. Forster A. Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in British Conservative and Labour Parties since 1945. New York: Routledge; 2002.
7. Leconte C. Understanding Euroscepticism. London: Palgrave MacMillan; 2010.
8. Geddes A. Political Parties and Party Politics. London: Palgrave MacMillan; 2006.
9. Kopecky P., Mudde C. The two sides of Euroscepticism: Party positions on European integration in East Central Europe. *European Union Politics*. 2002;(3):297–326. DOI: 10.1177/1465116502003003002
10. Greenwood S. Britain and European Integration Since the Second World War. Manchester: Manchester University Press; 1996.
11. Geddes A. The European Union and British Politics. London: Palgrave MacMillan; 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Игоревич Благовещенский — аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Roman I. Blagoveshchenskiy — PhD student of International Relations Department, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3022-8180>

roman10.89@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 29.11.2022; accepted for publication on 19.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-63-71
УДК 323.33,378.4(045)

Особенности политики брендинга ведущих российских экономических университетов*

Д.В. Петросянц, П.С. Селезнев, С.П. Митрахович
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена оценке развития коммуникаций ведущих экономических университетов со всеми целевыми аудиториями и их брендов с целью увеличения заметности в глобальном пространстве, привлечения в университет известной профессуры, талантливых абитуриентов, организации коллабораций в самом широком смысле понимания этого термина. Авторы делают вывод о том, что невозможно почитать на лаврах исторической известности и устоявшейся репутации, а бренд университета, хоть и обладает накопительной составляющей во времени, требует постоянной работы над его поддержанием и улучшением.

Ключевые слова: бренд университетов; рейтинг университета; человеческий капитал; образовательная политика

Для цитирования: Петросянц Д.В., Селезнев П.С., Митрахович С.П. Особенности политики брендинга ведущих российских экономических университетов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-63-71

ORIGINAL PAPER

Features of the Policy of Branding Leading Russian Economic Universities**

D.V. Petrosyants, P.S. Seleznev, S.P. Mitrakhovich
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is devoted to the assessment of the development of communications of leading economic universities with all targeted audiences and the development of their brands, in order to increase noticeability in the global space, attracting a well-known professor, talented applications, organizing collaborations in the broadest sense of understanding the term. The authors conclude that it is impossible to rest on the laurels of historical fame and the established reputation, and the university brand, although it has a funded component in time, requires constant work on maintaining and improving.

Keywords: university brand; university rating; human capital; educational policy

For citation: Petrosyants D.V., Seleznev P.S., Mitrakhovich S.P. Features of the policy of branding leading Russian economic universities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-63-71

ВВЕДЕНИЕ

Современная политическая и социально-экономическая жизнь меняется очень динамично, и большинству университетов приходится активно искать возможности непрерывно заявлять о себе как о серьезном социально-политическом и экономическом акторе, демонстрировать всем свою успешность и убеждать в востребованности

не только в прошлом, но и в перспективном будущем [1].

Объектом настоящего исследования в первую очередь являются четыре ведущих московских университета экономической направленности: Финансовый университет при Правительстве РФ (ФУ), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ Плеханова), НИУ Высшая

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2022 г.

** The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University in 2022.

школа экономики (НИУ ВШЭ) и Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Именно эти университеты являются конкурентами как в плане борьбы за абитуриентов, так и по другим направлениям, являясь несомненно флагманами отрасли. При этом требуется еще одна ремарка: все учебные заведения исследуемой выборки давно стали если не классическими университетами, то, по крайней мере, расширили спектр образовательных программ, и экономический профиль у них — далеко не единственный. Помимо развития бренда в этих университетах, нами также были проштудированы интересные наработки, которые есть в других российских вузах.

Изучение бренда современного университета ведется как за рубежом, так и в нашей стране, причем затрагиваются порой непересекающиеся в различных исследованиях аспекты. Зарубежные исследователи считают при этом, что «университеты различаются в разных странах, и эти различия отражаются в их источниках финансирования, автономии приема, интернационализации, коммерциализации, культурной среде и других социальных факторах. Такие характеристики приводят к сильной локальности, проявляемой университетскими товарными знаками. Например, традиционные торговые марки в университетах США, как правило, связаны с поступлением, спортом и отношениями с выпускниками» [2]. И это особенно важно для университетов, «чье выживание зависит от внешних заинтересованных сторон, развитие сильного бренда должно быть важным компонентом их маркетинговой стратегии» [3].

Отметим также и некоторые выводы наших коллег. Исследовательская группа специалистов Финансового университета при Правительстве РФ под научным руководством профессора Е. В. Бродовской сообщает о существующих недостатках в брендинге шести российских университетов, включая четыре из нашей исследовательской выборки: «посоциально-медийное сопровождение деятельности отечественных университетов отличается низкой функциональностью, несмотря на достаточно высокие показатели присутствия на различных цифровых площадках, а взаимодействие вузов с внутренними аудиториями довольно ограниченное; контент большинства университетов отличается слабым тематическим разнообразием и посвя-

щен, в большей степени, внутриуниверситетской научно-образовательной повестке» [4]. В статье М. А. Давыдовой и А. А. Азарова в 2021 г. были «представлены результаты прикладного исследования, цель которого заключается в анализе методов формирования и продвижения бренда Финансового университета при Правительстве РФ на основании изучения информационных потоков в социальных медиа. Реализованные к ходе исследования когнитивное картирование и автоматизированный социально-медийный анализ позволили выявить особенности внутреннего и внешнего брендинга Финансового университета. Социально-медийный бренд Финансового университета направлен преимущественно на коммуникацию и формирование образов внутренних аудиторий, в первую очередь студенческих сообществ и объединений» [5].

Как зарубежный, так и отечественный опыт показывает, что многие университеты оценили влияние бренда на позитивное восприятие своего учебного заведения и провели ребрендинг. Вообще, ребрендинг — это маркетинговый инструмент, с помощью которого создается образ университета с новыми характеристиками, которые являются уникальными. Задачи ребрендинга университета можно сформулировать следующим образом:

- усиление позиций образовательного учреждения в условиях конкуренции;
- выделение уникальных черт, присущих университету;
- влияние на потенциальную будущую аудиторию;
- привлечение новых потребителей.

Оценка брендов ведущих российских вузов НРУ Интерфакс явилась для авторов настоящего исследования отправной точкой для определения ряда показателей заметности и успешности брендов университетов исследуемой выборки.

Долгосрочная цель современного российского вуза, несмотря на кризис старой схемы классического университета, — найти правильный (эффективный) путь трансформации. Университет, в свою очередь, развивается в соответствии с вызовами времени и возложенной на него миссией. Поэтому качественный контент-анализ программных документов университетов также дает нам возможность оценить планы руководства и менеджмента вуза на перспективы его развития.

Большой исследовательский пласт посвящен изучению и интерпретации результатов, а также стратифицированию университетов в российских и международных рейтингах. Однако в последнее время на первый план выходят конкретные достижения: в первую очередь, это успешность в участии в экономической, политической, социальной жизни региона. В то же время маркетинговый потенциал рейтингов университетов не может быть единственным инструментом формирования «образовательного бренда», так как именно оценка различных сторон деятельности университетов помогает целевым аудиториям сделать выбор при существовании многочисленных альтернатив.

Современное развитие российского высшего образования неразрывно связано с государственными программами развития, и в настоящее время одна из них — «Приоритет-2030» ориентирует университеты на создание коллабораций — как между собой, так и путем вовлечения в общие проекты предприятий реальной экономики и иных акторов. Только своими силами, без создания консорциумов, невозможно развивать сложные мультидисциплинарные задачи, обозначенные правительством¹.

Если университеты не будут включаться в так называемые консорциумы, то связь преподавания с реальным сектором станет неизбежно ослабевать. Но создавать консорциум следует только на принципах согласования интересов всех участников объединения. Сколько времени будет занимать реализация планов этих консорциумов университету следует понимать заранее, иначе решение стратегических задач университета начнет отодвигаться, и обозначенная цель не будет достигнута.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА БРЕНДА УНИВЕРСИТЕТА

Исследование НРУ Интерфакс² (национальный рейтинг университетов) основывается на понимании бренда университета как отражения его активности в научно-исследовательском и информационном поле и значимости взаимодей-

ствия с различными акторами и аудиториями. Оценка бренда университета проводится на основе методики, состоящей из расчета пяти показателей, перечисленных ниже.

Б1. «Селекция элит» (академической, государственного управления, бизнеса). В отдельном исследовании, входящем в оценку НРУ Интерфакс, собраны и проанализированы данные о выпускниках вузов (не только российских), сумевших в дальнейшем занять место в кругах российской элиты, относящихся к государственному управлению, бизнесу, науке и образованию.

Б2. Web-коммуникации университета с целевыми аудиториями. В расчете используется комплексная оценка на основе рэнка сайта университета по данным Alexa Glob Rank³ и сервиса SpyMetrics⁴. Подобные замеры ведутся на регулярной основе, и отклонения в показателях университетов во времени могут заметно колебаться.

Б3. Медиаактивность университета по данным замера аналитической системы СКАН-Интерфакс. Комплексный, не только количественный, но и качественный анализ медиаконтента университетов, позволяет сравнивать публичную активность вузов по различным параметрам.

Б4. Восприятие исследований университета международным академическим сообществом на основе H-индекса зарубежной наукометрии.

Б5. Восприятие исследований университета русскоязычным академическим сообществом на основе H-индекса российской наукометрии.

Пока можно говорить лишь о сравнительной (т.е. относительной) ценности бренда университета, выявляемой методами рейтинговых оценок. При этом наибольший вклад в формирование и развитие ценности бренда вносят коммуникации университета с заметными для целевых аудиторий результатами деятельности.

В 2022 г. на основании обработанных данных НРУ Интерфакс составил следующий рейтинг брендов университетов (Топ-25) (рис. 1).

¹ Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Программа «Приоритет-2030». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030>

² Официальный сайт проекта НРУ Интерфакс. URL: <http://academia.interfax.ru>. Соавтор настоящей статьи Д.В. Петросянц является также и соавтором методики НРУ Интерфакс.

³ Корпорация Amazon в конце 2021 г. объявила о закрытии сервиса анализа и ранжирования сайтов Alexa в мае 2022 г. Данные Alexa взяты в конце марта 2022 г. В 2023 г. придется использовать возможности другого сервиса анализа сайтов.

⁴ Сервис анализа сайтов конкурентов и ранжирования сайтов SpyMetrics фактически повторяет измерительные алгоритмы сервиса Similar Web, но при этом не ссылается на недостаток данных при ранжировании низкорейтинговых (с показателями более 1 000 000) сайтов, поэтому и выбран для оценки.

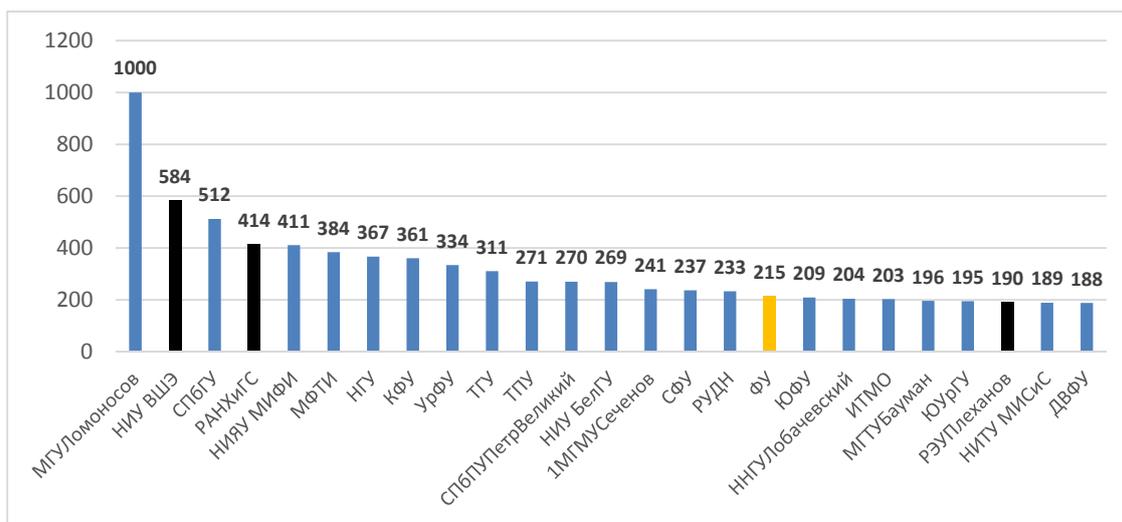

Рис. 1 / Fig. 1. Ведущие университеты РФ в рейтинге НРУ Интерфакс-2022 по параметру «бренд» (Топ-25) / Leading universities of the Russian Federation in the rating of NRU Interfax-2022 according to the parameter “Brand” (TOP-25)

Источник / Source: НРУ Интерфакс / NRU Interfax.

Разница показателя между МГУ им. Ломоносова и НИУ ВШЭ — колоссальная, а прочие университеты расположились на существенном удалении от лидеров. Некоммерческая, по большей части коммуникационная ценность бренда МГУ им. Ломоносова содержит в себе накопленный за десятилетия результат ресурсной поддержки государственного уровня, и это своего рода долговременный национальный проект развития университета мирового класса. Приблизиться к показателям этого университета могут только вузы, имеющие административные возможности привлечения дополнительных ресурсов из федерального бюджета, причем на этот процесс могут понадобиться годы.

На рис. 2 представлены данные по частному параметру «медиакоммуникация».

НГУ, МФТИ и НИЯУ МИФИ, которые уступают вузам исследуемой выборки, по данным Alexa, но имеют некоторое преимущество в рэнках раздела «наука и образование» вследствие высоких оценок в подразделе «физика», в этой предметной категории на равных конкурируют с сильнейшими мировыми исследовательскими университетами.

На рис. 3 показаны значения индекса Хирша в отечественной и зарубежной наукометрии в 2021 г. Следует отметить, что представлены данные всех ведущих университетов России, а контрастно выделены показатели исследуемой выборки. Здесь бесспорный отрыв от своего конкурентного окружения демонстрирует НИУ ВШЭ,

а у Финансового университета можно отметить существенную метрическую разницу в показателях индекса Хирша отечественной и зарубежной наукометрии, не в пользу последней.

Следует отметить, что цитирование публикаций по социально-экономической тематике в системе национальной наукометрии не слишком развито, — соответственно, специализирующиеся по этой теме вузы оказываются в относительном проигрыше.

Одно из интересных регулярных исследований отражено в показателе «Б1. «Селекция элит». Здесь учитывается число выпускников университета, входящих в органы государственного и регионального управления, управления высшим образованием и исследованиями (в том числе действительные члены и члены-корреспонденты объединенной РАН), собственники и управляющие крупными компаниями (рис. 4). По сравнению с другими показателями, характеризующими бренд университета, наибольшее количество элитных кадров — у университетов с более продолжительной историей (РЭУ Плеханова и Финуниверситета). Это накопительный пролонгированный показатель, и самый молодой вуз из исследуемой четверки, НИУ ВШЭ, пока уступает конкурентам, однако ситуация из года в год динамически меняется и отставание сокращается [6].

Можно признать примитивным такой подход к оценке деятельности вузов по селекции элит, однако более изощренные подходы в данной

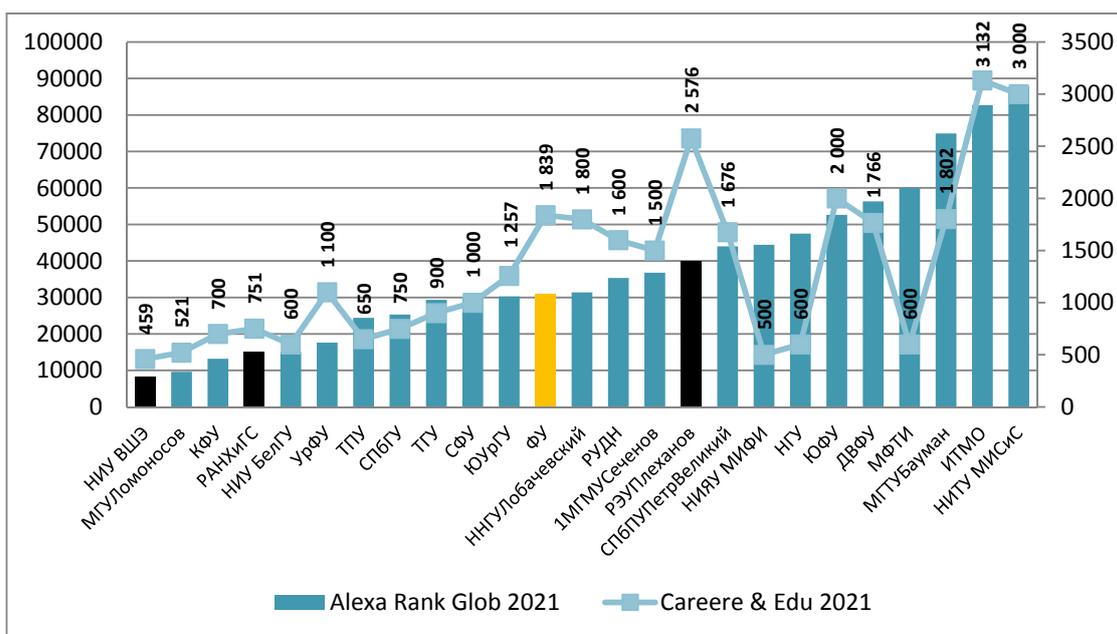

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение оценок Топ-25 вузов по частному параметру «медиакоммуникация» / Distribution of TOP-25 rates of universities according to the private parameter “Media Communication”

Источник / Source: НРУ Интерфакс / NRU Interfax.

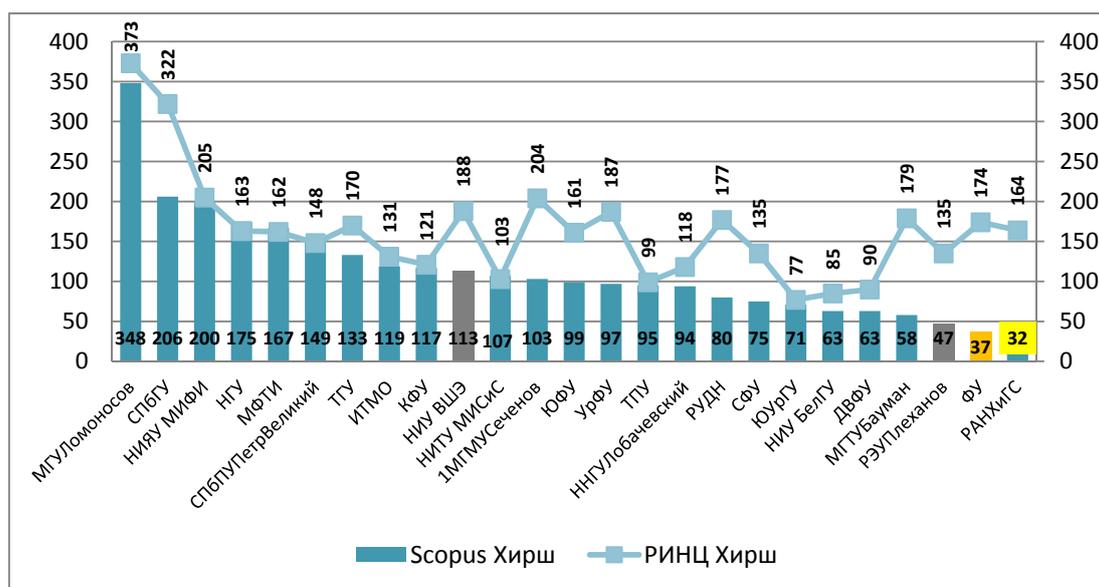

Рис. 3 / Fig. 3. Значение индекса Хирша в отечественной и зарубежной наукометрии в 2021 г. (Топ-25) / The value of the Hirsch index in the domestic and foreign science meters in 2021 (TOP-25)

Источник / Source: НРУ Интерфакс / NRU Interfax.

оценке требуют значительных трудозатрат при неочевидном росте ее качества.

Современный университет является для молодежи социальным лифтом и трамплином для развития компетенций. В идеале он должен не только давать студентам знания, но и быть для них центром, обеспечивающим увеличение социального капитала, и площадкой для старта [7].

На рис. 5 представлены данные системы СКАН-Интерфакс за 2021 г., где вузы исследуемой выборки занимают места не ниже шестого среди всех российских университетов. Лидеры — МГУ им. Ломоносова, РАНХиГС и НИУ ВШЭ — заметно отрываются от других участников Топ-25.

Макроэкономика, социальные вопросы, политика и государство, производственная деятельность, образование — основные темы,

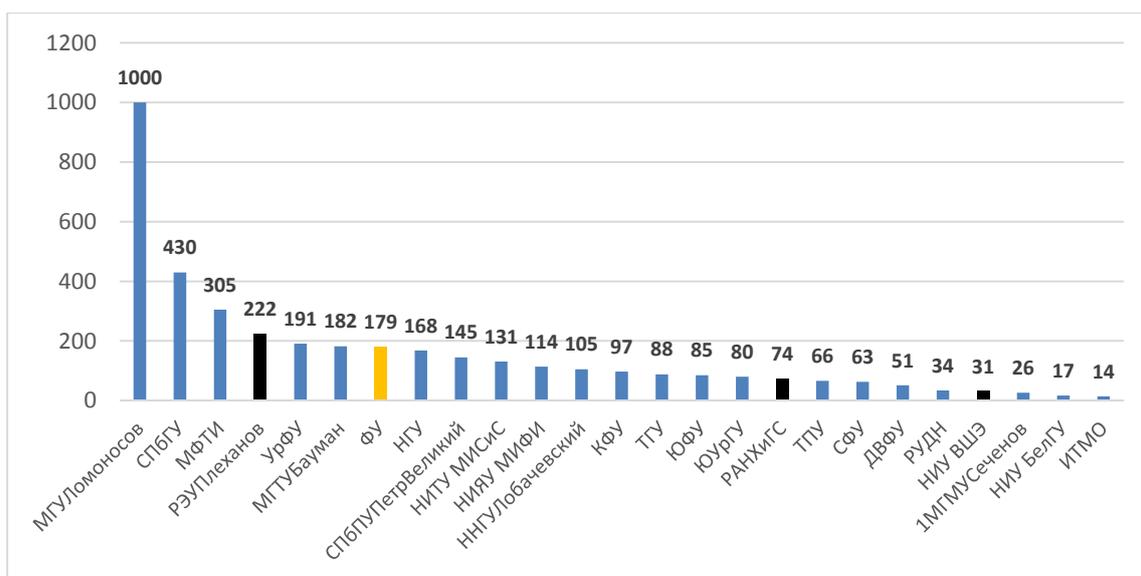

Рис. 4 / Fig. 4. Селекция элит в ведущих российских университетах. (Топ-25) / Elite selection in leading Russian universities (TOP-25)

Источник / Source: исследование Интерфакс-Финансовый университет / Research of Interfax-Financial University.

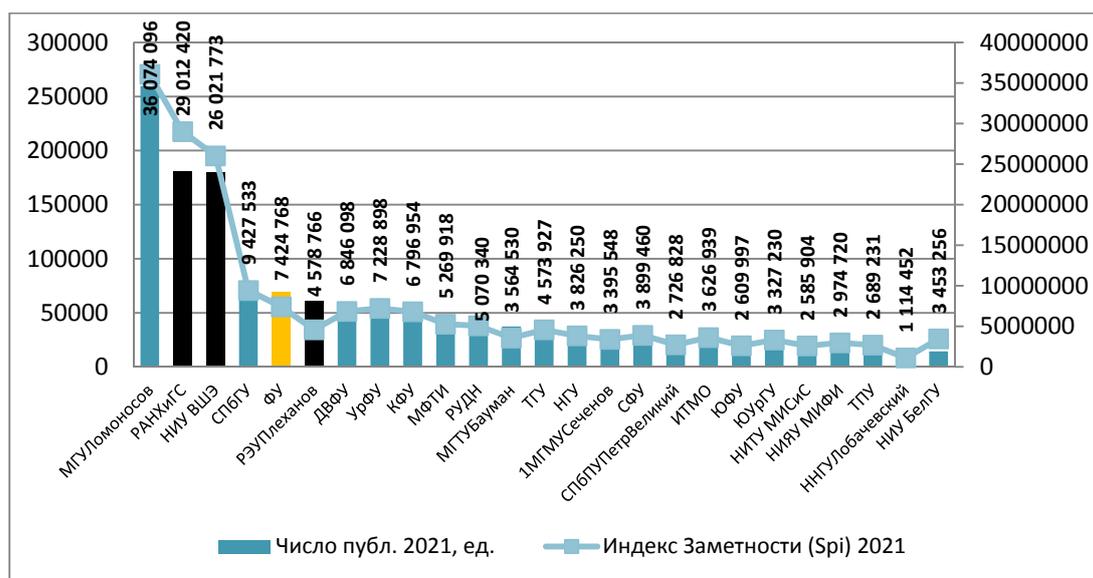

Рис. 5 / Fig. 5. Медиаактивность ведущих российских университетов в русскоязычном сегменте СМИ в 2021 г. (Топ-25) / The media activity of leading Russian universities in the Russian -speaking segment of the media in 2021

Источник / Source: СКАН-Интерфакс / SCAN-Interfax.

в рамках которых в СМИ появлялись сообщения о деятельности исследуемых университетов за исследуемый период. При более глубоком анализе, проведенном системой СКАН, выясняется, что для университетов из всего разнообразия источников наиболее востребованными при освещении деятельности оказываются сайты СМИ и агрегаторы новостей. Доля аудиовизуального контента при этом низкая, преобладают текстовые сообщения. Разнообразие медиаплатформ,

использование всего возможного потенциала медиасистемы не прослеживается. В то же время параметр «охват аудитории», который существенно влияет на заметность публичной активности, показывает, что экспертные выступления спикеров университетов на федеральных каналах заметно улучшают показатель.

В таблице представлены PR-индексы университетов исследуемой выборки в период с 1 января 2021 по 30 апреля 2022 г. Характерны показатели

PR-индексы Финансового университета и его конкурентов в период с 1 января 2021 по 30 апреля 2022 г. / PR-indexes of the Financial University and its competitors in the period from January 1, 2021 to April 30, 2022

Объекты	Упоминания	Индекс заметности	Индекс прямой речи, %	Охват аудитории	Индекс репутационного риска
ФУ	98 038	10 673 363	30	317 683 773	14
НИУ ВШЭ	234 638	32 401 878	28	453 446 910	36
РАНХиГС	241 969	36 195 158	23	348 881 260	31
РЭУ Плеханов	79 857	6 652 953	46	278 149 984	45

Источник / Source: СКАН-Интерфакс / SCAN-Interfax.

Индекса репутационного риска (ИРР), — они у ФУ самые низкие. Тревогу вызывает ИРР РЭУ Плеханова, свидетельствующий о различных скандальных ситуациях, связанных с университетом, информация о которых просочилась в центральные СМИ.

В ходе нашего исследования были проанализированы миссии и стратегические цели четырех ведущих российских экономических университетов. Отдельно следует отметить важность формирования образа будущего в развитии университета, о чем говорится в программах развития. Наиболее целенаправленно и даже агрессивно в этом плане действует НИУ ВШЭ: их подход заключается в том, чтобы не пассивно подстраиваться под обстановку, а наоборот, формировать задачи и смыслы на перспективу⁵.

Разработка бренда университета способствует:

- привлечению большего внимания целевой аудитории к образовательным услугам;
- усилению позиционирования как на отечественном рынке, так и на зарубежном;
- повышению узнаваемости учебного заведения;
- расширению потенциальной целевой аудитории;
- продвижению внешних целей университета и привлечению к нему внимания стейкхолдеров как потенциальных инвесторов;
- повышению конкурентных преимуществ.

⁵ Программа развития НИУ ВШЭ. URL: <https://strategy.hse.ru/?ysclid=l8aegytmq5935141493>. К 100-летию Финансового университета. URL: <http://www.fa.ru/org/div/museum/Pages/fa100.aspx>. Программа развития РЭУ им. Г.В. Плеханова на 2016–2021 гг. URL: <https://www.rea.ru/ru/news/SiteAssets/programma-razvitiya.pdf?ysclid=l8aao2j6ys175684937>. Программа развития РАНХиГС до 2030 г. URL: <https://www.ranepa.ru/sveden/document/#Name2> и URL: <https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2021/05/strategiya-2030.pdf>

ВЫВОДЫ

Для исследуемой группы университетов можно предложить ряд рекомендаций по улучшению своих позиций в медиапространстве, улучшению имиджа, формированию и поддержке своего бренда:

- По возможности, необходимо продвигать ценности университета, которые отличают его от конкурентов. Трансляция ценностей должна основываться на представлении известных, уважаемых выпускников, престижности диплома, элитарности университета (собственно, благодаря чему и создается доверительный образ и репутация вуза в информационно-коммуникационном пространстве).

- Нужна универсализация бренда, а именно использование инструментов «мягкой силы», которые создают конкретный образ вуза в умах потребителей. Универсализация способна представить обществу такие характеристики университета, которых нет у конкурентов — преимущества, отличающие университет от других учебных заведений.

- В жанровом плане в большинстве материалов университетов преобладают информационные сообщения (заметки), поэтому рекомендуется больше внимания уделить аналитическим материалам и так называемым комментариям «с колес».

- Необходимо популяризировать исследования и разработки, мотивировать профессорско-преподавательский состав и научно-педагогических работников на эффективное взаимодействие с пресс-службой университета.

- Рекомендуется более системно генерировать собственные информационные поводы для продвижения достижений вуза, популяризации научной работы, образовательных инноваций, новых программ обучения и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(4):42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3
2. Liu Y., Ma T. University trademarks: strategies of top Chinese universities. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2022;9(1):254. DOI: 10.1057/c41599-022-01273-7
3. McAlexander J.H., Koenig H.F. Contextual influences: Building brand community in large and small colleges. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2010;20(1):69–84. DOI: 10.1080/08841241003788086
4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):86–93. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93
5. Давыдова М.А., Азаров А.А. Архитектура информационного потока Финансового университета в социальных медиа: продвижение бренда. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):118–126. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-118-126
6. Петросянц Д.В. Количественные измерения бренда современного университета. *Проблемы теории и практики управления*. 2017;(11):85–91.
7. Петросянц Д.В. Экосистемы инноваций в региональных российских университетах: информационные основы оценки развития. *Проблемы теории и практики управления*. 2018;(11):92–103.

REFERENCES

1. Balatsky E. V. Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(4): 42–59. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3
2. Liu Y., Ma T. University trademarks: strategies of top Chinese universities. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2022;9(1):254. DOI: 10.1057/c41599-022-01273-7
3. McAlexander J.H., Koenig H.F. Contextual influences: Building brand community in large and small colleges. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2010; 20(1):69–84. DOI: 10.1080/08841241003788086
4. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Lukushin V. A. Targeting Online Network Branding of Russian Universities: Scope of Influence on Public Consciousness. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):86–93. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93> (In Russ.).
5. Davydova M. A., Azarov A. A. Financial University Social Media Informational Stream Architecture: Brand Promotion. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):118–126. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-6-118-126> (In Russ.).
6. Petrosyants D. V. Quantitative measurements of the brand of modern university. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of the theory and practice of management*. 2017;(11):85–91. (In Russ.).
7. Petrosyants D. V. Ecosystems of innovation at regional Russian universities: information foundations of development assessment. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of the theory and practice of management*. 2018;(11):92–103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Даниэл Викторович Петросянц — кандидат экономических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Daniel V. Petrosyants — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>
dan-basa@yandex.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, первый заместитель руководителя факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel S. Seleznev — Doctor of Political Science, first deputy head of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

seleznevpavel@gmail.com

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior lecturer of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

mitrakhovich@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Д.В. Петросянц — разработка концепции, дизайн исследования, руководство проектом.

П.С. Селезнев — анализ и интерпретация полученных данных, обзор литературы.

С.П. Митрахович — компиляция расчетной базы данных, свод аналитических данных из СКАН-Интерфакс, выводы.

The declared contribution of the authors:

D. V. Petrosyants — concept development, research design, project management.

P. S. Seleznev — analysis and interpretation of the received data, Review of literature.

S. P. Mitrakhovich — compilation of the estimated database, a set of analytical data from SCAN-Interfax, conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.11.2022; принята к публикации 17.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.11.2022; accepted for publication on 17.12.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-72-78
УДК 316.74(045)

Мистика и суеверия в повседневной жизни студентов московских вузов

Л.А. Брушкова, Е.О. Климова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль и место мистики и суеверий в жизни современных российских студентов. Основной метод эмпирического исследования: массовый опрос студентов московского вуза. В статье показано, что в современном информационном обществе магический способ освоения реальности хотя и отходит на периферию повседневных практик студенческой молодежи, но не исчезает совсем. Немалая часть студентов демонстрирует приверженность суевериям для снижения степени своей тревожности, «привлечения» удачи, денег, успеха в учебных и других делах. Устойчивость суеверий среди студентов объясняется трансляцией социальных установок, а также условиями «общества риска», характеризующегося высокой степенью неопределенности и неспособностью человека выявлять и предотвращать те или иные опасности.

Ключевые слова: мистика; суеверия; установка; общество риска; повседневные практики; молодежь; студенты

Для цитирования: Брушкова Л.А., Климова Е.О. Мистика и суеверия в повседневной жизни студентов московских вузов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-72-78

ORIGINAL PAPER

Mysticism and Superstitions in Everyday Life of Moscow Students

L.A. Brusikova, E.O. Klimova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the article is the analysis of the role and place of mysticism and superstitions in everyday life of modern Russian students. The main method of empirical research: a mass survey of the students at a Moscow university. The authors show that in contemporary information society mysticism, or the magical way of mastering reality hasn't disappeared completely from students' everyday life although it has receded to the periphery of everyday practices of students. A large and considerable proportion of students demonstrate their commitment and adherence to superstitions to reduce their anxiety, to "attract" good luck or fortune, money, success in academic studies and other affairs. The persistence and steadiness of superstitions among students is explained by the reflection of social attitudes as well as the conditions of the "risk society" that is characterized by a high degree of uncertainty and people's inability to identify, reveal and prevent certain dangers and risks.

Keywords: mysticism; superstitions; attitude; risk society; everyday life; youth; students

For citation: Brusikova L.A., Klimova E.O. Mysticism and superstitions in everyday life of moscow students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-72-78

Мистика — (от греч. *mystika* — таинственные обряды, таинство) — это вера в сверхъестественное, таинственное, в возможность непосредственного общения человека с потусторонним миром¹.

Мистика сопровождала всю историю человечества, являясь одним из способов постиже-

ния и освоения мира. Известные авторитеты науки абсолютно по-разному оценивали мистический способ познания действительности. Так, А. Эйнштейн считал мистику «признаком слабости и растерянности», а Н.А. Бердяев видел в ней «реализм, ощущение реальностей, слияние с реальностями».

В разные периоды недавней истории России отношение к мистическому со стороны общест-

¹ URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/>

ва и государства менялось кардинально: от массового увлечения мистикой в начале XX в. до ее полного отрицания в советский период и своеобразного ренессанса мистического в современной России, когда на федеральных каналах транслируются передачи соответствующего содержания, ширится сеть магических салонов и т. п.

2 ноября 2022 г. ВЦИОМ провел среди россиян опрос «О вере и суевериях или таинственное и загадочное рядом». Согласно полученным данным практически каждый третий житель России (28%) верит в способность отдельных людей предсказывать судьбу. Необходимо отметить, что этот показатель постепенно снижается (в 2015 г. — 55%, в 2018 г. — 35%, в 2019 г. — 31%).

С 2015 г. в четыре раза выросла доля тех, кто сомневается в данной способности отдельных людей — с 7 до 26%. Доля же тех, кто не верит в предсказания судьбы уменьшилась незначительно, и сегодня она составляет 46% (в 2018 г. — 51%).

Таким образом, число тех, кто верит в предсказания, снижается не за счет увеличения числа скептиков, а за счет роста доли сомневающихся. Это позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время больше половины опрошенных россиян не отрицают мистические явления в принципе, допуская их существование с той или иной степенью уверенности.

Каждый четвертый респондент (25%) верит в колдовство и способность некоторых людей наводить порчу. В 2015 г. в это верили 48% респондентов, т. е. почти в два раза больше.

Большинство опрошенных (60%) не верят в возможность общения с душами умерших, почти треть респондентов (28%) сомневается в этом, а 12% убеждены в такой возможности. Любопытно, что за семь последних лет доля сомневающихся сократилась на 16 п. п. (в 2015 г. таковых было 76%).

Что касается гороскопов, астрологических прогнозов и советов астрологов, то в них верят 15% наших сограждан. Не верят вовсе 60% опрошенных, склонны сомневаться 25%².

Таким образом, в современном российском обществе, несмотря на цифровизацию и господство научного мировоззрения, определенная часть населения не отказывается полностью от

мистицизма, допуская существование паранормальных явлений.

Нетрудно заметить, что сейчас мистическая тема активно эксплуатируется средствами массовой информации, включая интернет, которые придают ей форму различных развлекательных продуктов. Так, в медийной сфере есть множество информации об астрологии, хиромантии, нумерологии, различных магических ритуалах, которые можно провести и самостоятельно, о старинных и современных суевериях и пр. Также в интернете довольно часто встречаются тесты типа: «Какая магическая способность вам дарована Высшими силами», «Узнайте, удастся ли вам разбогатеть в год Быка» и пр. В настоящее время наблюдается рост интереса россиян к различного рода амулетам, оберегам, браслетам, нитям и пр., которые в изобилии предлагает рынок. Люди активно заказывают их по интернету, а некоторые и вовсе сами едут за ними на «другой конец света».

Одним из проявлений мистики является суеверие, определяемое как «предрассудок, в силу которого происходящее представляется проявлением сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего»³.

Суеверия, как и мистика, достаточно широко распространены среди россиян, включая молодежь, что делает изучение этой проблемы особенно актуальным.

В этом проявляется противоречие современного российского общества, когда, с одной стороны, молодежь выступает носителем рационального мышления и лучше других возрастных групп осваивает информационные технологии, а с другой стороны, определенная ее часть демонстрирует приверженность магическому способу освоения мира, следуя, в частности, тем или иным суевериям.

Здесь есть и другое противоречие: с одной стороны, суеверия являются явным препятствием успешной социализации молодых людей в обществе, формируя, в частности, их пассивную жизненную позицию (ведь суеверный человек склонен «плыть по течению» вместо того, чтобы активно действовать и менять жизнь к лучшему), с другой стороны — это выражение многовековых традиций, опыта наших предков, особый культурный фон, имеющий налет загадочности, идущей из глубины веков. Почти каждый из нас в какой-то степени суеверен, и поэтому мы не

² URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam>

³ URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/>

можем сказать, что суеверия вообще не играют никакой роли в нашей жизни.

В качестве методологической основы исследования суеверий могут быть использованы теория установки Д. Н. Узнадзе, феноменологическая теория А. Шюца и «общество риска» У. Бека.

Д. Н. Узнадзе определяет понятие «установка» как «бессознательное психическое явление, которое возникает при взаимодействии индивида с окружающей средой благодаря комбинации потребности индивида и ситуации ее удовлетворения» [1]. Если применять данное определение к суевериям, то можно сказать, что суеверие — это тоже бессознательно явление, так как чаще всего мы следуем им по инерции, порой даже не успевая обдумать ситуацию (например, человеку нужно вынести вечером мусор, но вдруг он вспоминает, что на ночь этого делать нельзя и, соответственно, не выносит его). Получается, что бессознательное явление «заглушило» разум и рациональность.

Также мы можем сказать, что суеверия проявляются только в результате взаимодействия человека с внешней средой (например, в детстве мама говорила, что нельзя сидеть на углу стола, иначе не выйдешь замуж). В данном случае потребность индивида заключается в том, чтобы обрести семейное счастье, а условие ее удовлетворения — не сидеть на углу стола. Таким образом, суеверия можно рассматривать как своего рода установку.

В структуру установки входят следующие компоненты: когнитивный (осознание объекта установки), эмоциональный (оценка объекта, чувства симпатии или антипатии к нему), поведенческий (действия по отношению к объекту). Все они вполне применимы к суевериям, так как люди имеют определенные знания в этой сфере, оценочное отношение и выстраивают соответствующее поведение.

Феноменологическая теория А. Шюца обращена к изучению реальности повседневной жизни. Ученый задается вопросом: действительно ли она существует или это квазиреальность? В своих работах он анализировал, каким образом повседневное взаимодействие между людьми влияет на становление реальности их жизни [2].

В концепции Шюца есть два аспекта, которые могут быть применены к объяснению суеверий. Во-первых, это тезис взаимности перспектив как основа социализации человека. Под взаимностью перспектив ученый понимает ситуацию,

когда в повседневной жизни человек неосознанно думает, что люди, с которыми он взаимодействует, воспринимают и оценивают окружающий мир точно так же, как и он сам. Однако зачастую это не так. В зависимости от индивидуальных различий в восприятии мира на одну и ту же ситуацию люди реагируют по-разному: кто-то из нас считает обязательным «посидеть на дорожку», а кто-то рассматривает это действие как абсолютно бессмысленное.

Во-вторых, тезис о множественных реальностях и повседневности как верховной реальности. Согласно Шюцу, каждый мир является реальным до тех пор, пока мы обращаем на него свое внимание. Если рассматривать с позиции Шюца «сбываемость» суеверий, то для каждого человека реально то, во что он верит. Например, если человек искренне верит в то, что с утра встретить первой женщину — к несчастью, а мужчину — к счастью, то эта примета у него непременно «сбудется». Точнее, он сам будет связывать события, происшедшие с ним в течение дня, с тем фактом, какого пола человека он встретил первым. Таким образом, можно сказать, что каждый живет в своей собственной реальности: то, что важно для одного, для другого может не иметь абсолютно никакого значения, и наоборот.

Устойчивость и воспроизводство суеверий в современном обществе может быть объяснено в рамках концепции «общества риска» У. Бека. По мнению немецкого социолога, стремительное технологическое развитие, совершенствование научных знаний многократно увеличивают риски и опасности в современном обществе. Причем, в отличие от прошлых эпох, в наше время различные источники опасности для окружающей среды, жизни и здоровья человека недоступны для чувственного восприятия людей (например, радиация людьми не ощущается). Эта неспособность человека распознавать источники опасности порождает чувство беспомощности и страха перед неизведанным, что способствует распространению в обыденном сознании мифологических объяснений и паранауки. Бек считает, что «движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!”» [3].

Сознание современного человека становится похожим на то, какое было у первобытного. Только место невидимых духов и богов заняли разнообразные невидимые вредные вещества и излучения. Как в древности, так и в современ-

Таблица 1 / Table 1

Отношение московских студентов к суевериям, % опрошенных / Attitudes of Moscow students towards superstitions, % of respondents

Верю в суеверия и обычно следую им	2,5
Верю в суеверия, но не всегда следую им	30
Не верю в суеверия, но иногда следую им	47,5
Не верю в суеверия и не следую им	20

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ном мире, против опасностей существуют свои обряды, заклинания и способы уклонения и предотвращения [4].

Таким образом, в обществе тотальной неопределенности, отсутствия уверенности в чем бы то ни было появляется объективная почва для распространения иррационального мышления и поведения. Учитывая то, что все риски и опасности находятся в незримом для человека пространстве и каждый желает их избежать и минимизировать, люди начинают прибегать к мистическим способам снижения уровня тревоги, в частности к суевериям.

С целью выяснения роли суеверий в повседневной жизни московской студенческой молодежи в феврале-марте 2022 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование методом раздаточного анкетирования⁴.

В ходе исследования предполагалось установить, как студенты относятся к суевериям, в какой степени они следуют им, какие суеверия наиболее распространены в студенческой среде и в каких именно житейских ситуациях студенты более всего склонны ориентироваться на те или иные суеверия.

Для начала мы решили выяснить, верят ли студенты московского вуза в суеверия и следуют ли им (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, почти половина опрошенных (47,5%) не верят в суеверия, но иногда следуют им. Важно отметить, что лишь пятая часть респондентов не верит в суеверия и не следует им. Это говорит о том, что большая часть студентов иногда прибегает к суевериям в тех или иных жизненных ситуациях.

На вопрос: «Знаете ли вы содержание большинства суеверий, распространенных в нашем

Таблица 2 / Table 2

Знание московскими студентами содержания суеверий, % опрошенных / Moscow students' knowledge of superstition content, % of respondents

Да	16,3
Скорее да, чем нет	60
Скорее нет, чем да	23,8

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

обществе?» были получены следующие ответы (табл. 2).

Итак, абсолютное большинство опрошенных (76,3%) в той или иной мере знакомы с содержанием самых распространенных в нашем обществе суеверий. Более того, ни один респондент не выбрал вариант ответа «нет» (не знает содержание большинства суеверий, распространенных в нашем обществе). Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по субъективным оценкам самих студентов, они достаточно хорошо осведомлены о содержании суеверий, распространенных в российском обществе.

Для того чтобы установить, насколько студенты действительно знакомы с содержанием самых известных российских суеверий, респондентам было предложено отгадать ребусы, в которых зашифрованы достаточно популярные в нашем обществе суеверия (рис. 1–3).

Данный ребус сумели разгадать 85% опрошенных студентов.

57,5% респондентов расшифровали суеверие про «бабу с пустым ведром».

Зашифрованное суеверие «40 лет не отмечают» смогли разгадать 56,3% опрошенных студентов.

⁴ Выборочная совокупность — 80 студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Таким образом, по объективным оценкам, уровень знания суеверий студентами Финнуниверситета также является достаточно высоким.

В исследовании нами также был использован метод ассоциаций. В частности, респондентам предлагали назвать свои ассоциации, связанные с картинкой на рис. 4.

63,8% опрошенных студентов однозначно ассоциируют черную кошку, которая переходит дорогу, с плохой приметой.

Кроме этого, респондентам предлагалось выбрать собственную стратегию поведения в данной ситуации (табл. 3).

На основании полученной информации можно сделать вывод, что 70% опрошенных скептически относятся к данному суевию и не следуют каким-либо магическим рекомендациям. Однако для 30% черная кошка представляет некоторую «опасность», и они склонны прибегать к определенным действиям, чтобы предотвратить возможные негативные последствия.

Одной из задач исследования было выяснение того, какие именно суеверия являются наиболее популярными среди студентов Финнуниверситета. Респондентам предлагалось самим указать пять суеверий, которым они обычно следуют в своей повседневной жизни. На основании полученных ответов был составлен своеобразный рейтинг пяти наиболее распространенных среди студентов суеверий:

1. Постучать по дереву 3 раза — 39,1%.
2. Смотреться в зеркало / показывать себе язык в зеркало, если пришлось вернуться домой — 32,2%.
3. Черная кошка перебежала дорогу — к беде — 31,3%.
4. Сплюнуть через левое плечо 3 раза — 23,4%.
5. Не обходить столб с разных сторон с близкими и друзьями; посидеть на дорожку; соль просыпать — к ссоре — по 14,1%.

Вообще студенты назвали 50 различных суеверий при ответе на вопрос: каким приметам они следуют в своей жизни? Это говорит о том, что они очень хорошо знакомы с данной темой и проявляют к ней живой интерес.

В ходе исследования также выяснялось, в каких именно житейских ситуациях студенты склонны придерживаться суеверий в большей мере. Можно было предположить, что большинство из них будут следовать суевериям, связанным с успешной сдачей зачетов и экзаменов, однако результаты опроса показали, что это не так.

Рис. 1 / Fig. 1. «Птичий помет – к деньгам» / “Bird droppings – signal of money coming your way”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 2 / Fig. 2. «Баба с пустым ведром – к несчастью» / “A woman with an empty bucket is a sign of bad luck”

Источник / Source: составлено авторами. compiled by the authors.

Рис. 3 / Fig. 3. «40 лет не отмечают» / «40th birthday is not celebrated”

Источник / Source: составлено авторами. compiled by the authors.

Рис. 4 / Fig. 4. Черная кошка / The Black Cat

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Наиболее популярный среди студентов вид суеверий (их придерживается 62,5% респондентов) — связанные со снижением степени переживаний (не возвращаться домой, если что-то забыли, или обязательно посмотреть в зеркало, если пришлось вернуться). Данный результат коррелирует с рейтингом наиболее распростра-

Таблица 3 / Table 3

Как бы вы поступили, увидев черную кошку?, % опрошенных / What would you do if you saw a black cat?, % of respondents

Просто бы прошел	66,3
Пошел бы другой дорогой	17,5
Прошел, держась за пуговицу (на всякий случай, все-таки кошка совершенно черная)	5,0
Подождал бы, когда пройдет кто-то другой и заберет проклятие на себя	3,6
Плюнул бы через левое плечо три раза и прошел	3,6
Прошел бы после нее. Я же Козерог. Козерогам это на счастье	1,2
Побежала бы гладить	1,2
Подозвал бы кошку к себе	1,2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ненных суеверий, первую и вторую строчку в котором занимают аналогичные приметы именно из этой области.

На втором месте — суеверия для избегания неудач (не переходить дорогу, если ее перебежала черная кошка, или переходить, держась за пуговицу, не селиться на этажах и в комнатах под номером 13). Их назвали 37,5% респондентов. Здесь также наблюдается корреляция с рейтингом суеверий. Так, данная примета находится на третьей позиции в рейтинге самых популярных у студентов Финуниверситета.

Закрывают тройку «лидеров» суеверия, связанные с успешной сдачей зачетов и экзаменов (не мыть голову перед испытанием, положить учебник под подушку в ночь перед испытанием). Приверженцами данного вида суеверий являются 28,8% опрошенных студентов.

На четвертом месте расположились суеверия для «привлечения» денег или предотвращения их потери (не передавать деньги через порог, не считать деньги на ночь, вырастить денежное дерево). 20% респондентов прибегают к данным способам.

Суеверия для «привлечения» фортуны (например, повесить в доме подкову) находятся на пятом месте по популярности у студентов Финуниверситета. Только 13,8% следуют данной примете.

Наименее популярными среди студентов Финуниверситета оказались суеверия, связанные

с успехом в любовных делах (например, если при полной луне ночью вымыть три раза пол в своей комнате, то можно скоро выйти замуж за хорошего человека, или можно сказать магическую фразу: «Ложусь на новом месте, приснись жених невесте»). Лишь 12,5% опрошенных прибегали к данным способам в поиске своей второй половины.

Таким образом, студенты следуют суевериям в первую очередь для того, чтобы снизить уровень своей тревожности и привлечь удачу, деньги, что вполне объяснимо в контексте общества риска, о котором писал У. Бек.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в современном российском обществе магия и суеверия продолжают играть немаловажную роль, помогая людям, включая молодежь, справляться с каждодневным стрессом и адаптироваться к условиям перманентной неопределенности.

Суеверия — это установка, с помощью которой человек выстраивает причинно-следственные связи между событиями, на самом деле никак не связанными между собой, создавая тем самым для себя видимость влияния на окружающую действительность. Другими словами, суеверия — это объективно бесполезные, но субъективно эффективные способы адаптации людей в условиях растущей неопределенности, что объясняет их популярность в современном секуляризованном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016;3(27):135–140.
2. Ненашев М.И. Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца. *Вестник ВятГУ*. 2010;2(1):6–11.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция; 2000.
4. Немеров Е.Н. Риск как структурный элемент современной цивилизации в концепции «Общества риска» Ульриха Бека. *Современные исследования социальных проблем*. 2018;10(2):37–47.

REFERENCES

1. Gordeeva S.S. The Essence and Structure of Social Attitude in Sociology and Social Psychology. *The Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2016;3(27):135–140. (In Russ.).
2. Nenashev M. I. The Ideas of Social Phenomenology by Alfred Schütz. *The Bulletin of Vyatka State University*. 2010;2(1):6–11. (In Russ.).
3. Beck U. Risk Society. On the Way to Another Modernity. Moscow: Progress-Tradition; 2000. (In Russ.).
4. Nemerov E.N. Risk as a Structural Element of Modern Civilization in Ulrich Beck's Risk Society Concept. *Contemporary Studies of Social Problems*. 2018;10(2):37–47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Людмила Алексеевна Брушкова — кандидат социологических наук, доцент доцент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Lyudmila A. Brusikova — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3787-3791>

lbrushkova@yandex.ru

Екатерина Олеговна Климова — студентка 3-го курса бакалавриата факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Ekaterina O. Klimova — 3rd year Student of the Department of Sociology and Politology, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6177-3267>

208153@edu.fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 23.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-79-83
УДК 378.4(045)

Особенности обучения студентов финансово-экономического вуза общеамериканскому произношению в рамках коммуникативно ориентированного подхода

Я.А. Гимаев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В представленной статье актуализирована тема обучения общеамериканскому произношению студентов финансово-экономического профиля. Отмечается, что практика обучения иноязычному произношению должна осуществляться во взаимосвязи с обучением всем видам речевой деятельности на иностранном языке. Акцентируется внимание на главных принципах коммуникативно ориентированного подхода при обучении произношению. Выделяются характерные особенности общеамериканского произношения, освоение которых представляется наиболее актуальным для студентов финансово-экономического профиля.

Ключевые слова: речевая деятельность; американский вариант английского языка; общеамериканское произношение; коммуникативно ориентированный подход в обучении; интонация; словесное ударение; артикуляция звуков

Для цитирования: Гимаев Я.А. Особенности обучения студентов финансово-экономического вуза общеамериканскому произношению в рамках коммуникативно ориентированного подхода. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):79-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-79-83

ORIGINAL PAPER

Features of Teaching Students of a Financial and Economic University to the General American Pronunciation Within a Communicative Language Teaching Approach

Ya.A. Gimaev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The presented article actualizes the topic of teaching the General American pronunciation to students of a financial and economic profile. It is noted that the practice of teaching foreign pronunciation should be carried out in conjunction with teaching all types of speaking activity in a foreign language. Attention is focused on the main principles of a communicative language teaching approach in teaching pronunciation. The features of the General American pronunciation, the development of which seems to be the most relevant for students of the financial and economic profile, are highlighted.

Keywords: speaking activity; American English; General American pronunciation; communicative language teaching approach; intonation; verbal stress; articulation of sounds

For citation: Gimaev Ya.A. Features of teaching students of a financial and economic university to the General American pronunciation within a communicative language teaching approach. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):79-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-79-83

ВВЕДЕНИЕ

Постановка произношения является важнейшим компонентом при обучении основным видам речевой деятельности. Как отмечает Л. В. Сухова, коммуникативно ориентированное обучение иностранному языку направлено на обучение говорению, в котором должны учитываться как содержательная сторона, так и форма высказывания [1]. Профессиональное обучение студентов финансово-экономического профиля, на наш взгляд, предполагает овладение ими навыками и умениями основных видов речевой деятельности на американском варианте английского языка (American English, AE) с общеамериканским произношением (General American, GA). Это связано с тем, что в настоящее время многие мировые финансовые и политические организации, такие как, например, ООН, МВФ, а также штаб-квартиры крупнейших корпораций, таких как Google, Apple, Microsoft, Amazon, располагаются в США. Эти факты обуславливают возрастающую роль именно американского варианта английского языка как средства обмена политическим, экономическим и культурным опытом между странами в эпоху глобализации. Кроме того, большое количество видных современных экономистов являются американцами. В связи с этим студентам финансово-экономического профиля целесообразно уметь адекватно использовать их язык.

Как и Н. А. Крестина, мы убеждены, что обучение иноязычному произношению должно происходить во взаимосвязи с обучением основным видам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию и письму) [2].

Несмотря на то что иноязычное произношение доступно для внешнего восприятия только при говорении, аудировании и чтении вслух, обучение общеамериканскому произношению должно происходить вместе с обучением лексическим особенностям AE, так как любой язык и каждый из его вариантов представляют собой единую и целостную систему. Таким образом, интонация, словесное ударение и артикуляция звуков как элементы иноязычного произношения должны изучаться во взаимосвязи со всеми видами речевой деятельности, включая письмо и чтение про себя (внутреннюю речь). Эта взаимосвязь формирует у студентов представление об изучении иностранного языка как о комплексном процессе, а акцент на произношении отвечает требованиям коммуникативно

ориентированного обучения, которое подразумевает овладение обучающимися способностью понимать естественную речь носителей GA и отражать его произносительные особенности в собственной речи.

Дж. Ричардс утверждает, что цель коммуникативно ориентированного обучения иностранному языку — формирование коммуникативной компетентности, которая противопоставляется грамматической компетентности. Коммуникативная компетентность предполагает знание того, как использовать язык и его функции для достижения разнообразных целей в зависимости от окружающей обстановки и собеседников, создавать и понимать разные типы текстов и поддерживать коммуникацию, имея даже ограниченный набор языковых средств [3].

Л. А. Милованова сформулировала следующие принципы коммуникативно ориентированного подхода в обучении иностранному языку:

- 1) аутентичный языковой и речевой материал;
- 2) понимание коммуникативного намерения говорящего или слушающего;
- 3) изучаемый язык как средство общения в аудитории;
- 4) акцент на коммуникативных функциях лингвистических форм;
- 5) обучение дискурсивной компетенции на иностранном языке;
- 6) свобода участника коммуникации в выборе языковых и речевых средств для реализации коммуникативной интенции;
- 7) толерантное отношение к речевым ошибкам и исправление ошибок, мешающих процессу взаимопонимания;
- 8) кооперация в достижении коммуникативных целей [4].

При работе со студентами финансово-экономического вуза наиболее актуальными становятся 1-й, 4-й, 5-й и 6-й принципы. В силу того, что обучающиеся уже в достаточной мере владеют грамматикой английского языка и обладают значительным словарным запасом, работа преподавателя по обучению общеамериканскому произношению, на наш взгляд, включает две основные задачи:

- корректировку знаний фонологических особенностей и произносительной нормы AE;
 - обучение фонетическим особенностям GA.
- Очевидно, что для выполнения этих задач преподавателю надо опираться исключительно

на аутентичный языковой и речевой материал, демонстрировать коммуникативные функции общеамериканского произношения, показывать функционирование целостных, связных и логичных высказываний (дискурсов) в конкретных ситуациях общения, стимулировать у студентов желание самостоятельно выбирать адекватные средства речевого общения при использовании АЕ.

Корректировка знаний фонологических особенностей АЕ подразумевает работу со словесным ударением, интонацией и мелодикой. Обучение фонетическим особенностям общеамериканского произношения предполагает освоение правильной артикуляции звуков в определенных позициях.

КОРРЕКТИРОВКА ЗНАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЩЕАМЕРИКАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

При работе со студентами высшей школы, несомненно, возможным и необходимым представляется объяснение обучающимся некоторых теоретических основ предмета изучения. Это позволяет студентам понять внутреннюю логику функционирования той или иной лингвистической закономерности. В частности, корректировка произношения, по нашему мнению, должна начинаться с объяснения такого понятия, как ударение. В американском варианте английского языка ударение имеет ряд особенностей, не характерных для русского языка, и ошибки в постановке логического ударения могут привести к искажению смысла высказывания. Главное, что должны уметь обучающиеся, это ранжировать компоненты высказывания по их важности. Важные элементы акцентируются, поэтому знаменательные части речи (существительные, глаголы, прилагательные) должны выделяться ударением, а служебные части речи — находиться в безударной позиции.

Также наглядной такая работа становится при рассмотрении со студентами ударения в составных существительных (*descriptive phrases*) и устойчивых сочетаниях (*set-phrases*). Финансово-экономическая лексика изобилует такими сочетаниями, и при их введении или использовании на занятии обучающиеся должны отчетливо распознавать ударное слово:

freight forwarder, government panel, immigrant remittances, revenue duty, shipping agent, equity

finance, venture capital, general partnership, cost control, investment return.

И, напротив:

visible trade, self-sufficient, equity market, in monetary terms, raw materials, capital goods, limited liability, overdraft facility, stockholder, benchmark, cash flow, real estate, full-time job, loss-leader pricing, bookkeeper.

Следующим логическим этапом в освоении американского ударения является работа с более крупными сегментами языка — предложениями и группами предложений. Студенты должны осознанно акцентировать наиболее важные по смыслу компоненты высказывания. В случае же, когда в предложении логическое ударение может падать на разные слова, в зависимости от намерения говорящего, имеет смысл произнести и прокомментировать все возможные варианты.

Кроме того, мы считаем, что преподавателю необходимо удостовериться в том, что студенты знакомы с базовыми мелодическими моделями английского предложения:

- ударное слово в высоком регистре с понижением тона к концу предложения (утвердительные предложения и специальные вопросы);
- ударное слово в низком регистре с последующим повышением тона (общие вопросы).

Однако следует обратить внимание студентов на то, что в американском произношении достаточно распространены и другие мелодические модели, в частности модель с восходяще-нисходящей интонацией. Она характерна для предложений, начинающихся со вводной конструкции, и сложных повествовательных предложений. Также в речи американцев имеет место волнообразная интонация, например в разделительных вопросах.

В силу экспрессивности речи носителей американского варианта английского языка такие интонационные модели очень распространены.

ОБУЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ GA

Н. А. Кретинина доказывает, что «овладение произношением GA в онтогенезе, т.е. «от интонации к артикуляции», является наиболее рациональной» [5]. Мы принимаем эту точку зрения и считаем, что обучение произношению звуков невозможно без овладения основными моделями интонации и умения ставить логическое ударение.

Особенности общеамериканской артикуляции звуков наиболее ярко заметны на фоне стандар-

тного британского произношения, с которым студенты наверняка знакомы, будучи школьниками. На наш взгляд, внимание студентов следует обращать на произношение некоторых гласных, согласных и дифтонгов, таких как [r], [æ], [ɑ], [ə], [əu], [t], [j].

Наиболее яркой особенностью GA является произношение звука [r]. Отчетливее всего это слышно в словах, оканчивающихся на этот звук. Целесообразно обращать внимание студентов-экономистов на следующие слова:

car, air, require, distributor, depositor, indicator, factor, transfer, cater, tender, owner, proprietor, entrepreneur, store, venture, surrender, takeover, merger, leisure.

Имеет смысл сравнить британское и общеамериканское произношение слов со звуком [r] в середине слова:

charge, surplus, determine, article, hierarchy, permit, support, mortgage.

Следующей важной особенностью американской речи является артикуляция звуков [æ] и [ɑ] на месте буквы А. Известно, что в словах, где после буквы А идут звуки [f], [θ], [ð], [s], [nt], [ns], [ntʃ], [nd], [mp], американцы скажут [æ], в отличие от британцев, произносящих часто [ɑ]. Данную особенность со студентами целесообразно отрабаты- вать на следующих словах:

half, laugh, daft, raft, path, bath, lather, rather, fast, grass, gasp, last, mask, task, nasty, pass, raspberry, vast, plant, can't, dance, ranch, branch, demand, sample.

Стоит также обратить внимание обучающихся на то, что американское произношение не подразумевает долгого звука [ɑ:], а, скорее, напоминает [ʌ] в таких словах, как:

father, bard, calm, charge, charter, margin, overdraft, party,

Яркой особенностью GA является произнесение звука, близкого к [ʌ] в таких словах, как:

a lot, hot, not, dog, what, shot, cotton, dot, got, bond, stock, cost, job, jot, rot, tot.

Учитывая частотность подобных слов, при желании освоить американское произношение студенты должны довести нужную артикуляцию данного звука до автоматизма.

Наиболее сложным звуком GA представляется [t], произносимый американцами близко к [d] или вовсе не произносимый. Э. Кук предлагает русскоговорящим студентам понаблюдать за работой артикуляционного аппарата при произнесении русского звука [р]. Это поможет

им понять особенности общеамериканского произношения [t]:

You've got to pay to get it. [юв гара пэйра гэ- рит] [6].

Для студентов финансово-экономического профиля важно закрепить артикуляцию данного звука не только в общеупотребительных словах, типа *better, later, matter, little*, но и в таких, как: *cater, equity, entity, liability, entitle, competitive, executive, authority, rating, granted, distributor, indicator, total, article, capital.*

Необходимо мотивировать обучающихся запоминать также произношение слов, где звук [t] почти не произносится:

twenty, inventory, Internet, interview (в середине слова),

accommodate, asset, benefit, commitment, credit, freight, payment, account, complaint, estate (в конце слова).

Еще одной особенностью американского произношения является отсутствие артикуляции звука [j] в сочетании со звуком [u]. Наиболее актуальными для студентов-экономистов словами данной категории представляются следующие:

news, New York, student, fluctuation, consumer, executive, opportunities, calculation, revenue, argue, valuable, producer.

Частотность данных лексем в речи экономистов и финансистов — носителей американского варианта английского языка обуславливает актуальность отработки их произношения со студентами.

ВЫВОДЫ

Обучение произношению, на наш взгляд, представляется важнейшей задачей и неотъемлемым компонентом обучения основным видам речевой деятельности на иностранном языке. Коммуникативно ориентированный подход, акцентирующий внимание на коммуникативных функциях лингвистических форм, без сомнения целесообразно применять при обучении общеамериканскому произношению студентов финансово-экономического профиля, которые в своей работе будут активно использовать устную речь для достижения профессиональных целей.

Мы убеждены, что успешное обучение GA должно осуществляться по пути «от интонации к артикуляции». Такой подход дает преподавателю возможность поэтапно скорректировать устную речь обучающихся и позволяет студентам понять логику общеамериканского произношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухова Л. В. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку и языковая парасреда как его системообразующий фактор. *Иностранные языки в школе*. 2007;(5):15–18.
2. Кретинина Н. А. Методика обучения студентов педагогических вузов общеамериканскому произношению на основе просодических характеристик. Автореф. ... дис. кан. пед. наук. Тамбов: Тамбовский военный авиационный инженерный институт; 2001. 23 с.
3. Richards J. C. *Communicative Language Teaching Today*. New York; Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
4. Милованова Л. А. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку: опыт зарубежных и российских исследований. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2014;(6):152–156.
5. Кретинина Н. А. Некоторые аспекты овладения общеамериканским произношением. *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. 2002;(2):139–141.
6. Cook A. *American accent training. A guide to speaking and pronouncing American English for everyone who speaks English as a second language*, 2 ed. New York: Barron's Educational Series; 2000.

REFERENCES

1. Sukhova L. V. Communication-oriented teaching of foreign language and language paramilieu as its system-forming factor. *Foreign languages at school*. 2007;(5):15–18. (In Russ.).
2. Kretinina N. A. Methods of teaching students of pedagogical universities to the General American pronunciation based on prosodic characteristics: abstract of the dissertation of the candidate of Pedagogy. Tambov: Tambov Military Aviation Engineering Institute; 2001. 23 p. (In Russ.).
3. Richards J. C. *Communicative Language Teaching Today*. New York; Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
4. Milovanova L. A. Communication-oriented teaching of a foreign language: the experience of foreign and Russian studies. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2014;(6):152–156. (In Russ.).
5. Kretinina N. A. Some aspects of mastering the General American pronunciation. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2002;(2):139–141. (In Russ.).
6. Cook A. *American accent training. A guide to speaking and pronouncing American English for everyone who speaks English as a second language*, 2 ed. New York: Barron's Educational Series; 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ян Айратович Гимаев — кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Yan A. Gimaev — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0148-7098>
 yaagimaev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.08.2022; принята к публикации 19.10.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article received on 19.08.2022; accepted for publication on 19.10.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-84-90
УДК 378(045)

Стихи как средство развития профессиональной лексики

Е.М. Захцер

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Запоминание слов не должно быть мучительным. Как, принимая этот постулат, стимулировать студентов к запоминанию профессиональной лексики на семинарах по английскому языку в неязыковом вузе? В основе данной статьи лежит практический эксперимент, базирующийся как на индивидуальной, так и на групповой работе со студентами. Статья представляет собой конспект открытого урока (или, скорее, серии открытых семинаров по одной теме или одному тематическому разделу учебного пособия), по сути, являющегося профессиональной игрой, построенной на открытии содержаний в формах и форм в содержаниях. В работе затронуты основы стихосложения и даны рекомендации методического характера по проведению семинарских занятий в соответствии с принципами драмогерменевтики, приведены результаты эксперимента.

Ключевые слова: лексика; профессиональная лексика; синоним; словосочетание; стихи; строфа; слог; части речи; стихосложение

Для цитирования: Захцер Е.М. Стихи как средство развития профессиональной лексики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):84-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-84-90

ORIGINAL PAPER

Poems as a Means of Developing Professional Vocabulary

E.M. Zakhtser

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Memorising words should not be painful. And recognizing this postulate how exactly can we stimulate students to memorize professional vocabulary in English seminars in a non-language university? The foundation of this article is a practical experiment based on both individual and group work with students. The article is an outline of an open-ended lesson (or, rather, a series of open-ended seminars on one topic or one thematic section of a textbook), which is essentially a professional game built on the discovery of contents in forms and forms in contents. The author touches upon the basics of poetry, makes methodological recommendations for conducting the seminars according to the principles of drama-hermeneutics, and presents the results of the experiment.

Keywords: lexicon; professional vocabulary; synonym; collocation; verse; stanza; syllable; parts of speech; versification

For citation: Zakhtser E.M. Poems as a means of developing professional vocabulary. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):84-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-84-90

В коммуникационном треугольнике Кинневи типы дискурса разделены на три категории [1]:

Экспрессивный — ориентированный на личное выражение (письма, дневники и т.д.).

Транзакционный — ориентированный как на читателя, так и на сообщение (реклама, деловые письма, редакционные статьи, инструкции и т.д.).

Поэтический, в котором основное внимание уделяется форме и языку (драма, поэзия, романы, рассказы и т.д.).

Первые два преподаются в рамках курса по изучению английского языка (ESL), поскольку они традиционно считаются обязательными. Боязнь «перегрузить» студентов и широко распространенное мнение, что изучение поэзии не влияет на практическое усвоение языка, сдерживают преподавателей, и они уходят от поэтического дискурса. Между тем поэзия — это прекрасная возможность одновременного развития различных языковых навыков, поскольку она включает в себя чтение, аудирование, письмо и разговорную речь.

Размеры по стопам:	Meter in rhythmic patterns "feet" (or syllable stresses on words)
Односложные – монометр	one foot = monometer
Двусложные – диметр	two feet = dimeter
Трехсложные – триметр	three feet = trimeter
Четырехсложные = тетраметр	four feet = tetrameter
Пятисложные = пентаметр	five feet = pentameter
Шестисложные = гекзаметр	six feet = hexameter

Поэзия может стать для студентов пропуском в мир бизнес-коммуникации благодаря такому своему свойству, как точная и экономная манера изложения. На семинарах по иностранному языку не стоит излагать теорию поэзии или рассказывать в академической манере о типах стихов и поэтических приемах, а нужно вдохновиться «Вредными советами» Григория Остера [2] и предложить студентам инструкцию от Льюиса Кэрролла из его «Поэтами становятся, а не рождаются (лат.)»¹ [3], где автор, по сути, предлагает социо-игровой подход, представления о котором сложились в 1970-х гг.

Конечно, нужно вспомнить основы. Например, в Финансовом университете студенты 1-го курса факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, обучающиеся английскому языку, на семинаре по написанию писем (Writing Letters) смотрят документальный фильм «Ночная почта» (1936 г.), где Джон Грирсон читает отрывок из одноименной поэмы У.Х. Одена² [4]. Затем текст всей поэмы выводится на экран, а студентам предлагается найти десятый станс. Несмотря на то что не все студенты помнят слово «строфа», не говоря уже о «стансе» (а на английском могли и вовсе такое слово не слышать), десятый они находят сразу, не только потому что знают арифметику, но и потому что слова именно в этой стихотворной строфе выглядят знакомыми. Студенты активно откликаются на пожелание прочесть этот отрывок еще и потому, что он вызывает обоснованную ассоциацию с рэпом. Здесь же уместно напомнить о такой стилистической фигуре, как анафора, — молодые люди легко находят ее на примере слов «letters», «and» and «the»

и интуитивно понимают, что такие приемы помогают установить ритм и передать характер движения поезда.

От этого задания легко перейти к Альберту Эйнштейну и показать советский научно-популярный фильм «Что такое теория относительности?» (1964 г.)³. Эйнштейн однажды сказал: «Чистая математика — это своего рода поэзия логических идей». Некоторые студенты помнят, что не всякую строфу, имеющую даже самостоятельное содержание, можно назвать стансом. Строфа-станс передает философскую мысль, чувство или настроение автора, его отношение к жизни. В зависимости от количества строк в строфе стих носит соответствующее название: моностих, дистих, терцет, катрен, квинтет, секстет, септима, октава, нона, децет.

Итак, мы повторили, что:

1. Стих — это строка стихотворного произведения (стихов).
2. Строфа (в просторечии — куплет) — организация от 2-х до 10 (редко более) строк, объединенных размером, рифмой, ритмом, смыслом.
3. Станс — строфа, являющаяся законченным, самостоятельным стихотворным произведением.
4. Ритм стихотворения — чередование ударных и безударных слогов.

Нужно напомнить, что стопа — это ударный слог в сочетании с безударным, чтобы обучающиеся вспомнили греческие числительные и образованные от них приставки, и переключиться на такие виды математических моделей, как хайку, тетрактис, танка, синквейн, нонет, этерия и рэнга.

Или же можно сначала сочинить дидактический синквейн, потом диаманте; сделать перерыв на акростих; затем перейти к свободному

¹ Ироническая вариация известного изречения Цицерона: «Nascuntur poetae, fiunt oratores» — «Поэтами рождаются, ораторами становятся».

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zmcuiKsBOi0>

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nOMGhTLwRk0>

или повествовательному стиху и в заключение попробовать себя в кеннинге, после чего приступить к слогам и завершить такую «поэтическую» траекторию обучения рифмами. Желательно усложнять упражнения на выписывание транскрипции подсчетом количества слогов или нахождением рифмы к словам, описыванием новых слов-существительных прилагательными, и наоборот, или придумыванием любых других словосочетаний с помощью аллитерации или ассонанса с новыми словами.

Представление новой стихотворной формы рекомендуется сопровождать краткими историческими экскурсами, например о том, что в начале XX в. синквейн придумала американский теоретик стихосложения Аделаида Крэпси [5], опиравшаяся на знакомство с японскими силлабическими миниатюрами хайку и танка. Необходимо сказать, что учителя американских школ адаптировали сиквейн в методических целях и представили вниманию студентов дидактический сиквейн, основанный не на слоговой зависимости, а на содержательной и синтаксической заданности каждой строки, и имеющий форму стихотворения из пяти нерифмованных строк, написанный по следующим правилам:

1-я строка — одно существительное, выражающее главную тему синквейна.

2-я строка — два прилагательных, выражающих главную мысль.

3-я строка — три глагола, описывающие действия в рамках темы.

4-я строка — фраза, несущая определенный смысл.

5-я строка — заключение в форме существительного (ассоциация с первым словом).

Составлять синквейн очень просто и быстро, работа над его созданием развивает образное мышление и структурирует словарный запас, приобретенный студентом в рамках пройденной темы, а также гармонично сочетает элементы всех трех основных образовательных систем: информационной, деятельностной и личностно ориентированной. При этом каждый студент поглощен своими собственными ситуационно-деловыми открытиями.

Знакомство студентов с диамантом можно начать с видеоролика детского американского поэта-блогера Кенна Несбитта, в котором он рассказывает и о том, что стихотворная форма была придумана Айрис Тьедт [6], учителем и сочинителем из Америки, и о том, что распо-

ложение текста должно напоминать бриллиант, чтобы оправдать название (diamond — бриллиант), и о следующей конструкции:

1 строка — существительное (начальная тема).

2 строка — два прилагательных, описывающих строку 1.

3 строка — три герундия или глагола к существительному строки 1.

4 строка — два существительных или фраза о строке 1, два существительных или фраза о строке 7.

5 строка — три герундия (глагола) к существительному строки 7.

6 строка — два прилагательных, описывающих строку 7.

7 строка — существительное (конечная тема), которое может быть синонимом или антонимом к строке 1. В зависимости от того, что стоит в строке 7 — синоним или антоним к строке 1 — диамант называется синонимичным или антонимичным.

Многие студенты еще во время просмотра видеоролика понимают, что их затем попросят сочинить свой диамант. Так что, если преподаватель изначально четко обозначил тему, то просмотр завершится дикламацией сочинений.

Следуя положениям герменевтики, на семинарах рекомендуется практиковать просмотр 2-минутных видео, записанных самими студентами, в которых они делятся самостоятельно найденной интересной информацией по изучаемой теме. Просмотр завершает пятиминутка стихотворчества, а семинар — минисборник диамантов. Такие «детские» стихи позволяют студентам связать свои ощущения с лексическими единицами. Ребята могут выйти за пределы темы, анализируя, сопоставляя или создавая новые смыслы. Все это способствует «погружению» в язык.

Дидактические стихотворные формы допускают эксперименты с лексико-грамматическими классами слов. Понимая потребности студентов в тренировке тех или иных частей речи, а также для разнопланового составления заданий, преподаватель может предложить следующие конструкции:

• строка = герундий или

• строка = пара «прилагательное + существительное, или

• 1 строка — сущ. + гл. + прил.

2 строка — мест. + гл + прил., прил., прил.

3 строка — прил. + союз + прил.

4 строка — нареч. нареч.

Стихотворные опыты с ограничением грамматического инструментария побуждают студентов перебирать возможные смысловые варианты и выстраивать новые цепочки слов, что улучшает запоминание, так как активизируются синоптические связи мозга.

Английский поэт, критик и философ Сэмюэл Тейлор Кольридж [7] сказал, что поэзия — это лучшие слова в лучшем порядке. Этой цитатой можно начать знакомство с такой поэтической формой, как акrostих. Ожидать от студентов примеров двойных и тройных акrostихов не стоит. Однако сочинение акrostихов-ключей, где зашифровано слово, словосочетание или предложение по пройденной теме, не представляет для учащихся особой сложности.

Для того чтобы проиллюстрировать формы свободного стиха, стиха-фигуры или графического стиха, предлагается показать студентам акрограмму Валентина Загорянского (упомянув о формальных разновидностях акrostиха: телестих, месостих и акротелестихом), отрывок, который является одним из двенадцати циклов поэмы-мезостиха «Перенаселение и искусство» Джона Кейджа⁴, и любой из стихов-фигур (Concrete / Shape Poetry) на выбор преподавателя. Студентов увлекают опыты с такими стихотворными формами, особенно если сопровождать их рассказами, например, о французском поэте Гийоме Аполлинере, издавшем в 1918 г. сборник графических стихов, которые он назвал придуманным им словом «Каллиграммы» (от «каллиграфия» и «идеограмма») [8], и о том, что каллиграммы Аполлинера представляли собой коллажи из рукописных фрагментов, не поддающихся прочтению ввиду неразборчивости его почерка. Поколению, потребляющему визуальный контент, будет приятно получить подтверждение того факта, что в художественной речи номинативная функция зачастую становится вторичной по отношению к изобразительной.

Если на семинаре появится несколько свободных минут, рекомендуется предоставить студентам возможность написать акrostих в мини-группах. Соблюдение правил педагогического мизансценирования, закрепление определенной строки за конкретным студентом и помощь преподавателя в составлении построчного плана стихотворения будет способствовать слаженности

совместного действия и более результативной работе.

На финальном этапе изучения того или иного тематического раздела пособия в качестве домашнего задания на развитие навыков письма студентам предлагается составить свободный или повествовательный стих определенной длины. Это, кстати, позволит преподавателю избежать проверки бесконечно повторяющихся из работы в работу предложений, которые зачастую лишь слегка отличаются от предложенных в тексте пособия, и побудит студентов к поиску дополнительного материала по теме.

Завершать домашнюю работу над сочинением должна индивидуальная презентация, в конце которой желательно предложить студенческой аудитории заполнить форму обратной связи (Individual Presentation Feedback Form)⁵. Презентации можно организовать в виде соревнования, разбив группу, например, на две команды. Если затем процитировать словесный поединок из «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого» [9], произведения, созданного в XIII в., то студенты без труда найдут ассоциацию с рэп-баттлом.

Итак, оттолкнувшись от средневекового рэп-баттла, как законного, в меру безопасного и относительно веселого способа оскорблять друг друга, который практиковали скандинавы, можно рассказать о скальдической поэзии и ввести понятие кеннинга. «Кеннинг — разновидность метафоры, характерная для скальдической, англосаксонской и кельтской поэзии. Кеннинги представляют собой особым образом построенные перифразы, служащие для иносказательного обозначения ключевых понятий. Стоит отметить, что богатство словаря скальдов не имеет себе равных в древней поэзии, поэтому соперничать со скальдами в богатстве и разнообразии поэтических синонимов русскому языку не приходится. Кеннинги трафаретны, что позволяет студентам с легкостью отказаться от воспитанной всем нашим поэтическим опытом потребности видеть в них образ — в одних случаях традиционно поэтический («конь моря» = корабль, «спор клинков» = поединок), в других как бы нарочито сниженный («колода ожерелий» = женщина, «лыжи жижи» = корабль). Скальды описывали процесс сочинения стихов с помощью «рабочих» глаголов: они не «сочиняли», они «обрабатывали» материал,

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WzPneYqBLAI>

⁵ URL: <https://www.sutori.com/en/story/untitled-iGGMV1qSRPLr7MGZf8uWQcxg>

ковали, обтесывали, укрощали, никаких муз и вдохновений», пишет О.А. Смирницкая [10]. Вот почему в целях расширения словарного запаса слушателей, изучающих любой иностранный язык, не обязательно английский, сочинение кеннингов подходит идеально. Скальдические кеннинги, как правило, совершенно условны, образ низведен до шаблона, в соответствии с которым «порождаются» новые кеннинги. Так, упомянутый кеннинг «конь моря» может рассматриваться как начальное звено в бесконечной цепочке преобразований. В нем могут быть заменены оба компонента. Ближайшим источником для замен служат, конечно, все синонимы «коня» и «моря». Иначе говоря, любое из слов ряда «лошадь, скакун, жеребенок, рысак» и т.п. сочетается с любым из слов ряда «океан, пучина, глубь, зыбь, хлябь» и т.п. Это дает очень большое, хотя и конечное число сочетаний. Кеннинг не содержит дополнительных стилистических оттенков и не претендует на то, чтобы поражать смелостью образа. Самое важное в нем — это его новизна, и примеры кеннингов в современном английском языке служат тому подтверждением:

- Talking-heads are people who give interviews.
- Cancer-stick is a cigarette.

Способ построения новых кеннингов, заключающийся в развертывании двухчленных перифраз в трехчленные, четырехчленные и т.д. можно продемонстрировать самым длинным из известных кеннингов — семичленным, придуманным в XI в. Тордом Сэркссоном: «разбрасыватель огня метели великанши укрывающего месяца коня корабельного сарая», где:

- Конь корабельного сарая = корабль.
- Укрывающий месяц корабля = щит.
- Великанша щита = секира.
- Метель секиры = битва.
- Огонь битвы = меч.
- Разбрасыватель меч = муж, воин.

Из примера видно, что расшифровка такого многочленного кеннинга ведется в порядке, обратном развертыванию, т.е. справа налево. Активность по составлению многочленных кеннингов в группе стимулирует «партизанское» общение и способствует трансформации обучения из процесса классно-урочного в социо-игровой. Если программой предусмотрены ролевые игры, завершающие изучение каждой темы, то проведение на семинаре соревнований между командами по развертыванию придуманных кеннингов будет весьма уместным в рамках драмогерменевти-

ческого подхода и сменит фиксированно-ритуальное общение подлинным, импровизационным. Преподаватель, выступая в роли судьи, может добавлять очки команде, предложившей в качестве кеннинга уже закрепившиеся в языке составные существительные (compound nouns), которые являются ассоциативными интерпретациями (boat people = refugees) и выступают в контекстуальной функции. Важно объяснить различие с составными существительными, описывающими принадлежность существительного (government program) и выступающими в их атрибутивной функции.

Навык изобретения и понимания составных существительных актуален для специалистов в финансовом секторе, так как современные рынки, особенно рынки криптовалюты, находятся «в плену» терминов, возникших в спешке, и острая необходимость в новых лексических единицах указывает на то, что количество составных существительных в подобных областях будет только расти.

Завершая знакомство студентов с поэзией скальдов, стоит заметить, что она — на сто процентов поэзия «авторская». Считается, что скальды первыми в Европе применили «авторское право». А за украденное у коллеги двестишие можно было получить прозвище Дурной Скальд или Погубитель Скальдов.

Тренировку со слоговыми структурами предлагается начать традиционным сиквейном: 2-4-6-8-2, общее количество слогов в пяти строках — 22. Для сочинения сиквейна, как и для хайку (5-7-5), танка (5-7-5-7-7), тетрактиса (1-2-3-4-10), нонета (9-8-7-6-5-4-3-2-1) и этерии (1-2-3-4-5-6-7-8-9-10), рифму искать не нужно, что позволяет студентам практически с любой степенью подготовки попрактиковаться в стихосложении на английском языке.

В качестве групповой работы, например на семинаре, завершающем годовое обучение, можно предложить сочинить стихотворение в жанре рэнга и попросить студентов объединить в одном произведении полученную ими в течение курса информацию.

Теоретик рэнга Нидзэ Ёсимото писал: «Конечное назначение рэнга — оживить известное» и говорил, что рэнга выражает связанными строфами всеобщую связь вещей, единство мира в его бесконечных изменениях: «Если вникнете в форму рэнга, то увидите, что один стих продолжает другой, отражая великое разнообразие вещей:

одно процветает, другое увядает, одно светится радостью, другое омрачается печалью, но все существует рядом друг с другом, все пребывает в движении. Это и есть дао нашего времени».

Какова же форма рэнги? Рэнга имеет первую, «открывающую» строфу-хокку (5–7–5), именно она в свое время послужила основой для создания самостоятельного жанра японских трехстиший-хайку. Когда произошло четкое деление танка на две строфы, в моду вошел поэтический диалог, потому что эти строфы могли сочинять два разных поэта. Этот диалог захотелось вести сколько угодно долго, а потом превратить его в полилог. Так родились «сцепленные строфы», оригинальное название «рэнга» [11, 12]. Рэнга была в моде в XV–XVI вв. В ее создании участвовало несколько поэтов (чаще трое), каждый по очереди сочинял по строфе. Смысл пятистишия меняется в зависимости от того, с какой строфой — предыдущей или последующей — «сцепить» очередную часть рэнги.

Рэнга делится на три части: пролог, развитие (середина) и эпилог.

Пролог состоит из 6 строф. Эта часть называется лицом рэнги. 1-ю строфу (хокку) сочинял самый почетный гость, 2-ю — хозяин дома, в котором собирались участники, 3-ю — самый опытный поэт. Преподаватель может назначить на эти роли студентов, а может предоставить им право определиться самим.

Развитие состоит из 24-х строф, с 7-й по 30-ю — это самая продолжительная часть рэнги, в которой студенты могут обсудить различные взгляды на пройденные ими понятия, подискутировать, обменяться впечатлениями и сослаться на zapomнившиеся им источники информации.

Эпилог состоит из 6 строф, с 31-й по 36-ю, причем последняя нота должна звучать оптимистично.

Строфы 7, 19 и 31 пишет тот же автор, который написал предыдущую строфу, и дальше чередование авторов идет в обратном порядке. Это нужно для того, чтобы отвечали друг другу разные авторы.

Если, к примеру, участвует три автора (А, В, С), они пишут строфы в следующем порядке: А-В-С-А-В-С-С-В-А-С-В-А-С-В-А-С-В-А-А-В-С-А-В-С-А-В-С-С-В-А-С-В-А.

Рэнга — это поэма. Прежде чем писать свою строфу, студент должен прочесть всю рэнгу и понять, как перейти к новому материалу, избегая повторения, чтобы соответствовать основной идее рэнги — движению вперед. «Жизнь так же изменчива и непредсказуема, как рэнга», — говорил исследователь рэнга Макото Уэда. А о том, насколько цикл семинаров получается живым и актуальным, можно судить по впечатлениям обучающихся:

*«Также безумно необычным для меня показалось составление стихотворений, причем разных видов (пятистишия, диаманте, акростих). До наших занятий я даже не знала, что такие стихотворения существуют, никогда не углублялась в поэзию. А сейчас я легко могу придумать, например, *diamante* на английском языке» (Ольга Ена, НАУ21).*

«Конечно, такая деятельность помогает в изучении английского. Когда ты учишь новое слово, ты сразу же начинаешь слышать его повсюду, даже там, где раньше не замечал его... Плюс к тому, это помогает лучше понять контекст использования слова». (Игорь Фомин, НАУ21).

«Когда ты занимаешься этим самостоятельно, да и еще на английском... интерес просыпается сам собой! В общем, могу отметить, что такие задания неплохо расширяют кругозор и способствуют увеличению интереса к изучаемому предмету. (Игорь Климов, НАУ21).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. James L. Kinneavy. A Theory of Discourse: The Aims of Discourse. New York: Norton; 1980.
2. Остер Г.Б. Вредные советы. М.: Малыш; 2020.
3. Carrol L. Phantasmagoria and Other Poems. London: Macmillan; 1919.
4. Auden W.H. Collected Poems. Vintage; Reprint edition. April 23, 1991.
5. Crapsey A. Cinquains & Other Verse. New York: Public Domain Press; 2022.
6. Tiedt I.M. Elementary Teacher's New Complete Ideas Handbook. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall; 1983.
7. Coleridge S. T. The Complete Works of Samuel Taylor Coleridge (Illustrated Edition): Poetry, Plays, Literary Essays, Lectures, Autobiography & Letters. Charleston (SC); Nabu Press; 2017.
8. Аполлинер Г. Алкоголи. Каллиграммы. Стихотворения мира и войны (1913–1916). СПб.: Терция, Кристалл; 1999.
9. Стурлусон С. Круг Земной. М.: Альма Матер; 2022.

10. Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М.: ЯСК; 2005.
11. Бреславец Т.И. Поэзия рэнга. Очерки японской поэзии IX–XVII веков. М.: Восточная литература; 1994.
12. Горегляд В.Н. Японская литература VIII–XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское востоковедение; 2001.

REFERENCES

1. James L. Kinneavy. A Theory of Discourse: The Aims of Discourse. New York: Norton; 1980.
2. Oster G.B. Harmful advice. Moscow: Malysh; 2020. (In Russ.).
3. Carrol L. Phantasmagoria and Other Poems. London: Macmillan; 1919.
4. Auden W.H. Collected Poems. Vintage; Reprint edition. April 23, 1991.
5. Crapsey A. Cinquains & Other Verse. New York: Public Domain Press; 2022.
6. Tiedt I.M. Elementary Teacher's New Complete Ideas Handbook. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall; 1983.
7. Coleridge S.T. The Complete Works of Samuel Taylor Coleridge (Illustrated Edition): Poetry, Plays, Literary Essays, Lectures, Autobiography & Letters. Charleston (SS); Nabu Press; 2017.
8. Apolliner G. Alcoholics. Calligrams. Poems of peace and war (1913–1916). St. Petersburg: Tertia; Crystal; 1999. (In Russ.).
9. Sturluson S. Circle of the Earth. Moscow: Alma Mater; 2022. (In Russ.).
10. Smirnitskaya O.A. Ancient German poetry: Canons and interpretations. Moscow: YASK; 2005. (In Russ.).
11. Breslavets T.I. Poetry of Reng. Essays on Japanese poetry of the IX–XVII centuries. Moscow: Oriental Literature; 1994. (In Russ.).
12. Goreglyad V.N. Japanese literature of the VIII–XVI centuries: The beginning and development of traditions. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Михайловна Захцер — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena M. Zakhtser — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

zakhtser@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2022; принята к публикации 20.11.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2022; accepted for publication on 20.11.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-91-97
УДК 32(045)

Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами

В.Г. Кикнадзе

Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В работе представлен анализ генезиса немецкого фашизма и нацизма. Рассмотрены способы и факторы (социально-экономические, роль образования, позиция Церкви), способствовавшие овладению массами германского народа экстремистской идеологией нацизма и расизма. Именно они, сформировав ненависть к русским, советским «недочеловекам» и фанатичную преданность, явились идейной основой геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Выявлена преемственность идей крайней русофобии и геноцида в отношении русских между Третьим рейхом и преступным киевским режимом, между германским нацизмом и украинским нацизмом XXI в. Показано сходство в методике зомбирования людей идеями нацизма в Германии в первой половине XX в. и на Украине в конце XX – первых десятилетиях XXI в. Отмечено, что важную роль в защите самосознания народа от воздействия деструктивных идеологий играет национальный (государственный) исторический дискурс.

Ключевые слова: геноцид советского народа; уничтожение славян; фашизм; нацизм; расизм; идеология; Великая Отечественная война; ЧГК; неофашизм; Германия; СССР; Украина; США

Для цитирования: Кикнадзе В.Г. Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2023;13(1):91-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-91-97

ORIGINAL PAPER

How the Ideas of Nationalism and Neo-Fascism are Taking Hold of the Masses

V.G. Kiknadze

Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents an analysis of the genesis of German Fascism and Nazism. The ways and factors (socio-economic, the role of education, the position of the Church) that contributed to the wild spread of the extremist ideology of Nazism and racism among the masses of the German people are examined. Having formed a hatred of Russians, Soviet “subhumans” and fanatical devotion, the German people provided the ideological basis for the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945. The continuity of the ideas of extreme Russophobia and genocide against Russians between the Third Reich and the criminal Kiev regime, between the German Nazism and the Ukrainian Nazism of the XXI century has been revealed. The article shows the similarities in the methods of zombifying people with the ideas of Nazism in Germany in the first half of the 20th century and in Ukraine in the late 20th – early decades of the 21st century. It is noted that the national (state) historical discourse plays a very important role in protecting the consciousness of the people from the impact of destructive ideologies.

Keywords: genocide of the Soviet people; extermination of the Slavs; fascism; Nazism; racism; ideology; the Great Patriotic War; Special State Committee; neo-fascism; Germany; USSR; Ukraine; USA

For citation: Kiknadze V.G. How the ideas of nationalism and neo-fascism master the masses. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2023;13(1): X-X. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-91-97

Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации важное значение имеет как юридическое оформление фактов геноцида советского народа на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.,¹ так и использование в образовательной, научной, просветительской деятельности результатов федерального проекта «Без срока давности». Вместе с тем одержать победу над фашизмом, национализмом и неофашизмом невозможно без понимания природы этих явлений, без знания механизма того, как они овладевают массами, готовыми впоследствии уничтожать другие народы.

В этой связи полагаем целесообразным обратиться к поиску ответов на следующие вопросы: почему, как писал член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и пособников А. Н. Толстой, «немецкий народ не плюнул в глаза своему соблазнителю и пошел за Гитлером убивать и грабить»?², что общего между генезисом немецкого нацизма в первой половине XX в. и развитием украинского национализма в конце XX — начале XXI века, и насколько опасен неофашизм?

Ряд экспертов, например А. А. Богдашкин, мотивированно утверждают, что «фашизм как исторический феномен... был обусловлен последовавшим после Первой мировой войны острейшим **социально-экономическим кризисом** и Великой депрессией 1929–1933 гг. Именно поэтому современные праворадикальные движения не обладают влиянием, сопоставимым с тем, которое было у их предшественников в 1920–1930-е гг.» [1, 2]. Однако, на наш взгляд, такое влияние они вполне могут получить в обозримом будущем, по мере накопления «критической массы» совокупности ряда факторов: негативных социально-экономических последствий финансово-экономических кризисов, участвовавших в последнее время и имеющих рукотворный характер; пандемии COVID-19; создаваемых в ходе войны «коллективного Запада» против России условий для голода, нехватки энергоресурсов, массовой миграции населения и роста цен на товары первой необходимости; опасности военно-биологической деятельности США с территории Украины; угрозы техногенной катастрофы (вследствие обстрелов вооруженными силами Ук-

раины крупнейшей в Европе Запорожской АЭС); роста количества террористических проявлений и преследования по религиозному признаку.

Более того, следует учитывать, что во многих западных странах, например в Италии, по оценке В. П. Любина, «общество не обладает должной сопротивляемостью, антифашистская прививка перестала действовать, а молчаливое большинство относится ко всему этому равнодушно. Если ситуация будет развиваться в том же направлении, можно ждать дальнейших сюрпризов в виде героизации фашистских порядков и фашистских иерархов, полного уничтожения антифашистского консенсуса» [2].

Одним из весьма важных факторов, влияющих на статус и потенциал фашистской идеологии, традиционно является **позиция Церкви**.

«Если на рубеже 1920-х — 1930-х гг. идеологические разногласия и несовместимость расистской идеологии с христианским мировоззрением обусловили антинацистские заявления церковного руководства, то, по мнению Л. Н. Бровко, с приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. высший клир обеих конфессий четко заявил о своей лояльности новому канцлеру. Изменили свою позицию под влиянием нацистской пропаганды и многие немецкие христиане... это... привело к заключению 20 июля 1933 г. известного Конкордата между немецким правительством и Ватиканом, определявшего статус Римско-католической церкви в Германии» [2].

А вот исследование Е. С. Токаревой, посвященное специфике церковно-государственных отношений в фашистской Италии, показало тщетность попыток итальянских фашистов подчинить себе католическую церковь и сделать ее орудием своей политики [2].

Религиозный (церковный) фактор остается значимым и сегодня. Не случайно его столь активно использовали и используют в современной Украине для разжигания ненависти к России, русским и Русской православной церкви, в том числе преследуя каноническую Украинскую православную церковь (с целью прекращения «использования религиозных общин в качестве центра Русского мира» [3]).

Однако первостепенную роль в достижении консенсуса фашизма и народных масс играет **уровень образования и просвещения** последних, прежде всего молодежи.

«Не убеждать людей, а организовывать их»; «познание — неустойчивая программа для масс, стабильное чувство — **ненависть**»; «знания, рассу-

¹ URL: <https://www.noo-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/>

² URL: <https://history.ric.mil.ru/upload/site177/s1ddIRP6eM.pdf>

ждения, жизненный опыт имеют второстепенное значение в сравнении с инстинктом — при условии, если это инстинкт чистого в расовом отношении народа» — вот, на наш взгляд, концептуальные установки на механизм зомбирования людей фашистами, которые были заложены в Программе НСДАП.

И действительно, как утверждал Жак Лакан, французский психоаналитик, философ и психиатр, «ненависть, как и сама любовь, — безграничное поприще».

Оставалось привить, точнее, развить, этот инстинкт у германского народа. При этом осуществлять данную метаморфозу следовало, прежде всего, через систему образования. Потому-то одни из первых шагов фашистской власти в Германии были связаны с повальными чистками учителей и педагогов. И по той же причине в ходе денацификации Германии, по твердому решению советской военной администрации, уже в 1945/1946 учебном году из системы немецкого образования были устранены бывшие нацисты.

К концу 1933 г. все службы, учреждения, вузы и школы, печать, радио в Германии приспособивались к нацистским идеям. В невиданных масштабах на сознание обывателя было оказано мощное идеологическое воздействие: национал-шовинизм и партийное доктринерство. Обучение и воспитание подрастающего поколения резко политизировалось. В Хуфенской гимназии, например, в 1934/1935 учебном году школьникам давались для сочинений сугубо «патриотические» темы: «Какие возможности предлагаются мне как ученику для участия в строительстве под руководством фюрера», «Разговор между СА-солдатом и кандидатом в СА», «Воспитание в Гитлерюгенде» и т.д. В следующем учебном году были распущены родительские комитеты, а вместо них введены должности руководителей молодежи, которые, хотя и назначались директором гимназии, но только после партийного одобрения. В школах началось деление на «арийцев» и «неарийцев». Последних запрещалось оценивать выше, чем учеников-«арийцев». На уроках музыки разучивались песни Гитлерюгенда. Когда фашистская Германия уже вступила в полосу неприкрытых агрессий [4], восьмиклассники восточно-прусских школ тренировали свои литературные и интеллектуальные способности, размышляя над вопросом: «Чем солдаты капитана фон Эркerta превосходили готтентотов (по книге Ганса Гримма «Народ без пространства»)» [5].

В русле нацистских «духовных» реформ было определено место и Кёнигсбергскому университету, призванному в новых условиях поставлять фюреру квалифицированные научные и пропагандистские кадры. С этой целью режим выделил Альбертине (Кёнигсбергский университет) значительные средства на расширение и укрепление научной и учебной базы. В последнем, 1944/1945 учебном году в университете было уже шесть факультетов. Кроме традиционных (теологического, юридического, медицинского и философского), появились естественно-научный и сельскохозяйственный факультеты. В то же время был резко сокращен прием студентов не немецкого происхождения. Часть профессуры безоговорочно поддержала нацистскую идеологию и политику [5].

Третьему рейху нужны были не личности, а дивиды — люди с фрагментарными представлениями о действительности. Такими проще манипулировать, навязывая им свою волю, в том числе звериную ненависть к выдуманным врагам «недочеловекам», как внутренним (евреи, цыгане), так и внешним (славяне).

Аналогичный алгоритм зомбирования неонацистской идеологией осуществлялся и на территории Украины. 30 марта 2022 г. министр просвещения Российской Федерации С.С. Кравцов сообщил, что более 50 экспертов, педагогов и историков провели анализ учебников, методических пособий, по которым работали учителя, учились дети на территории Украины. Оказалось, что в них целенаправленно фальсифицировались целые главы истории. Приведем лишь две оценки министра: «Мы увидели, что это целенаправленная работа и выстраивание цепочки, искажающей историческую правду. Это не только агрессия и готовность к военной операции против нашей страны, но и зомбирование учителей, школьников — причем, зачастую насильственно — в отношении России. <...> В учебниках истории Бандера и Шухевич названы героями, которые культивируются. Была возрождена детская националистическая организация “Пласт” — ее членами были Бандера и Шухевич. В ней напрямую нацизм возводился в абсолют» [6]. И данное «творчество» финансировалось иностранными государствами.

К этому можно добавить, что антирусская неонацистская информационно-идеологическая кампания осуществлялась на Украине еще с конца 1980-х гг. Напомним, что в январе 1989 г. во Львове прошло Учредительное собрание националистического «Украинского христианско-демократического фронта» (УХДФ). Управление Комитета государст-

венной безопасности по Львовской области писало тогда Львовскому обкому Коммунистической партии Украины: «С момента создания при УХДФ начала функционировать молодежная националистическая организация “Пласт”... В июле с.г. “УХДФ” в районе х. Паланки Городокского района открыл первый военно-спортивный лагерь “Пласта” — “Курень имени Р. Шухевича”. <...> Читались лекции о якобы “легендарном прошлом ОУН-УПА”, строящиеся на воспоминаниях бывших бандеровцев, тенденциозно трактовалась политика партии и правительства на современном этапе, приглашенными униатскими авторитетами проводились богослужения по грекокатолическому обряду»³.

Как наставлял своих эсэсовских «прихожан» Г. Гиммлер, «недочеловек — духовно гораздо ниже, чем зверь — следовательно, расизм может принять форму геноцида в отношении советского народа». А Гитлер так ориентировал своего румынского визави И. Антонеску: «Моя миссия — уничтожить славян». Эти стратегические установки руководства Германии были приняты к исполнению в вооруженных силах и оккупационной властью как в руководящих документах, так и в непосредственной преступной деятельности.

Например, в Памятке германского солдата: «У тебя нет сердца и нервов, но они вам не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки». А обнаруженная в декабре 1941 г. в ходе освобождения г. Калинина (Тверь) на брошенном немцами складе, набитом резиновыми дубинками, «Инструкция для бургомистров, старост и полицейских» содержала следующее требование: «Служба поддержания внутреннего порядка в городах и селах России должна быть службой резиновой дубинки». В трофейных документах пехотной дивизии вермахта прямо сказано: «Славянские народы — это рабы по своей натуре и довольны, когда с ними обращаются, как с рабами». Свидетельские показания военных преступников поражают своими откровениями и цинизмом. Так, нацист и лекарский помощник военного лазарета № 551 старший ефрейтор Рудольф Модисш, казненный на площади в Смоленске 20 декабря 1945 г., на допросе свидетельствовал: «В каждом русском мы видели лишь животное. Это ежедневно вдал-

бливалось в наши головы начальством. Поэтому, совершая убийства и другие преступления, мы не задумывались над этим, так как в наших глазах русские не были людьми» [7]. Многочисленные факты умышленного уничтожения детей и подростков ярче других преступлений нацизма характеризует политику, проводившуюся немецко-фашистскими оккупантами на территории СССР, как геноцид [8].

Безусловно, нормальный человек, с образованием и воспитанием, в здравом уме никогда не воспримет столь бредовые идеи как правду и тем более не станет участвовать в их реализации. Лестницей, ведущей человека вниз к такому звериному состоянию, является путь постепенного отказа от принятых в обществе правил и морали. Соблазн облегчения постоянно действующих ограничительно-сдерживающих установок — фактор относительной легкости восприятия «безумных» содержаний (идей) средним «нормальным» человеком.

И результат — налицо. «Немецким молодым людям в возрасте от 20 до 27 лет, составлявшим ядро лучших соединений вермахта в первый период Великой Отечественной войны, было до степени фанатизма внушено, что они — “чистокровные арийцы”, представители “высшей расы”, якобы самой природой призванные господствовать над народами СССР. Этот расистский фанатизм гитлеровской военной молодежи, помноженный на достигнутые ранее боевые успехи, был своего рода барьером, мешавшим советским пропагандистам достучаться до элементов здравого смысла в сознании немецких захватчиков», — отмечал маршал Советского Союза В.И. Чуйков [9]. А ведь в 1933 г. им было от 12 до 19 лет соответственно. Это были ученики средней школы и студенты первых курсов университетов Германии. Пропагандистам Третьего рейха оказалось достаточно 6–8 лет, что полностью подчинить себе их сознание, превратить в покорную массу дивидов.

Вот почему коллективный Запад так настойчиво разрушал Советский Союз изнутри, разлагая мораль и нравственность советского человека (начиная с партийной и государственной элиты). Вот почему ЦРУ США в холодной войне делало главную ставку в политическом противостоянии с СССР на разрушение его образования, науки и культуры (щедро поощряя «лучших», в том числе и Нобелевской премией).

«Методичка» с тех пор не изменилась. Поменялись лишь субъекты воздействия, которыми стали Россия, Украина, Беларусь и другие государства Русского мира. И здесь уместно обратиться к по-

³ URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2340002.html>

казаниям плененного главного идеолога и вербовщика запрещенного в Российской Федерации батальона «Азов» Владислава Дутчака по прозвищу Доцент. «Я работал в школе, начинал свою трудовую деятельность с 92-го года, работал в педучилище, в институте, в университете. Понимаете, метода-то одна: нужно заинтересовать людей... Если заинтересовать мужчин, они будут читать, они будут саморазвиваться. ... Недочеловеками. Да, совершенно верно». С 2017 г. профессиональный историк-этнограф, кандидат философских наук, доцент В. Дутчак читал лекции по военной истории, истории Украины для запрещенного в РФ «Азова»⁴.

Начатая в годы перестройки на Украине анти-русская истерия по бандеровским шаблонам вместе с героизацией палачей ОУН-УПА (запрещенные в РФ экстремистские организации) стала идеологическим обоснованием превращения украинского режима в антироссийское орудие США и Запада. Она усилилась с 2004 г., когда один из лидеров первого Майдана, глава партии «Батькивщина», народный депутат Украины, будущий премьер Украины (в 2005 и 2007–2010 гг.) Ю.В. Тимошенко требовала огородить Донбасс колючей проволокой и залить его напалмом. А в 2014 г. она же заявила: «...надо... мочить этих, блин, кацапов чертовых вместе с их руководителем... чтобы, блин, от этой России не осталось даже выжженного поля! ...расстреливать надо из атомного оружия» [10]⁵.

Для коллективного Запада, действительно, важен глобальный хаос, нравственное падение и фрагментарное мышление современного человека. А.В. Глухова справедливо отмечает, что «праворадикальные движения пытаются собрать под свои знамена... разочарованных и дезориентированных людей, оказавшихся на обочине процессов глобализации... У них вновь появился шанс соблазнить этих людей проектом, ущербность и преступность которого история однажды уже доказала» [1, 2].

В сложившихся условиях, в целях защиты самосознания народа России, процесс честной и бескомпромиссной борьбы с неонацизмом нужно начинать с учетом решений, принятых на высшем государственном уровне. Национальный исторический дискурс, конечно, распространяется, становится элементом самосознания, мировоззрения и идентичности общества через семью и систему

образования. Однако определяет и формирует его в едином формате, безусловно, государство. Без обоснования, формирования и принятия со стороны власти (Российской Федерации, Республики Беларусь, Союзного государства) объективных историко-юридических оценок комплекса таких событий, как «Куропаты» [11]⁶, «Катынь» [12–14]⁷,

⁶ Массовые расстрелы немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками советских мирных жителей и угнанного еврейского населения государств Европы (всего ок. 7 тыс. чел.) в м. Куропаты под Минском (Белоруссия) в ходе Великой Отечественной войны. В 1988–1989 г., при содействии члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева и 2-го секретаря ЦК КПБ Н.С. Игрунова, Прокуратура БССР подтвердила версию В.В. Быкова и З.С. Позняка (представлена в их статье в соавторстве с Е. Шмыгалёвым «Куропаты — дарога смерці», опубликованной 3 июня 1988 г. в газете «Літаратура і мастацтва»), что в Куропатах в довоенное время органами НКВД расстреляно не менее 30 тыс. советских граждан, представив их «жертвами сталинских репрессий». В 1996 г. В.В. Быков и З.С. Позняк выехали в США.

⁷ Нацистская провокация, выполненная по инициативе министра пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса в апреле 1943 г., с целью возложить на Советский Союз ответственность за расстрел польских военнопленных в «Катынском» лесу под Смоленском (в дальнейшем локация катынского дела была расширена до лагерей польских военнопленных под Харьковом и Тверью). Созданная в Лондоне в декабре 1944 г. Специальная комиссия для расследования катынского дела стала целенаправленно подбирать «факты и документы», которые должны были хоть косвенно, но подтвердить вину Советского Союза за катынский расстрел. В ходе Международного военного трибунала в Нюрнберге (МВТ) эти материалы были переданы защитнику К. Дёница адмиралу Отто Кранцбюлеру с целью снять с нацистских властей ответственность за катынское преступление. Председатель МВТ Дж. Лоуренс отказался не только рассматривать эти «факты и документы», но и приобщать к материалам расследования. В обвинительном заключении МВТ (пункт третий — Военные преступления; С) Убийство и жестокое обращение с военнопленными и другими военнослужащими стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны) зафиксировано, что данное военное преступление — «11 тысяч польских офицеров-военнопленных убиты в Катынском лесу близ Смоленска в сентябре 1941 года» — совершено обвиняемыми (Германией). Деятели утратившего легитимность польского эмигрантского правительства не удовлетворились решением МВТ и решили устроить для И.В. Сталина свой Нюрнберг. В опубликованный в 1949 г. «Обвинительный приговор советским лидерам» были включены и «советская агрессия» 1939 г., и катынский расстрел, и даже демократические выборы в Польшу в 1947 г. Целенаправленная и методичная пропаганда польской («западной») версии катынских событий привела к тому, что в период холодной войны катынская мифология превратилась в польское место памяти Katyn. В конце 1970-х гг. катынский вопрос стал одним из важнейших направлений деятельности польской оппозиции. 13 апреля 1990 г. Президент СССР М.С. Горбачёв объявил о вине в «Катынском расстреле» руководства СССР, которая была «оформлена» в тот же день «Заявлением ТАСС». Активное участие в подготовке «явки с повинной» принял член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев. 25 августа 1993 г. в ходе визита в Польшу Президент России Б.Н. Ельцин со словами «Простите нас» возло-

⁴ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2730450/>

⁵ URL: <https://topwar.ru/42243-timoshenko-hochet-mochit-кацапов-yadernym-oruzhiem.html>

«Пакт Молотова — Риббентропа»⁸, «Северные терри-

жил венки к памятнику жертвам Катыни в Варшаве. В 2010 г. Президент России Д.А. Медведев по запросу Польши передал более 90 томов материалов уголовного дела по «Катыни», а Государственная Дума ФС РФ приняла Постановление с Заявлением «О Катынской трагедии». В адрес СССР в рамках катынского дела выдвинуты обвинения в расстреле 22 тыс. поляков. В РФ ответственность НКВД установлена за расстрел 1803 бывших польских военнопленных.

⁸ Подписание Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. и секретного дополнительного протокола к нему. 24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял Постановление, в котором осудил факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г. и других секретных договоренностей с Германией (п. 7 Постановления). Своё решение депутаты обосновали, в том числе тем, что «просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии» (п. 2), предпринятые в Договоре «разграничение “сфер интересов” Германии и СССР и другие действия находились с юридической точки в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран» (п. 5), протоколы «были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» (п. 7). Как и в случаях с Куропатами и Катынью, решение вновь было принято при активном участии члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. Резолюция Европарламента 2019/2819 (RSP) от 19.9.2019 г. отсылает к Постановлению Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., которым «советские власти отрицали ответственность за это соглашение и его последствия» (п. К). Инициаторов Резолюции не устраивает, что российские власти, вразрез с решением лиц, дейст-

твующих⁹ и др. невозможно защитить самосознание народов от поражения фашистской идеологией. Пропагандистские мифы («исторические открытия») об этих событиях подорвали сознание и единство народов СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг., содействуя разрушению советского государства. И сегодня их по-прежнему активно используют в общественно-политическом дискурсе, но уже для нанесения стратегического поражения России.

Кроме того, в наши дни, после начала специальной военной операции ВС РФ на Украине, очевидно, что путь к успешной борьбе и победе над фашизмом лежит не только через решения в области образования (обучения, воспитания и просвещения), но и через денацификацию государств (обществ), пораженных «коричневой чумой».

вовавших тогда от имени советской власти, пропагандируют историческую правду о Второй мировой войне.

⁹ Объявление Советским Союзом войны Японии в августе 1945 г. и передача Советскому Союзу по итогам безоговорочной капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. Курильских островов. Принадлежность южной части Курил (южные острова Большой Курильской гряды (о. Итуруп, о. Кунашир) и острова Малой Курильской гряды), входящих в Сахалинскую обл. РФ, оспаривается Японией при поддержке США. Именно с этой целью, для решения вопроса «о спорных территориях», Япония создает условия для подписания мирного договора с Российской Федерацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богдашкин А.А., ред. Фашизм, неофашизм и их преступная практика: сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой. М.: Весь Мир; 2021.
2. Аверченко С.В., Борисов Д.А. Фашистские идеи не были уничтожены, и их носители продолжают свою деятельность в наши дни. *Военно-исторический журнал*. 2022;(11):103–109.
3. Кеффер Л. СБУ пришла с обысками на объектах УПЦ в восьми областях. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5721119>
4. Илиевский Н.В. «Ab ovo» или когда же началась Вторая мировая война? *Наука. Общество. Оборона*. 2020;(4):38–38.
5. Виноградов М.В., Кретинин Г.В. Восточная Пруссия под властью национал-социалистов. *Наука. Общество. Оборона*. 2022;(4):27–27.
6. Кравцов С. В украинских учебниках описана подготовка к войне с Россией. URL: <https://er.ru/activity/news/sergej-kravcov-v-ukrainskih-uchebnikah-opisana-podgotovka-k-vojne-s-rossiej>
7. Амелин С.А., Ивочкин Д.А., Трапезников И.А. Смоленск в оккупации. Фотоальбом. СПб.: Историческая иллюстрация; 2015.
8. Кулаков И.А. Массовое убийство воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейск в 1942 году как факт геноцида советского народа. *Наука. Общество. Оборона*. 2022;(4)36–36.
9. Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Советская Россия; 1985.
10. Москаль А. «Молящемуся» Порошенко о начале войны в Донбассе. URL: <https://www.odnarodyna.org/content/molyashchemusya-poroshenko-o-nachale-voyny-v-donbasse>
11. Лепешко Е.Н. Куропаты: змеиный поцелуй Америки. Минск: Бизнесофсет; 2022.
12. Плотников А.Ю. Катынская фальсификация, как инструмент информационной войны. *Наука. Общество. Оборона*. 2020;(4):41–41.

13. Корнилова О.В. Возникновение и становление «Катыни» как места памяти: пропагандистская операция Третьего рейха в 1943 году. *Наука. Общество. Оборона*. 2021;(3):23–23.
14. Корнилова О.В. Польские отрицатели Катыни и «Нюрнберг» для Сталина в антироссийской политике Великобритании и США. *Наука. Общество. Оборона*. 2022; (3):19–19.

REFERENCES

1. Fascism, neo-fascism, and their criminal practices: collection of articles in memory of Elena Dmitrievna Stroganova / edited by A.A. Bogdashkin. Moscow: The Whole World; 2021. (In Russ.).
2. Averchenko S.V., Borisov D.A. Fascist ideas have not been destroyed and their carriers continue their activities today. *Military History Journal*. 2022;(11):103–109. (In Russ.).
3. Keffer L. The Security Service of Ukraine (SBU) raided the facilities of the Ukrainian Orthodox Church in eight regions. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5721119> (In Russ.).
4. Ilevsky N.V. “Ab ovo” or when did the Second World War begin? *Science. Society. Defence*. 2020;(4):38–38. (In Russ.).
5. Vinogradov M.V., Kretinin G.V. East Prussia under the reign of National Socialists. *Science. Society. Defence*. 2022;(4):27–27. (In Russ.).
6. Kravtsov S. Ukrainian textbooks describe preparations for war with Russia. URL: <https://er.ru/activity/news/sergej-kravcov-v-ukrainskih-uchebnikah-opisana-podgotovka-k-vojne-s-rossiej> (In Russ.).
7. Amelin S.A., Ivochkin D.A., Trapeznikov I.A. Smolensk under occupation. Photo album. St. Petersburg: Historical Illustration; 2015. (In Russ.).
8. Kulakov I.A. Mass murder of the pupils of the Simferopol boarding school in Yeisk in 1942 as a fact of genocide of the Soviet people. *Science. Society. Defence*. 2022;(4):36–36. (In Russ.).
9. Chuykov V.I. From Stalingrad to Berlin. Moscow: Soviet Russia; 1985. (In Russ.).
10. Moskal A. To “Praying” Poroshenko on the outbreak of war in Donbass URL: <https://www.odnarodyna.org/content/molyashchemusya-poroshenko-o-nachale-voyny-v-donbasse>. (In Russ.).
11. Lepeshko E.N. Kuropaty: America’s snake kiss. Minsk: Biznesofset; 2022. (In Russ.).
12. Plotnikov A. Yu. Katyn falsification as an instrument of information warfare. *Science. Society. Defence*. 2020;(4):41–41. (In Russ.).
13. Kornilova O.V. The emergence and formation of “Katyn” as a place of memory: propaganda operation of the Third Reich in 1943. *Science. Society. Defence*. 2021;(3):23–23. (In Russ.).
14. Kornilova O.V. Polish Katyn deniers and “Nuremberg” for Stalin in the anti-Russian policy of Great Britain and the USA. *Science. Society. Defence*. 2022; (3):19–19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Георгиевич Кикнадзе — доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, главный редактор журнала «Наука. Общество. Оборона», Москва, Россия

Vladimir G. Kiknadze — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Editor-in-Chief of the magazine “Science. Society. Defence”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4574-4778>
 KiknadzeVG@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 20.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-98-103
УДК 002Ж (045)

«Темные медиа» в процессах экскоммуникации: концепция Юджина Такера в историческом контексте сектантских практик

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются две современные концепции теории медиа: концепция «экскоммуникации», моделирующая ситуацию невозможности коммуникации, которая, тем не менее, в некоем качестве осуществляется, и концепция «темных медиа», выступающих посредниками в общении или связи с чем-то по определению недоступным. Приводя в пример сектантские практики начала XX в., автор указывает, что в качестве «темных медиа» могут выступать различные медиаторы, в том случае, когда в сообществе сформировалась коммуникационная система, в которой нет источника послания, а есть лишь его получатель.

Ключевые слова: экскоммуникация; медиация; темные медиа; религиозные секты; Юджин Такер

Для цитирования: Трошин А.А. «Темные медиа» в процессах экскоммуникации: концепция Юджина Такера в историческом контексте сектантских практик. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):98-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-98-103

ORIGINAL PAPER

“Dark Media” in Excommunicative Processes: Eugene Tucker’s Concept in the Historical Context of Sectarian Practices

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper discusses the two contemporary media theory concepts: the concept of “excommunication”, which models the situation of impossibility of communication, which nevertheless occurs to some extent in some capacity, and the concept of “dark media”, which mediate communication or connection with something that is inaccessible by definition. Citing the example of sectarian practices of the early twentieth century, the author points out that various mediators can act as the “dark media” when a community has developed a communication system in which the source of the message is absent, and only the recipient of the message is present.

Keywords: excommunication; mediation; dark media; religious sects; Eugene Tucker

For citation: Troshin A.A. “Dark media” in excommunicative processes: Eugene Tucker’s concept in the historical context of sectarian practices. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):98-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-98-103

«**Ж**изнь без коммуникации не представляется выносимой или возможной», — данное утверждение философа Юджина Такера, весьма популярного и в западных университетских кругах, и у российских издателей, не принесло бы ему репутацию мыслителя-новатора, если бы не было связано с концепцией «экскоммуникации», описывающей «невозможность

коммуникации, которую тем не менее необходимо сообщить или иным способом “коммуницировать”» [1, с. 95].

По сути, в феномене экскоммуникации из цепочки «от отправителя к получателю» (коммуникация) выпадает отправитель. Для объяснения возможности этого Такер возвращается к основе основ теории медиа — модели коммуникации 1940-х гг. К. Шеннона и У. Уи-

вера. Согласно ей «источник» и «приемник» соединены каналом связи. Канал одновременно и соединяет две точки, передавая сообщение, и разъединяет их, ибо автономен, что выражается в искажениях и шуме, привносимом им. Но по мере технологического совершенствования автономность канала, как предполагалось, будет нивелироваться. Исходя из этого, вроде как, незатейливого принципа «медиаиндустрии открыли для себя прямолинейную и могущественную идею: все, всегда и везде должно быть связано и доступно», ну а далее инженерными технологиями утвердилась система, в которой «медиа и медиация — это основные способы существования в современных технологизированных культурах» [1, с. 106]. И вот теперь, согласно модным представлениям влиятельных групп исследователей, слабым звеном в этих самых медиа оказывается источник: канал становится самодостаточным, а источник сообщения исчезает. Речь не о том, что в канал проникает «вредитель», который сам становится источником фейков, лжи, клеветы и прочих сообщений такого типа. Просто складывается коммуникационная система, в которой никаких сообщений в принципе быть не может, хотя они там есть.

Александр Р. Гэллоуэй предполагает, что это может произойти в трех случаях, среди которых: обман или наша неспособность понять смысл сообщения (1); растяжимость коммуникации во времени, когда событие уже изменилось, а новость о нем — нет (2); «плоский ассамбляж», вроде «культуры отмены», когда информация, забившая коммуникационные сети, «стирает» несоответствующие ей источники (3). Маккензи Уорк, в свою очередь, делает акцент на техническом совершенствовании коммуникации, которая «столь радикально трансформируется, что обсуждать ее больше нет смысла» [1, с. 98]. Близок к этой позиции и Юджин Такер, описывая как пример экскоммуникации случаи, когда медиа работают «слишком хорошо», фиксируя то, чего не было задумано отправителем. Например, возникший в XIX в. жанр спиритической фотографии, когда пластина, а позже фото-пленка, а позже и видео фиксировали нечто, что принималось за призрак, паранормальную активность и пр.

Принцип таких «коммуникаций», когда вам ничего не отправляли, но вы что-то получили, как видим, прост. Но только если не рассматри-

вать «получателя» как переменную, способную создавать огромное разнообразие социальных систем, все существование которых построено на феномене экскоммуникации и не пытаться разработать технологические приемы создания таких систем по мере необходимости и в заданных параметрах. Причем это не просто очередное упражнение в манипулировании массами. Есть и момент, оправдывающий занятия такой темой, — когда мы моделируем ситуацию контакта с чем-то, что не вписывается в наши представления о коммуникации. Собственно, так у Ю. Такера и возникает понятие «темные медиа». Эти «медиа воплощают фундаментальный парадокс медиации: они выступают посредниками в общении или связи с чем-то по определению недоступным» [1, с. 99].

На семинарских занятиях со студентами мы искали темные медиа вокруг нас. Моим вариантом формирующегося сегодня темного медиа был стационарный телефон в городской квартире. Лично я предпочитаю трубку не брать, особенно в будний день. У меня есть мобильник, социальные сети, электронная почта. Кто может мне звонить по городскому номеру? Только мошенники или соцопросы. Так что у телефона странная функция — своими звонками он напоминает о существовании в мире чистого, беспримесного зла, угрожающего мне... Я никогда не беру трубку.

Здесь очевиден переход в область религиоведения, что, например, Ю. Такера пугает, и отсюда его утверждение, что «темные медиа как концепция включают в себя и технологическое, и теологическое измерения. Но это не означает, что они целиком и полностью «религиозны»» [1, с. 103]. Неполная религиозность темных медиа, по Такеру, состоит в том, что они «не участвуют в медийной репрезентации религии» (1), «не участвуют в медийной практике религиозных общин» (2), не являются современным воплощением «религии-как-медиа» (3). Философское обоснование он ищет в прагматизме Уильяма Джеймса и его концепции «предметов веры», ну и в полемике с Иммануилом Кантом.

Но анализ культурных практик не обязательно должен нуждаться в объяснении их с помощью исторически значимых философских концепций. К тому же авторитет таких концепций отчасти делает эти тексты «говорящими сами за себя», т.е. научной экскоммуникацией, темным медиа сродни теории заговора.

Кстати, есть ситуация «онтологического поворота в антропологии», имеющая уже и в Отечестве нашем и своих сторонников, и своих критиков, есть увлечение поздним К. Леви-Стросом, перешедшем от изучения структур к изучению трансформаций [2]. Возможно, стоит попробовать, вслед за французской социологической мыслью, рассмотреть в рамках концепции экскоммуникации религию как рынок спиритуальных товаров, а первичным религиозным феноменом принять любой эмоционально окрашенный стереотип поведения.

Вернемся все-таки к «онтологическому повороту». Автор термина — Эдуарду Вивейруш де Кастру — полагал, что любая туземная мысль должна пониматься как метафизическая, поскольку озабочена метафизическими проблемами и вселенной. «Метафизика — один из способов жизнедеятельности всех человеческих и, кто знает, возможно, и нечеловеческих существ» [3, с. 70].

Если мы будем искать «туземную метафизичность» применительно к досоветской России, то вынуждены будем говорить о сектах, чья история предоставляет нам множество образов и феномена экскоммуникации, и темных медиа. Причем в развитии и с последствиями. Поскольку секта есть общественная организация, членство в которой ставит человека перед осознаваемым принятием определенного типа социального поведения, то ее в наибольшей степени можно рассматривать как добровольный союз. И будет естественным предположить, что информационная структура общества объективируется именно в таком добровольном союзе.

Структурным компонентом секты являются устойчивые поведенческие формы, закрепленные специфической культурой сект как система принятых обрядов и ритуалов. Эти культурные формы представляют собой упрощенные до однозначности, предвзятые представления, никак не следующие из собственного опыта человека. Целью сектантских обрядов является поддержание интеграции общества через указание объекта насилия как объекта действия, консолидирующего группу. Преследование объекта насилия может осуществляться в сектах не только напрямую, но и опосредованно, при помощи повторяющихся стереотипических действий, в бесконечную вереницу которых погружается человек, теряя

связь с реальностью. Но секты, освобождая от устаревшего поведенческого знания, содержат в себе и формы нового знания. Применительно к отечественной истории ведущей формой социальной структуры, даже в XIX в., должна быть признана секта, а не какие-либо традиционалистские хозяйственные союзы (например, община), ибо они новых знаний в общество не доставляли. Из этого следует утверждение, что особенности характера русского сектантства XIX в. во многом определили последующую социальную конструкцию XX и XXI вв.

Материал по истории сектантства по-прежнему сложен для изучения, и не только из-за того, что недостает письменных текстов декларативного характера, излагающих и обосновывающих государственно-правовые взгляды сектантов. Выстроить взгляды сектантов в систему цельного мировоззрения при помощи изучения их обыденного поведения, «инструктивных текстов» (например, обрядовой поэзии, обучающей исполнению установленных норм социального поведения) и лексики отнюдь не является невыполнимой задачей. Главная трудность состоит в том, что история сектантства чрезмерно фальсифицирована и доверять находящимся в научном обороте источникам можно с большой осторожностью, как и работам о сектантстве XVIII–XX вв. Причем в этом случае еще неизвестно, что точнее — отрывочное свидетельство современника или серьезное исследование специалиста, смотрящего на тему не «лицом к лицу», а «на расстоянии».

С этой позиции возможно переосмыслить социальную историю России XVIII–XX вв. Ведь, по различным данным, в XIX в. ежегодно более половины населения европейской части России было охвачено той или иной формой массовой психопатии (кликшество, массовые отравления спорыньей, «психические эпидемии» и т.д.). А число сектантов, находящихся в Российской империи и связанных с нею территориях¹, еще в середине XIX в. составляло около 5 млн чел., да и эту цифру считали заниженной на порядок [4].

¹ Значительные сообщества сектантов сформировались в соседних с Россией странах. Так, влиятельные скопечские общины действовали в Румынии и Турции, сохраняя при этом теснейшую связь с митрополией. Разрабатывались и политические планы использования сектантских общин как плацдарма революционной активности (деятельность В.И. Кельсиева и др.).

Базисную антропологическую основу успешности государственной политики составляют совместимость и устойчивость систем поведенческих образцов. Но государство само по себе не имеет способов напрямую формировать такие образцы. Оно само от них зависимо. Поэтому что «знание», формирующее эти образцы, приобреталось в России через системы того, что ныне модно обозначать как экскоммуникация. Причем если мы проанализируем историю экскоммуникационных систем, то увидим, что темными медиа могут выступать отнюдь не только фильмы ужасов и литература в жанре «хорор», которые анализирует Ю. Такер, и не пространства интернета, о чем так очевидно рассуждать в связи с этой темой.

Рассмотрим работу профессора Киевского университета святого Владимира И.А. Сикорского «Психопатическая эпидемия 1892 года в Киевской губернии», посвященную так называемой «малёванщине», жертвами которой стали тысячи человек в трех губерниях.

Расстройство общественной жизни проявляется, по И.А. Сикорскому, в двух группах причин: нравственных и физических. К первым относятся:

1. Распространенность в Юго-Западном крае импортированных типов религиозного сектантства протестантского направления (штунда).

2. «Крайне одностороннее направление грамотности», сосредотачивающее внимание народных масс исключительно на религиозных вопросах.

3. «Отсутствие руководства народной жизнью со стороны культурных классов общества».

4. Присутствие среди народных масс «субъектов, страдающих помешательством, особенно параноиков с религиозной манией».

То есть мы видим отсутствие развитой институциональной сети социокультурной коммуникации, работающей по схеме «отправитель-получатель».

К физическим причинам относятся еще два фактора изоляции — психическое вырождение на почве чрезмерно распространенного пьянства и последствия Крымской войны 1853–1856 гг. «Войны, сами по себе и благодаря вызываемому ими вздоржанию жизненных продуктов, отражаются неблагоприятным образом на плодovitости населения и вместе с тем приводят

к рождению более слабосильного поколения в физическом и нервном отношении, что обнаруживается обыкновенно увеличением числа забракованных по болезням и недостаточному развитию при призыве на военную службу» [5].

Материал по истории сектантства по-прежнему сложен для изучения, и не только из-за того, что недостает письменных текстов декларативного характера, излагающих и обосновывающих государственно-правовые взгляды сектантов. Выстроить взгляды сектантов в систему цельного мировоззрения при помощи изучения их обыденного поведения, «инструктивных текстов» (например, обрядовой поэзии, обучающей исполнению установленных норм социального поведения) и лексики отнюдь не является невыполнимой задачей.

На этой почве сложилась следующая картина: «почти все участники движения отличаются расстроенным здоровьем, страдают судорогами и истерическими припадками и в беспримерных размерах подвержены галлюцинациям обоняния» (необыкновенную склонность к галлюцинациям у этих сектантов отмечал и В. М. Бехтерев). Проявление психопатологий и их оформление в виде поведенческой нормы представляло из себя следующую картину: «участники движения резко изменили свой обычный образ жизни, продали большую часть имущества, переведя его на деньги, отказываются от работы и, оставаясь в бездействии, находятся в особенном ненормально-веселом настроении духа в ожидании кончины мира, которая будто бы с минуты на минуту может наступить» [5]. Следствием явилось создание секты экстатического характера. «Сводя во-

едино главнейшие признаки сложного психопатического брожения..., мы видим в нем следующие составные части: 1) эпидемическую истерию; 2) параноическое помешательство; 3) квиэтизм; 4) упадок питания» [5]. И вот этот четвертый пункт нам особенно интересен.

С XIX в. в просвещенном мире абсолютно доминировала монохронная культура, сейчас же ее пытаются заместить полихронной. С этим связана склонность к «частично-религиозному» объяснению реальности, т.е. переходу от рутинной рациональной жизни к иррациональной ритуальной.

Дело в том, что сектанты отказались от всей пищи, кроме сладостей, особенно предпочитая изюм (виноград — значимый символ в христианстве). Потребление изюма, его символика и дарение, передача, укрывательство и прочая логистика и были своеобразным медиа — по сути, единственным медиа коммуникационной основы секты. Изюм был посланником благой вести о том, что Господь вывел их из «Египта труда», тем каналом, по которому они получали сообщение, не имеющее отправителя. И, естественно, физиологически запускавшим механизм галлюцинаций: сладостью пахли небеса, бездействие и благодать. Изюм полностью соответствует описанию Ю. Такером темных медиа: «я обозначаю этот парадокс как темные медиа: это посредничество того, что не может быть опосредовано» [1, с. 99].

Рассмотрение еды как медиа не столь оригинально в теоретическом плане: «Пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и инновациям» [6, с. 10]. Да и функционирование еды как медиа в современных коммуникациях по-прежнему значимо. Не трапезы, а самой еды — ее вкуса, запаха, цвета. Доста-

точно вспомнить историю с импортозамещением «МакДональдса» и волнениями о том, сохранит ли «Вкусно — и точка» тот самый вкус, который описывается в социальных сетях как проводник куда-то или благословение от кого-то. Или пресловутый вкус советского пломбира, связывающий печальников об СССР с мифом собственного детства.

Существуют две схемы восприятия времени: монохронная и полихронная культуры. Для первой типично следование предустановленной схеме, как правило, сельскохозяйственному календарю и задаваемому им ритму. Например: сев, выращивание и сбор урожая, осенние сельскохозяйственные праздники, зимние работы, встреча весны и т.д. При таком ритме четко разделяются дело и эмоциональные контакты. В монохронной культуре доминирует индивидуалистский тип личности, способный осознавать свои нужды и вырабатывать способы их удовлетворения. Он разделяет прошлое, настоящее и будущее, понимает, что время расходуется и его объем, отпущенный на человеческую жизнь, ограничен. Отсюда — особые представления о смысле жизни и необходимости «оставить след».

Для полихронной культуры важным является не следование схеме, а максимальная вовлеченность людей. В ней человек существует одновременно в нескольких референциях времени, совершает там одномоментно несколько дел и не разделяет эмоциональные контакты от рациональной работы. Человек в этой культуре не только склонен заниматься несколькими делами одновременно, но и одно дело, за счет приписываемых ему дополнительных смыслов, воспринимается им как усложненный процесс (например, он не просто метет двор, но одновременно изгоняет бесов, стратегически планирует будущее правильным метением «по феншую», контролирует сохранность утвари, деторождение, крепость семейных уз и т.д.). В полихронной культуре доминируют коллективистские культурные ориентации. Для ее последователей характерно представление о том, что время восстанавливается, они не замечают его течение и, во всяком случае, не отделяют будущее от настоящего. Можно сказать, что для представителей этой культуры времени просто не существует.

С XIX в. в просвещенном мире абсолютно доминировала монохронная культура, сейчас же ее пытаются заместить полихронной. С этим

связана склонность к «частично-религиозному» объяснению реальности, т.е. переходу от рутинной рациональной жизни к иррациональной ритуальной. В этом, собственно, и заключается предмет новомодной концепции экскоммуникации. К сожалению, экскоммуникация и «темные медиа» — это не только для бедных и глупых, это тотальный феномен. Но то, что этот феномен выявлен и описан, уже дает надежду противостоять ему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. Пер. с англ. М.: AdMarginem; 2022. 256 с.
2. Писарев А. А. Темные антропологии и история во тьме: обзор российских интеллектуальных журналов. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2022;6(146):222–229.
3. Скэффиш П., де Кастру Э. В. Метафизика людей экстремодерна. О деколонизации мысли. Интервью. *Логос*. 2022;2(147):65–96.
4. Липранди Н. П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении. Лейпциг: Э. Л. Каспрович; 1883. 84 с.
5. Сикорский И. А. Психопатическая эпидемия 1892 года в Киевской губернии. Киев: Типо-лит. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского; 1893. 46 с.
6. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука; 2001. 293 с.

REFERENCES

1. Galloway A. R., Tucker Eu., Work M. Excommunication. Three essays on media and mediation. Transl. from Eng. Moscow: AdMarginem; 2022. 256 p. (In Russ.).
2. Pisarev A. A. Dark Anthropologies and History in Darkness: A Review of Russian Intellectual Journals. *Untouchable Stock. Debates on Politics and Culture*. 2022;6(146):222–229. (In Russ.).
3. Schaeffisch P., de Castro E. W. Metaphysics of the Extra-Modern People. On the decolonisation of thought. Interview. *Logos*. 2022;2(147):65–96. (In Russ.).
4. Liprandi N. P. A brief survey of the schisms, heresies and sects existing in Russia, both in their religious and political meaning. Leipzig: E. L. Kasprovicz; 1883. 84 p. (In Russ.).
5. Sikorsky I. A. Psychopathic epidemic of 1892 in Kiev province. Kiev: Publisher: The Printing House of the Imperial University of St Vladimir, V. I. Zavadsky; 1893. 46 p. (In Russ.).
6. Arutyunov S. A. Basic food patterns and their local variants among the peoples of Russia. Traditional food as an expression of ethnic self-consciousness. Moscow: Nauka; 2001. 293 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ /ABOUT THE AUTHOR

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey A. Troshin — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

AATroshin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 30.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-104-110
УДК 351/354(045)

Концептуальная модель оптимизации системы территориального управления с применением программных методов в Российской Федерации

Е.С. Конищев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу слабых сторон системы территориального управления в Российской Федерации с применением программных методов. Представлена авторская модель их нивелирования посредством модернизации системы межведомственного взаимодействия, оптимизации инструментов и методов работы с информацией в органах государственной власти, интеграции цифровых технологий в управленческие процессы и расширения каналов коммуникации между властью и обществом. В процессе анализа и разработки концептуальной модели автор использовал методы системного и институционального анализа. Несмотря на труднодоступность определенной информации, касающейся внутренних механизмов функционирования системы территориального управления, в работе выявлены ключевые слабые стороны, ограничивающие эффективность деятельности органов государственной власти, а также определены перспективные пути модернизации с учетом существующих трендов общественного развития. На основе полученных данных разработана концептуальная модель оптимизации системы территориального управления с применением программных методов.

Ключевые слова: территориальное управление; программные методы; цифровизация; регион; стратегическое планирование; информационно-аналитические системы; социальные сети

Для цитирования: Конищев Е.С. Концептуальная модель оптимизации системы территориального управления с применением программных методов в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):104-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-104-110

ORIGINAL PAPER

The Conceptual Model for Optimizing the System of Territorial Administration Using the Programming Methods in the Russian Federation

E.S. Konishchev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the weaknesses of the territorial administration system using programming methods in the Russian Federation and the presentation of author's models for leveling them, by modernizing the system of interdepartmental interaction, optimizing tools and methods for working with information in public authorities, integrating digital technologies into management processes and expanding communication channels between the government and the society. In the process of the analysis and development of conceptual models, the author used the methods of systemic and institutional analysis. Despite the inaccessibility of certain information regarding the internal mechanisms of the functioning of the territorial administration system, the author identified key weaknesses that limit the effectiveness of the activities of public authorities, and he also identified the promising ways of modernization, considering existing trends in social development. Based on the data obtained, the author developed conceptual models for optimizing the system of territorial administration using programming methods.

Keywords: territorial management; programming methods; digitalization; region; strategic planning; information and analytical systems; social networks

For citation: Konishchev E.S. The conceptual model for optimizing the system of territorial administration using the programming methods in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):104-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-104-110

ВВЕДЕНИЕ

Одним из трендов последнего десятилетия является активная цифровизация политического пространства. Этот процесс уже проявляется во всех сферах политической, социальной и экономической жизни [1]. Цифровизация в перспективе позволит оптимизировать работу органов местного управления, наладить взаимосвязь между отдельными ведомствами, расширить возможности контроля, мониторинга и аналитики [2].

Цифровизация программных методов — главная тема настоящей статьи, поскольку именно в этом направлении намечается наиболее значительный качественный сдвиг в модернизации всей системы управления в целом.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Активное внедрение цифровых инструментов имеет значительный потенциал в рамках оптимизации программных методов, а также всей системы территориального управления [3]. Локальные инициативы региональных и местных властей подтверждают тренд на более активную цифровизацию сферы управления на разных уровнях. Одной из наиболее распространенных платформ в данном случае являются социальные сети [4]. Главное их преимущество заключается в возможности использования уже готового сервиса, позволяющего размещать информацию, и в формате комментария или прямого ответа в виде личного сообщения поддерживать связь с населением. При этом данный сервис уже доступен населению, и оно им активно пользуется, что создает ощущение нахождения властей и пользователей в едином пространстве. Важно отметить, что социальные сети — не единственный вариант взаимодействия, и часто — это инициатива региональных или местных властей, а не общепринятая практика.

В настоящее время эффективность решений касательно общих цифровых практик может быть низкой, что обусловлено рядом проблем, связанных с подходом к цифровизации территориального управления (рис. 1).

Важно отметить, что цифровые инструменты, задействованные в системе территориального управления, зачастую никак не взаимосвязаны между собой, поэтому на различных

уровнях власти существует набор разрозненных инструментов без какой-либо интеграции в единую цифровую среду [5]. Кроме того, в подобных условиях и при отсутствии общих стандартов возникают проблемы с качеством функционирования или информационной безопасностью, а также остается нерешенным общий для всех уровней системы территориального управления вопрос открытости власти и растущих запросов населения на участие при принятии решений [6].

Для этого и необходимы официальные цифровые площадки органов исполнительной власти (официальные сайты, порталы и т.д.) и социальные сети [7].

Риски, связанные с информационной безопасностью и сохранностью данных, принадлежащих гражданам, становятся особенно актуальны в условиях текущей геополитической напряженности. В последние месяцы участились случаи кибератак на различные информационные ресурсы Российской Федерации.

Цифровые площадки представляют собой более формальный и официальный способ коммуникации с населением, а социальные сети — неформальный и персонализированный (особенно, если речь идет о личных страницах представителей власти в соцмедиа). Их эффективность обусловлена в первую очередь доступностью для поиска (применительно к официальным сайтам, порталам и т.д.), а также популярностью среди граждан (применительно к социальным сетям). Благодаря этому обеспечивается широкий охват целевых групп без использования значительных человеческих и других ресурсов. Однако даже в этом случае остается проблема отсутствия единой цифровой системы, способствующей оптимизации деятельности представителей органов исполнительной власти.

При этом риски, связанные с информационной безопасностью и сохранностью данных, принадлежащих гражданам, становятся осо-

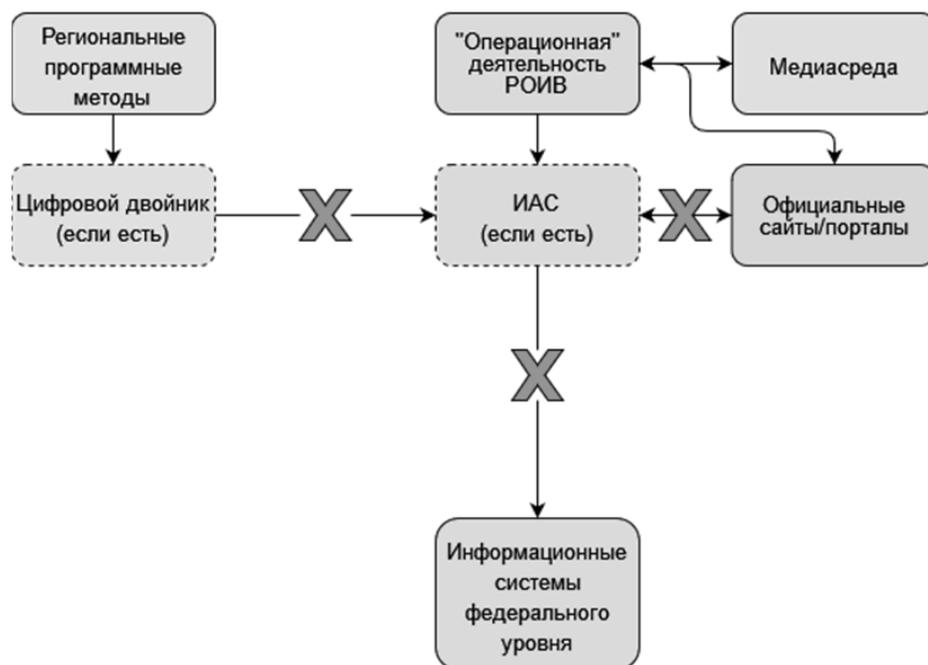

Рис. 1 / Fig. 1. Визуализация связей между цифровыми инструментами в системе территориального управления с применением программных методов / Visualization of the links between digital tools in the system of territorial administration using the programming methods

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: РОИВ – региональные органы исполнительной власти; ИАС – информационно-аналитическая система.

бенно актуальны в условиях текущей геополитической напряженности [8]. В последние месяцы участились случаи кибератак на различные информационные ресурсы Российской Федерации. Например, хакеры получили доступ к персональным данным жителей Бурятии посредством использования уязвимости информационного сервиса на базе «Единой региональной интеграционной платформы аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»»¹. Данное происшествие подтверждает тот факт, что даже распространенные цифровые решения в отдельных регионах могут быть реализованы недостаточно качественно. В свою очередь, для инициативных решений такие риски могут быть выше в силу того, что внедряемая цифровая практика является пилотной для российской системы управления.

Формирование единого вектора развития на федеральном уровне с учетом существующих инструментов и практик позволит: 1) нивелировать минусы уже действующих инициатив

посредством введения стандартов и единых подходов; 2) создать унифицированный набор эффективных цифровых инструментов, готовых для внедрения на различных уровнях власти.

С учетом всего вышесказанного автором была разработана модель цифрового развития системы территориального управления с применением программных методов (рис. 2).

Важно отметить, что несмотря на то, что акцент делается именно на территориальном управлении, автор считает в данном случае наиболее рациональным оперирование понятиями «регион», «региональное управление» и «региональные власти», поскольку разработанное комплексное решение продемонстрирует свою эффективность именно на региональном уровне. Однако оно также остается применимым на муниципальном уровне или уровне макрорегионов, — при этом изменится количество элементов, включаемых в модель.

Рассмотрим кейс с макрорегионом. Так как макрорегион не является административно-территориальной единицей, блоки операционной деятельности РОИВ, ИАС, а также «медиа среда» и «официальные сайты/порталы»

¹ В руки хакеров попали личные данные практически всех жителей Республики Бурятия. URL: <https://www.securitylab.ru/news/530787.php>

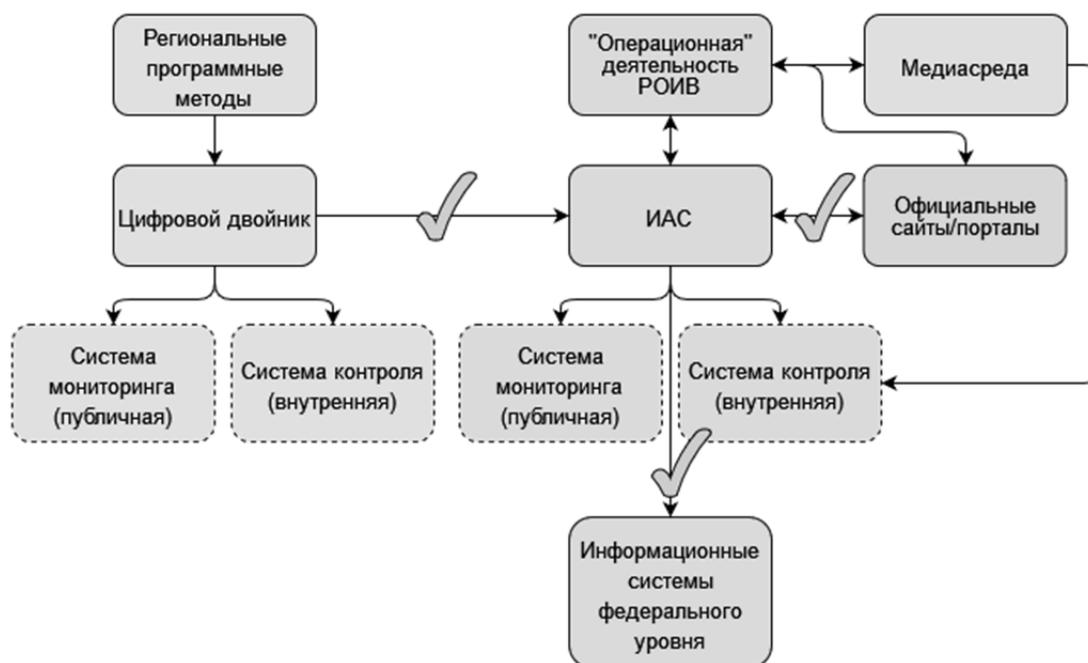

Рис. 2 / Fig. 2. Концептуальная модель развития цифровых инструментов системы территориального управления с применением программных методов / Conceptual model for the development of digital tools for the territorial management system using programming methods

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

будут неактуальны. Соответственно, финальная модель для макрорегиона будет включать программные методы и связанные с ними цифровые двойники, а также их интеграцию в информационные системы федерального уровня, так как изменился и порядок связей между блоками.

Ключевыми особенностями предлагаемой модели является обязательное наличие цифровых двойников при реализации программных методов, а информационно-аналитической системы — систем региональных органов исполнительной власти. Важно уточнить, что в настоящее время цифровые двойники все чаще фигурируют в технических заданиях на разработку стратегических документов в рамках государственного задания, однако их характеристики и функции регламентируются индивидуально заказчиком. Кроме того, наличие у региональной администрации публичной ИАС во многих случаях является инициативой представителей власти, поскольку нормативные документы, регламентирующие ее характеристики и функциональные возможности, отсутствуют. Как уже отмечалось выше, данные обстоятельства приводят к тому, что внедряемые представителями органов исполнительной власти цифровые инструменты часто никак

не соотносятся между собой, не могут быть интегрированы в единую систему (так как такой функционал не был заложен в техническом задании) и способствуют выполнению узкого набора задач. В ряде случаев цифровые двойники и ИАС создаются исключительно для внутреннего использования и не предполагают наличия публичной версии, доступной гражданам, что также ограничивает потенциальную полезность данных инструментов.

С учетом отмеченных выше факторов представляется целесообразным обеспечить также обязательное наличие двух составляющих как для цифровых двойников, так и для ИАС: системы мониторинга и системы контроля. Система мониторинга функционирует публично или имеет публичную версию (с ограниченным набором возможностей) и включает в себя данные по ключевым показателям программного метода (для цифрового двойника) и по деятельности органов исполнительной власти (для информационно-аналитической системы). В свою очередь, система контроля — внутренний элемент, более интегрированный в процессы управления. Ее особенностью является внедрение функциональных возможностей управления и межведомственного взаимодействия для представителей органов исполни-

тельной власти, а также расширенная статистика и аналитика. Иными словами, система контроля может быть охарактеризована как CRM-система с учетом специфики и особенностей политического управления. При этом, как система контроля, так и система мониторинга программных методов, должны быть внедрены в региональную ИАС с целью создания единого удобного интерфейса и сетевой структуры для представителей власти, отвечающих за большое количество процессов.

Применение программных методов получило широкое распространение в системе территориального управления Российской Федерации.

Для их комплексной и полной реализации необходим механизм оперативного учета изменений в экономической и политической сферах. Стоит заметить, что игнорирование изменившихся условий работы может привести к существенным проблемам в процессе реализации, и тогда будет невозможно достичь целевых показателей.

Кроме того, целесообразно предусмотреть возможности интеграции ИАС с официальными сайтами и порталами региона посредством виджетов, на которых будет отображаться актуальная и значимая для граждан статистика и аналитика. Также в систему контроля региональной ИАС должна поступать информация касательно медиасреды региона, включая основные информационные поводы (в СМИ и соцмедиа), масштаб распространения, характер упоминаний ключевых объектов и/или представителей власти, активность пользователей, тональность обсуждений и т. д. Внедрение подобного функционала позволит внутри платформы отслеживать реакцию граждан на действия (или бездействие) властей, а также выявлять потенциальные проблемы в регионе

на ранних этапах. Данное функциональное решение может быть реализовано совместно с Центром управления региона (ЦУР), что поможет сократить затраты ресурсов и повысить стабильность работы (поскольку, по сути, данные в ИАС будут поступать напрямую из системы мониторинга информационной среды, используемой в ЦУР).

Говоря об особенностях реализации рассмотренной выше комплексной модели, важно отметить, что, помимо всего прочего, в текущей геополитической обстановке акцент должен быть сделан на использование российского программного обеспечения (ПО) и современных технологий и алгоритмов защиты данных. Необходимость передовых технологий по защите данных обусловлена взаимосвязанностью элементов: в случае компрометации одного из них может возникнуть риск для всей системы. Кроме того, вводимые экспортные ограничения (особенно в сферах высоких и телекоммуникационных технологий) способны оказать негативное влияние на срок реализации, однако горизонт по созданию такой системы в 3–5 лет может быть вполне достижимым. Дополнительная зона риска для некоторых регионов — нехватка высококвалифицированных IT-специалистов, при этом принимаемые меры поддержки сектора должны нивелировать этот риск и повысить популярность отрасли среди молодых людей [9].

Также в рамках развития тренда на активное использование цифровых технологий в процессах территориального управления представляется целесообразным задействовать институт муниципальных депутатов, обеспечив их интеграцию в информационную среду соответствующего муниципалитета. В последние годы эксперты отмечают определенный кризис представительных органов власти местного уровня в вопросах взаимодействия с населением: фиксируется тенденция к сокращению обращений граждан к муниципальным депутатам и использованию иных каналов коммуникации с представителями власти [10]. Так, включение муниципальных депутатов в процессы цифровой коммуникации и информационное пространство позволит частично нивелировать данную проблему и, вместе с тем, обеспечить большую прозрачность их работы, контроль над выполнением запросов и, в итоге, потенциально повысить

уровень доверия граждан к местным органам власти [11].

В настоящее время концепция активной цифровизации уже реализуется на федеральном уровне [12]. Об этом свидетельствует и появление центров управления регионом, и повышенное внимание к официальным страницам и сайтам представителей власти, и разработка инициативных цифровых решений регионами. Кроме того, 17 мая 2022 г. Государственная Дума в первом чтении приняла законопроект, обязывающий органы власти вести аккаунты в соцсетях. Данное решение служит дополнительным подтверждением повышенного внимания к цифровой трансформации в системе территориального управления среди федеральных властей. Однако, как уже отмечалось выше, единственного решения для всех существующих проблем нет, — оно должно быть комплексным и преследовать цель преобразовать и оптимизировать деятельность многих институтов системы территориального управления,

а также процессы разработки и реализации стратегических документов и программных методов [13].

ВЫВОДЫ

Применение программных методов получило широкое распространение в системе территориального управления Российской Федерации. Для их комплексной и полной реализации необходим механизм оперативного учета изменений в экономической и политической сферах. Стоит заметить, что игнорирование изменившихся условий работы может привести к существенным проблемам в процессе реализации, и тогда будет невозможно достичь целевых показателей.

Также стоит отметить, что активная цифровизация системы территориального управления, в том числе с применением программных методов, — относительно новый тренд в российской политической системе, открывающий большой потенциал для внедрения новых методов и технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манюшиц А.Ю. Территориальное управление. Проблемы реформирования. *Финансы: теория и практика*. 2016;20(5):14–25.
2. Райченко А.В. Декомпозиция социальных проблем цифровизации управления. *Управление*. 2019;7(2):124–132.
3. Плотников В.А., Маслюк А.В. Перспективы цифровизации процессов государственного управления. *Управленческое консультирование*. 2022;(3):87–94.
4. Парфенчик А.А. Использование социальных сетей в государственном управлении. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017;(2):186–200.
5. Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации. *Управленческое консультирование*. 2021;(4):18–26.
6. Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И. Цифровизация публичного управления в странах ЕАЭС. *Цифровая социология*. 2021;(3):27–35.
7. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Цифровизация управления как фактор эффективного взаимодействия государства и общества. *Социология*. 2021;(5):157–164.
8. Щербакова М.П. Цифровизация социального управления. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020;1(49):207–209.
9. Рюмшин С.А. Теоретические аспекты цифровизации в социальном управлении. *Коммуникология*. 2021;(4):53–64.
10. Зотов В.В., Василенко Л.А. Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления. *Управленческое консультирование*. 2021;(5):98–109.
11. Губанов А.В., Зотов В.В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации. *Коммуникология*. 2017;(4):83–92.
12. Берман С.С. Анализ цифровизации государственного управления: региональный контекст. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021;(7):104–111.
13. Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М. Цифровизация государственного управления (сравнительно-правовой анализ). *Образование и право*. 2020;(8):216–223.

REFERENCES

1. Manyushis A. Yu. Territorial administration. Problems of reform. *Finance: theory and practice*. 2016;20(5):14–25. (In Russ.).
2. Raychenko A. V. Decomposition of social problems of management digitalization. *Control*. 2019;7(2):124–132. (In Russ.).
3. Plotnikov V. A., Maslyuk A. V. Prospects for the digitalization of public administration processes. *Management consulting*. 2022;(3):87–94. (In Russ.).
4. Parfenchik A. A. The use of social networks in public administration. *Issues of state and municipal management*. 2017;(2):186–200. (In Russ.).
5. Likhtin A. A. Transformation of public administration in the context of digitalization. *Management consulting*. 2021;(4):18–26. (In Russ.).
6. Sapryka V. A., Pastyuk A. V., Kulakova N. I. Digitalization of public administration in the EAEU (Eurasian Economic Union) countries. *Digital sociology*. 2021;(3):27–35. (In Russ.).
7. Rybakova M. V., Ivanova N. A. Digitization of management as a factor in effective interaction between the state and the society. *Sociology*. 2021;(5):157–164. (In Russ.).
8. Shcherbakova M. P. Digitalization of social management. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;1(49):207–209. (In Russ.).
9. Ryumshin S. A. Theoretical aspects of digitalization in social management. *Communicology*. 2021;(4):53–64. (In Russ.).
10. Zotov V. V., Vasilenko L. A. The impact of digitalization on the transformation of public administration methodology. *Management consulting*. 2021;(5):98–109. (In Russ.).
11. Gubanov A. V., Zotov V. V. Social networks as a new instrument of state and municipal government in the Russian Federation. *Communicology*. 2017;(4):83–92. (In Russ.).
12. Berman S. S. Analysis of digitalization of public administration: regional context. *Regional problems of economic transformation*. 2021;(7):104–111. (In Russ.).
13. Shinkaretskaya G. G., Berman A. M. Digitalization of public administration (comparative legal analysis). *Education and law*. 2020;(8):216–223. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгений Сергеевич Конищев — младший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniy S. Konishchev — Junior Research Associate of the Institute of Regional Economics and Inter-budgetary Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9733-4821>

starinatarrick@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.10.2022; and accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121
УДК 32.019.52(032)

Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, России

АННОТАЦИЯ

Политическое сознание и поведение молодежи — важный индикатор ее внутреннего состояния и воспитательного влияния социальной среды. На каждом этапе исторического развития у молодежи разная степень включенности в политическую жизнь общества, поддержки и ретрансляции его идеалов и ценностей; уровень доверия властным институтам, а также гражданская позиция и политическая активность. Развитие сознания и поведения молодежи отражает политические процессы в стране и мире. В статье динамически (с 2014 по 2022 г.) рассматривается траектория изменения политического сознания и поведения российской молодежи. Данный период характеризуется изменением протекающих в мире геополитических процессов, которые обусловлены борьбой за формирование нового мирового порядка.

Ключевые слова: молодежь; самоидентификация; политическое сознание; политическое поведение; социальные ценности

Для цитирования: Галас М.Л. Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):111-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121

ORIGINAL PAPER

Peculiarities of the Political Consciousness and Behaviour of Russian Youth in a Turbulent World Order**

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The political consciousness and political behavior of young people are important social indicators of their internal state and the educational influence of the social environment and the institution of the family. At each stage of historical development young people have different degrees of involvement in the political life of society, support and retranslation of their ideals and values, the level of trust in the institutions of power, as well as civic position and political activity. The purpose of the analytical paper is to study the evolution of political consciousness and behavior of Russian youth in the conditions of the new social time as it reflects political processes in the country and in the world. To what extent do the cardinal changes in the world order affect the political consciousness and behavior of young people, their value orientations and life plans, social attitudes, trust, and attitude to political institutions? The article dynamically (from 2014 to 2022) examines the trajectory of changes in the political consciousness and behavior of Russian youth. This period is characterized by changes in the geopolitical processes taking place in the world, which are caused by the struggle for the formation of a new world order. These and related questions can be answered primarily by the results of sociological research, as a subtle tool for the understanding and cognition of social reality.

Keywords: youth; self-identification; political consciousness; political behavior; social values

For citation: M.L. Galas. Peculiarities of the political consciousness and behaviour of Russian youth in a turbulent world order. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):111-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Молодежь, численность которой в России составляет 22,2 млн чел., (15,2% населения)¹, является значительной общественной силой. Цель аналитического исследования — изучение особенностей развития политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентного миропорядка.

Автором проанализированы научные и периодические источники, статистические материалы, сделан вторичный анализ результатов социологических исследований, изучена политическая активность молодежи с точки зрения ее социальных интересов; проведена типологизация групп объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование политического сознания и поведения российской молодежи в 2014–2022 гг. Методология статьи основана на принципах социального детерминизма, историзма, позициях ряда частных социологических теорий: социологии молодежи, социологии социальных институтов и организаций, социологии власти.

Политическое сознание в статье рассматривается как система знаний, идей, ценностей и отношения личности или группы к протекающим в обществе социальным процессам, социальным институтам и организациям, а также к политическим лидерам, идеям и ценностям общества. Политическое поведение отражает степень политической активности молодежи, а его ведущим детерминирующим фактором является политическая ситуация, характерная для конкретного социального времени.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРЕДМЕТА

Систематика научных подходов к изучению предмета позволяет выделить из них четыре основных: социологический, политологический, социально-психологический и педагогический. Наибольший интерес для представленного анализа имеют социологический и политологический подходы, причем с позиций как отечественных, так и зарубежных ученых.

В исследовательском проекте «Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики» Государственного университета управления рас-

сматривались вопросы реализации Плана государственной молодежной политики на период до 2025 г., сразу после его принятия в 2016 г. [1]. Авторы проанализировали, в том числе, сотрудничество молодежи с общественными организациями и движениями; формирование национальной идентичности, ценностные ориентиры, страхи и тревоги молодых людей, их политическую активность.

В 2019 г. авторский коллектив «Левада-Центра» изучал политическое сознание и политическую активность молодежи [2] в рамках международного проекта Фонда Ф. Эберта. Исследователи рассмотрели также вопрос о том, что молодежь думает о роли России в мире, ее взаимоотношениях с Европой, о дружественных и недружественных странах.

Влияние социального и экономического развития страны на сознание и социальные установки молодежи изучалось А. Н. Тимоховичем в ходе исследования приоритетов социально-экономического развития России². В частности, автор поставил задачу проведения социологической диагностики возможных моделей поведения молодежи в случае неблагоприятных для общества потрясений.

На примере Московского региона изучалась проблема самоидентификации молодежи. Как показывает социологическая практика, региональная специфика проявляется в разных социальных показателях [3].

Эмоциональный аспект отношения молодежи к политике и политической дельности рассматривался на примере Дальнего Востока. Был проведен анализ связи эмоций с политическим интересом [4]. Ранжир эмоций показал, что интерес к политике может являться в определенной степени социальной нормой.

В региональных исследованиях ставится вопрос о правильном выборе жизненных установок, содействующих социальной безопасности молодежи [5]. В рамках исследования ценностных ориентаций и жизненных целей молодежи Республики Башкортостан проработаны факторы реализации молодежью своих жизненных планов.

Компаративистское международное социологическое исследование на тему ценностных

¹ Распределение населения по возрастным группам (на 1 января). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Форсайт-исследование приоритетов социально-экономического развития России. Сборник трудов по итогам IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина». М.: ВЦИОМ; 2014.

ориентаций молодежи России и Казахстана было проведено под руководством заместителя директора по научной работе ИСПИ РАН, профессора Т.К. Ростовской и директора казахстанского научно-исследовательского центра «Молодежь» Т.Б. Калиева [6]. В России опрос проводился в 5 субъектах Центрального, Сибирского и Уральского округов, а в Республике Казахстан — в 14 областях, Астане и Алматы. Исследователи разделили ценностные ориентиры молодежи России и Казахстана на две группы: традиционные и постиндустриальные.

С точки зрения личной конкурентоспособности исследовалась самореализация молодежи Ишима, Тюмени, Тобольска. Эмпирическую базу исследования составили анкетные данные молодых работников и результаты по фокус-группам молодых предпринимателей и заинтересованных в предпринимательской деятельности студентов [7].

По результатам опроса молодежи Пермского края исследователи выявили положительную динамику уровня модернизации культуры личности: с увеличением возраста он прямо коррелирует с динамикой генерализованного доверия [8].

Изучение возрастного состава законодательных органов власти позволяет определить степень политического участия молодежи [9]. Одновременно исследуется партийность, социальный статус и виды деятельности молодых людей.

Зарубежные авторы интересуются политической активностью молодежи, реализуемой в социальных сетях.

Политическое неравенство молодежи на основе социально-экономического статуса, по наблюдению исследователей, в социальных сетях сохраняется, но, по сравнению офлайн-формами участия, выражено неярко [10].

Ряд зарубежных исследователей считают, что можно определить факторы влияния на политическую и гражданскую активность молодых людей. Изучаются факторы микро-, мезо- и макроуровней. Первые включают в себя политический интерес, эффективность, идеологию, ценности и идентичность; вторые — семью, школу, сверстников и соседей; а третьи — политико-культурные, экономические, правовые и институциональные аспекты [11].

Ученые из Великобритании считают молодежь своей страны уязвимой с точки зрения

возможности выражения своих политических предпочтений в СМИ и интернете [12].

АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В 2017 г. не более 3% респондентов подтвердили свое членство в политических партиях или молодежных политических организациях. Половина участников опроса ответили, что не желают вступать в политические организации и партии. О стремлении туда вступить высказался каждый пятый, причем не всегда респонденты могли назвать конкретную политическую структуру, членом которой хотели бы стать, а указывали только направление ее деятельности. Почти треть затруднились ответить на заданный вопрос. Возможно, такая неопределенность объясняется недостаточной информированностью респондентов о политических партиях и организациях и видах их деятельности [1].

В 2017 г. большинство молодых людей были интегрированы в общественную жизнь, позитивно оценивали свои жизненные перспективы, доверяли институтам государства и поддерживали основные направления его деятельности. Лишь пятой части респондентов все это было несвойственно, и они не видели перспектив в будущем.

В 2018 г. более 60% молодежи России считало необходимым участвовать в политической жизни. Преимущественно это были люди в возрасте до 24 лет — в основном учащиеся, задействованные в мероприятиях, организованных вузами, государственными структурами и общественными организациями. Те, кому было от 24 до 29 лет, профессионально занятые, заботящиеся о семье и решающие бытовые вопросы, ответили отрицательно или затруднились с ответом. Среди россиян молодого возраста престижной назвали политическую деятельность респонденты со средним профессиональным и техническим образованием. Кроме того, респонденты с высшим образованием и незаконченным высшим образованием высоко оценили участие в деятельности общественных движений и партий. Наиболее популярна такая деятельность среди россиян. Молодежь России на 18% выше оценила участие в митингах, демонстрациях (преимущественно респонденты с общим средним и неполным средним образованием). Молодые люди считают

политическую деятельность целесообразной в качестве протеста против действий властей и ответа на неблагоприятную ситуацию. Половина российских респондентов предпочли восстанавливать свои права в судебном порядке.

В целом, молодое поколение не заинтересовано в политической деятельности. 60% российских респондентов в возрасте 14–29 лет политика не интересна. Но в то же время о важности участия в политической жизни высказались 66% опрошенных. Такие установки, общественно одобряемые, свойственны, главным образом, учащейся молодежи до 24 лет (67%), которая участвует в мероприятиях, организованных учебными учреждениями, а также государственными и общественными структурами.

Престижным участие в политической деятельности сочли 56% респондентов. Почти четверть россиян ответили, что политическая деятельность не престижна, столько же затруднились ответить на этот вопрос. Непрестижной политическую деятельность более склонны считать респонденты со средним техническим и профессиональным образованием (62%), а среди имеющих высшее и незаконченное высшее образование таких только 21%.

Преимущественными формами участия в политической жизни российская молодежь назвала участие в выборах (43%) и деятельность политических партий (32%). Четверть российской молодежи поддержала такие формы политической деятельности, как участие в митингах, демонстрациях и иных протестных действиях.

К протестным акциям склонны более молодые люди с общим средним, и неполным средним образованием (31% российских респондентов и 11% казахстанских). Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием предпочитают участие в деятельности политических партий и общественных движений (37% российских респондентов).

14% опрошенных ответили, что участвуют и намерены продолжить участвовать в работе общественных движений и политических партий. Не принимали участие в политической деятельности и не намерены участвовать в общественных движениях и политических партиях 52% российской молодежи.

Целью участия в политической деятельности для российских респондентов являлось стремление к изменению общества (46%). То, что участие в общественной и политической

деятельности способствует более престижному и достойному трудоустройству, сочли 29% опрошенных.

Треть российских респондентов готовы были поддержать публичную протестную акцию в случае недовольства действиями властей.

Не готовы к протестным акциям по какой-либо причине 18% опрошенных. Основаниями для участия в публичной протестной акции были названы: халатность и низкий профессионализм медицинских работников (24%), несвоевременная выплата зарплаты и стипендий (18%), сокращение или увольнение с работы (18%), низкое качество образовательных услуг (12%), проблемы в вузе, школе и пр. (8%), повышение выплат по кредитам или ипотеке (8%), ухудшение экологической ситуации (15%), несогласие с принимаемыми реформами (20%), нарушение прав на этнической почве (5%), проблемы жилищного характера (9%) и рост цен на товары первой необходимости (15%).

В случае нарушения прав и интересов более половины респондентов намерены обратиться к представителям государственной власти (28%). Около 20% респондентов в выборе средств политического воздействия на решения органов власти и для защиты своих прав готовы к участию в активных протестных акциях. К формам защиты прав и интересов молодежь относилась также: объявление голодовки (2%), участие в мирной демонстрации (17%), участие в перекрытии дорог (6%), обращение в СМИ (20%), обращение к партиям (9%), распространение листовок и прокламаций (4%).

К публичным радикальным действиям больше готовы молодые люди со средним общим и неполным средним образованием (19%). К мирным формам протеста склонны респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием (54 и 56%) [6].

Согласно исследованию 2019 г. у молодежи не было ярко выраженного интереса к политике (19% респондентов ответили, что политика им интересна). Но лишь 2,6% респондентов признались, что не интересовались политикой. Равнодушна к внутренней политике России половина респондентов, а около 75% не интересовались политической ситуацией в США, Европе и на Украине. Основное внимание молодых людей сосредоточено на повседневных проблемах, а также на федеральных и региональных вопросах (до 65%) [2].

Проявилась разница в оценке политичности в зависимости от уровня обеспеченности: малообеспеченные респонденты больше вовлечены в политические события, чем люди с высокими доходами (26 и 20% соответственно). Молодежь столицы проявляла бóльшую политическую активность по сравнению с жителями регионов (24 и 19% соответственно).

Российская молодежь в целом разделяет политические взгляды и идеи старшего поколения, прежде всего родителей (36% респондентов), а у 40% — незначительные/непринципиальные различия. Однако 25% молодежи признались в существенном отличии их оценки политических событий от родительской. Исследование показало корреляцию показателя различности взглядов детей и родителей с имущественным положением семьи. В группе малообеспеченных 31% респондентов отметили расхождение во взглядах с родителями (против 19% респондентов из высокодоходных семей). Различия проявляются и в зависимости от места проживания респондентов: у московской молодежи — бóльшее единство с убеждениями родителей (46%), а у жителей средних и малых городов финансово зависимых регионов этот показатель составляет 28%.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМПАТИИ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Наиболее популярны у молодежи 18–20 лет идеи социал-демократов (в среднем 28%; среди респондентов с высшим образованием — 31%, со средним достатком — 30%). Националистов поддерживают в среднем 16% респондентов, чуть выше их популярность у молодых людей с неоконченным средним образованием (20%); в возрасте 14–17 лет — 18%; среди малообеспеченных — 20%. Либеральные идеи поддержали 12% респондентов, выше показатель у респондентов с высшим образованием — 16%, в возрасте 18–24 лет — 15%, у жителей Москвы — 26% и больших городов — 18%. Коммунистов поддерживают примерно столько же опрошенных — 11%; выше оценки у респондентов в возрасте 21–24 лет — 14%, малоимущих — 13%, жителей сельской местности — 17%. Идеи аграрников разделяют 4% респондентов, из малоимущих категорий — 6%.

С наблюдением о разделении молодежью взглядов старшего поколения коррелирует

тот факт, что основу политических и идеологических взглядов молодых людей составили представления советского периода нашего государства. Сторонников «режима жесткой руки» (авторитаризма) среди молодежи не много — 6%. Таким образом, интенсивных сдвигов во взглядах молодежи не замечено.

Диагностировано расхождение между признанием молодежью формальных постулатов и непосредственным участием в политической жизни. Например, 57% респондентов согласны, что голосование на выборах — гражданский долг, но в предшествующих исследованию выборах в Госдуму 2016 г. участвовало 30% молодых избирателей. Старшая группа молодежи (25–30 лет) — активнее: доля голосовавших среди них составила 1,2%, в то время, как среди 21–24-летних — 0,7%, 18–20-летних — 0,6%.

Готовность участвовать в политической деятельности выразили 64%, 7% ответили, что с удовольствием примут участие, а 1%, что уже принимали участие.

Более 75% респондентов на момент исследования не занимались общественной деятельностью. Тем не менее четверть участвовали в волонтерском движении, около четверти присоединялись к коллективным обращениям к органам власти и общественности (преимущественно в онлайн-режиме и в связи с проблемами окружающей среды, конкретных прав человека; помощи нуждающимся и больным, пострадавшим от стихийных бедствий и вирусных эпидемий и т.п.). Молодежь поддерживала общероссийские патриотические, социальные и политические мероприятия, в том числе инициированные властными институтами, например акции «Бессмертный полк», мероприятия, организованные движениями «Наши», «Молодая гвардия». Активность в организации волонтерских проектов проявляют школы и вузы (52% от всех участников), четверть респондентов с опытом подобной деятельности принимала участие в волонтерских акциях молодежных организаций.

Вопрос протестного поведения показателен на примере отдельных регионов. В 2021 г. молодежь Дальнего Востока была готова преимущественно к мирному протесту [4]. Отмечалось возрастание негативных эмоций в отношении политики государства: гнев, презрение, отвращение, которые коррелируются с крайними (активными) формами протеста и взаимосвя-

заны с положительной эмоцией — надеждой. Абсолютное большинство респондентов (82%) ответили, что не участвуют в политике, а 19% подтвердили свою причастность к политической деятельности. Коррелируются интерес к политике и активность участия в политической деятельности. Формы участия в политике ранжированы по семибалльной шкале: осуждение политики и разговоры на политические темы (3 балла), голосование на выборах в федеральные органы (2,5), голосование на выборах в местные и региональные органы власти (2,3), участие в молодежном движении (2), участие в деятельности политических партий (1,5), проведение избирательной компании (1,5).

Формы протестного поведения распределились следующим образом: подписание коллективных протестных обращений и петиций (3,3 балла), тематические концерты, флеш-мобы, выставки (3,2), разрешенные протестные акции — митинги, демонстрации, пикеты (3,1), открытая критика власти в СМИ, интернете и агитация против органов власти (2,8), массовый ненасильственный протест против власти и призыв к мирной смене власти (2,7), забастовки (2,3), перекрытие дорог и занятие зданий (2,25), несанкционированные акции протеста — митинги, демонстрации и пикеты (2,15), восстание — спланированное массовое выступление против действующей власти с целью ее свержения (2,1), бунт — насильственная стихийная акция протеста против власти (2,1).

По итогам ранжирования стало очевидно, что молодежь более заинтересована в мирном легитимном решении политических вопросов, не готова к активным деструктивным формам протеста и надеется на благополучное развитие политической ситуации.

Декларируемое политическое участие и интерес к политике коррелировали с радикальным протестом, что предупреждает о риске вовлечения политически активных молодых людей в деструктивную протестную деятельность. Интерес к политике незначительно коррелирует с отрицательными эмоциями, таким образом, он рассматривается молодежью как социальная норма.

Анализ латентной структуры предрасположенности молодежи Дальнего Востока к тем или иным формам протестного поведения выявил обе формы протеста — умеренную и радикальную, с которыми связана эмоция разочарования.

Умеренный протест связан одновременно с интересом, т.е. негативная эмоция разочарования активизирует интерес к протестному участию. Так как обе формы сопряжены как с положительными, так и с отрицательными эмоциями, это позволяет предположить потенциальную готовность протестному действию, но — конструктивного характера.

ИНДЕКСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ У МОЛОДЕЖИ

Если судить по исследованиям 2019 г. [2], индекс доверия у молодежи выше, чем у других групп населения. Показатели обобщенного (институционального) доверия у юношества 14–17 лет выше по сравнению со старшими группами молодежи. В процессе жизни у молодежи формируется опыт недоверия, обусловленный трудностями усвоения формальных практик и общих регулятивных норм. В целом, индекс доверия молодых респондентов членам семьи и близким — высокий — 47%, представителям другой национальности — низкий — 0,8%, другой религии — 0,6%, людям иных политических взглядов — 0,4%, политическим лидерам — 0,1%.

По замерам исследователей «Левада-Центра», в 2019 г. индекс доверия молодежи Президенту — составил 20% (при недоверии 17%), армии — 21% (при недоверии 16%), волонтерским движениям — 19% (при недоверии 11%), Церкви и религиозным учреждениям — 17% (при недоверии 26%), полиции и судам — по 11% каждому институту (при недоверии 20 и 19%, соответственно), банкам — 10% (при недоверии 17%), СМИ — 9% (при недоверии 21%), Госдуме — 8% (при недоверии 27%), общественным организациям и местной власти — по 7% (при недоверии 16 и 24%), политическим партиям и профсоюзам — по 5% (при недоверии 26 и 22%), ЕС, ООН и МВФ — по 5% (при недоверии 25, 27 и 27%), НАТО — 4% (при недоверии 37%), ОБСЕ — 3% (при недоверии 27%).

Институциональное доверие молодежи выше в малых городах и сельской местности и снижается по мере роста масштабов города; наиболее низкий показатель — в Москве. Так, доверие Президенту в рассматриваемом разрезе составило соответственно 46 и 36%, а недоверие — 26 и 38%; доверие Госдуме — 28 и 16%, недоверие — 41 и 59%; доверие правительству — 30 и 20%, недоверие 39 и 57%.

Среди молодежи проявилась тенденция к доверию сильному лидеру — главе государства (65% респондентов) и предпочтению «диктатуры» демократии (40%) при определенных обстоятельствах (каких именно — анкета не уточняет, что говорит о некорректности вопроса и приводит к неоднозначному его пониманию респондентами). При этом демократии как форме правления симпатизировало 47% опрошенных. Получено значительное число индифферентных суждений респондентов относительно преимуществ демократии и диктатуры — 38%. Силовые методы в политике отрицательно охарактеризовали 71% респондентов, но почти четверть опрошенных заняли неопределенную позицию по этому вопросу. В целом, вопросы сформулированы весьма некорректно и сложны для понимания молодежи, которая не имеет большого опыта в политической деятельности и не интересуется политикой активно. Таким образом, на примере результатов исследования «Левада-Центра» прослеживается доверие молодежи сильному лидеру, заботящемуся об общем благе, что не противоречит демократическому политическому режиму, а также сильной и патриотичной партии, действующей в интересах людей. От правительства респонденты ожидали обеспечения жизненных благ без применения силовых методов регулирования. Такое явление исследователи назвали государственным патернализмом.

В иерархии правительственных задач выделены: гарантия прав и свобод человека (80%), сохранение окружающей среды (76%), экономический рост и развитие (70%), сокращение безработицы (73%), социальная справедливость и социальная защита для всех (67%), улучшение положения молодежи (57%), национальной безопасности и усиление военной мощи страны (56%), борьба с нелегальной иммиграцией (51%), стимулирование роста населения (49%), укрепление национального самосознания (44%). Около четверти респондентов позитивно охарактеризовали институт собственности государства в сферах промышленности и бизнеса. Треть респондентов — сторонников свободной рыночной экономики — высказали мнение о вредоносности конкуренции; такое же мнение было у 40% сторонников государственной экономики. Соответственно, позиции «рыночников» неопределенны и довольно слабы.

Что касается доверия своей Родине, то половина респондентов убеждены в усилении роли России на мировой арене (85%). Гордость за свою страну испытывают 69% респондентов, противоположное чувство по отношению к Родине — 10% опрошенных, 1% затруднились дать однозначный ответ. В малых городах и сельской местности количество тех, кто гордится своей страной, выше по сравнению со средним показателем и составляет 74 и 80%, а также по сравнению с московскими респондентами (61%).

При характеристике положения дел стран ЕС респонденты испытывали затруднение с ответом (от 18 до 25% — в зависимости от вопроса). Немногим выше респонденты оценили уровень свободы в странах ЕС по сравнению с Россией по 5-балльной шкале (3,8 и 3,0), заметно выше показатели экономического благосостояния граждан (2,79 и 3,75), занятость и работа (2,75 и 3,64), равенство (2,86 и 3,62), права человека (3,02 и 3,72), безопасность (3,1 и 3,47), демократия (2,94 и 3,45), верховенство права (2,93 и 3,45). Последний показатель вызвал наибольшее затруднение в ответе вследствие непонимания того, в чем состоит верховенство права.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

По исследованиям 2019 г., молодые люди из России высоко оценили свою национальную и региональную идентичность (86% по каждому показателю, а юношество — от 14 до 17 лет — 58 и 45% соответственно). Половина респондентов сочли себя гражданами мира, а 19% — европейцами.

Рожденные после 2000-х гг. молодые люди не связывают национальную идентичность с этнической принадлежностью (среди респондентов 14–17 лет — 47%, не согласны 31%). Мнения молодежи от 18 до 24 лет по этому вопросу не существенно отличаются — 43% (не согласны 33%). У молодых людей 25–29 лет — незначительный разрыв между надэтничностью и этничностью — 37 и 36% соответственно.

В 2019 г. половина респондентов были не заинтересованы в эмиграции, обучении или работе за границей и не намерены выезжать туда более чем на полгода. Четверть опрошенных не исключили выезд из страны в целях учебы или работы, но охарактеризовали такое желание как умеренное. Не более 16% молодых людей «сильно» или «очень сильно» желали бы

выехать из страны в вышеназванных целях. Более склонны к таким намерениям молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (18%). Причинами желаемого выезда за рубеж респонденты назвали: повышение жизненного уровня (37%), более высокую оплату труда (18%). Но, скорее всего, в основе такого желания юных респондентов, прежде всего, тинэйджеров, — утопические представления о западном образе жизни как мире реализации амбиций, удовлетворения материальных желаний и потребностей.

Более четверти респондентов (27%) группы от 18 до 24 лет в качестве мотивационной причины указали стабильность (социальную и политическую) жизни в западных странах, а четверть — более качественное образование. В пятерку наиболее желаемых для эмиграции стран входят: США (39%), ФРГ (38%), Франция (33%), Италия (30%), Великобритания (20%).

После 2014 г. молодые люди стали считать недружественными и враждебно настроенными США (67%) и Украину (40%). Иными, по отношению к России, — Германию (20%), Великобританию (38%). Тем не менее наиболее экономически стабильные в тот период страны ЕС и США оставались привлекательными для молодых россиян, желающих переехать за рубеж в поисках лучшего материального благосостояния. Это говорит об ориентации молодежи на высокий материальный уровень жизни и стандарты комфорта развитых стран того времени — 2014–2019-х гг.

Молодежь в 2019 г. отметила конфронтацию в отношениях России и ЕС (64%), такое мнение бытовало больше среди московских респондентов (73%). Данное положение дел молодые люди не считали фатальным. Более половины опрошенных надеялись на восстановление дружественных отношений (среди москвичей 14–20 лет — 62%). Однако респонденты в возрасте 25–29 лет были менее уверены в нормализации российско-европейских отношений — 40%. Основной причиной конфронтации опрошенные сочли антироссийскую политику США (около 50%). Ряд респондентов фактором конфронтации назвали агрессию НАТО (15%, среди москвичей — 24%). Четверть виновной в конфронтации считали Европу, а 15% — российскую политику (среди москвичей — 35%). Напряженность российско-европейских отношений тревожила треть респондентов, среди молодежи с высшим образованием — более 46%

(46% не волновала данная проблема). Половина респондентов полагали, что конфликт с Европой не создаст серьезных трудностей для России и не требует серьезных уступок с нашей стороны, в том числе в отношении Крыма. Около 70% опрошенных были противниками возвращения Крыма Украине с целью снятия антироссийских санкций, противоположного мнения придерживались 22% (среди москвичей — 31%). Если говорить о корреляции с уровнем материальной обеспеченности, за возвращение Крыма в обмен на прекращение санкций высказались 29% малообеспеченной молодежи. Более половины респондентов отрицательно отнеслись к прекращению поддержки Донбасса.

По данным ВЦИОМ, в 2021 г. у российской молодежи от 18 до 24 лет (соответственно 66 и 74% опрошенных) и 25–34 лет (73 и 80%) не было цели попасть в социальную элиту и иметь доступ к власти. Основными жизненными ориентирами для нее являлись: возможность заниматься любимым делом (по 98% для групп в возрасте от 18 до 24 лет и в возрасте от 25 до 34 лет), карьера (94 и 86% соответственно), получение хорошего образования (98 и 89%), уважение в обществе и признание коллег по работе (92 и 84%), семейное счастье и хорошее воспитание детей (90 и 98%), интересная работа (96 и 98%), надежные друзья (92 и 95%) и полезные связи и знакомства (93 и 80%). Среди факторов успеха молодежь не считает важным: участие в деятельности общественных организаций и волонтерство (85 и 84%), государственные программы, направленные на самореализацию индивида (87 и 85%), участие в деятельности политических организаций (98 и 94%). Главные препятствия на пути к успеху, по мнению молодых людей: административные препоны (45 и 54%); бюрократия, коррупция, плохие экономические условия, бедность (37 и 39%); собственная неактивность (48 и 34%)³.

Что касается позиции молодежи относительно национально-государственной самоидентификации в 2022 г., в Московском регионе 43,5% молодежи ощущают себя россиянами, 26,3% — людьми «русской культуры», 25,7% предпочли идентификацию «человек мира».

³ ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/210302_Molodezh_i_molodezhnaja_politika_VVF_Senezh.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

Второй блок идентифицирующих признаков иной — его можно назвать «прозападным» — 20% респондентов ощущают себя людьми «западной культуры», 5% относят себя к восточной культуре. Как ни странно, 2,5% респондентов считают себя «кем-то другим».

Приведем мнение респондентов о факторах, особенно осложняющих жизнь молодых людей и их семей в настоящее время. Следует отметить, что названы материальные факторы: низкие доходы, недостаточность денежных средств — 55% среди считающих себя россиянами и 63% причисливших себя к «западной культуре»; отсутствие нормальной работы — 21 и 26% соответственно; трудности в получении медицинской помощи, высокая стоимость лекарственных средств — 34 и 39%; невозможность получить хорошее образование — 32 и 31%; отсутствие карьерного роста и перспектив в жизни — 25 и 37%; сложности с выплатой кредитов — 19 и 31%. Не были выделены факторы, связанные с геополитической ситуацией, СВО, безопасностью. В большей степени тревогу относительно материального и социального благополучия испытывали респонденты, причислившие себя к «западной культуре», среди них преимущественно молодые люди с высоким материальным достатком, социальным потенциалом, имевшие возможность систематически выезжать за рубеж, а также проживавшие или обучавшиеся за границей.

ВЫВОДЫ

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) российская молодежь незначительно интересуется политикой и относится к ней в целом отрицательно;
- 2) большинство опрошенных не обнаруживают готовности к протесту;
- 3) существует связь декларируемого политического участия с «радикальным протестом».

Результаты социологических исследований показали, что для молодежи первостепенны материальные ценности, дружба, семья и дети. Среди главных социальных ценностей — престижная работа, материальный успех и хорошее образование.

Таким образом, ценностная сфера молодежи России сочетает духовную традиционность и материальную постиндустриальность. С одной стороны, в социуме присутствуют западные,

леволиберальные, а с другой — сохраняются традиционные взгляды на ключевые сферы жизни общества.

Генерализованное доверие молодежи не изменяется в зависимости от возраста, но личное доверие увеличивается по мере смены поколений. Установлена разнонаправленность динамики группового и институционального доверия.

Представления о молодежной политике — нечеткие, политическая картина — фрагментарная.

Необходима базовая политическая идея, объединяющая молодежь, плотно и широко транслируемая доступным языком и эмоционально подкрепленная посредством информационных ресурсов интернета и СМИ, образовательных и культурно-просветительных проектов.

В этой связи рекомендовано расширять взаимодействие с молодежью, комплексно вести воспитательную работу, обеспечивать молодежные мероприятия и политику необходимыми ресурсами (финансовыми, материальными, культурными, кадровыми, институциональными, образовательными, законодательными, экономическими и др.). Важно сформировать систему органов исполнительной власти, решающих вопросы молодежной политики, взаимодействующую с общественными организациями и движениями, реализующими интересы молодежи; проводить мероприятия, направленные на поддержку здоровья молодых людей, их нравственное и патриотическое воспитание, самореализацию, трудоустройство, образование и т. п.

Российское государство для достижения общественного консенсуса нацелено на развитие взаимодействия государственных органов власти и структур гражданского общества, в целях чего законодательно и институционально создает условия подконтрольности обществу деятельности государственных служащих.

Регионы могут задействовать инструмент саморегуляции гражданского общества, что позволяет последним согласовывать интересы различных страт молодежи с учетом социальных, политических и экономических реалий.

Молодежная политика в России имеет ряд недостатков, среди которых:

- Избирательность — направленность на социально активную молодежь, преимущественно студенческую; при этом вне рамок не-

формальных институтов политической самоидентификации российской молодежи остаются большие группы молодых людей, в том числе работающих.

- Недостаточная информированность молодежи о проектах, грантах, конкурсах и иных потенциальных возможностях самореализации, предлагаемых общественными молодежными организациями и формальными структурами, решающими вопросы молодежной политики.

- Неопределенность системы индикации результативности проектов и мер молодежной политики.

- Различия в задачах государственной молодежной политики и запросов молодежи для самоидентификации. Для государства главными задачи молодежной политики являются: содействие будущему устойчивому развитию страны; патриотическое воспитание; вовлечение

в политическую деятельность и решение государственных задач; воспитание социальной и политической лояльности; подготовка высокопрофессиональных управленческих кадров. Молодежь нуждается в создании условий для самоопределения (преимущественно профессионального), равных возможностей для доступа к качественному и доступному образованию; помощи в трудоустройстве и упреждении миграции; обеспечении благоприятной социальной среды жизни (доступность жилья, ипотечные преференции, комфортная инфраструктура, базовые условия для воспитания детей, др.); вовлечении в общественную и политическую сферы жизни посредством доступных и дифференцированных программ и проектов, курсов и грантов, развития лидерских качеств и управленческих компетенций; образовательных программах для самореализации и карьерного роста, повышения социального статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуев С. В., ред. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. Монография. М.: Издательский дом ГУУ; 2017. 131 с.
2. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления. *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2020;1–2(130):21–121.
3. Великая Н. М., Дорошина А. В. Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования будущего России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022;22(1):31–38.
4. Капцевич О. А., Марин Е. Б., Осмачко Н. В. Психологические аспекты политического участия и протестной готовности молодежи Приморского края. *Психолог*. 2021;(1):23–34.
5. Гайфуллин А. Ю. Ценностные ориентации и жизненные цели современной молодежи Республики Башкортостан. *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2022;1(9):120–127.
6. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М.: РУСАЙНС; 2019. 228 с.
7. Шафранов-Куцев Г. Ф., Черкашов Е. М. Ориентированность молодежи на конкуренцию и предпринимательство. *Социологические исследования*. 2020;(4):117–123.
8. Бурко В. А., Вассерман Ю. М. Синдром и доверие как факторы диспозиционной структуры: взаимосвязь в аспекте межпоколенческих особенностей. *Социологические исследования*. 2022;(3):52–63.
9. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Молодые депутаты в парламенте. *Социологические исследования*. 2022;(2):45–56.
10. Lane D., Thorson K., Yu Xu. Uninterested and unequal?: examining SES-based gaps in youth political behavior on social media. *Information, Communication & Society*. 2021;(4):1–19.
11. Chrysochoou X., Barrett M. Civic and political engagement in youth findings and prospects. *Zeitschrift fur psychologie-journal of psychology*. 2017;225(4):291–301.
12. Mejias S., Banaji Sh. Backed into a corner: challenging media and policy representations of youth citizenship in the UK. *Information, Communication & Society*. 2018;22(12):1–19.

REFERENCES

1. Chuyev S. V., ed. Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results. Monograph. Moscow: Publishing house of State University of Management (GUU); 2017. 137 p. (In Russ.).

2. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K., Ryseva A. «Generation Z»: The youth of the time of Putin's rule. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii. Bulletin of Public Opinion: Data. Analysis. Discussions*. 2020;1–2(130):21–121. (In Russ.).
3. Velikaya N. M., Doroshina A. V. Self-identification of the youth of the Moscow region as a factor in designing the future of Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sociologiya. Politologiya. News of Saratov University*. 2022;22(1):31–38. (In Russ.).
4. Kapceovich O. A., Marin E. B., Osmachko N. V. Psychological aspects of political participation and protest readiness of the youth of Primorsky region. *Psiholog*. 2021;(1):23–34. (In Russ.).
5. Gajfullin A. Yu. Value orientations and life goals of modern youth of the Republic of Bashkortostan. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*. 2022;1(9):120–127. (In Russ.).
6. Rostovskaya T. K., Kaliev T. B. Value orientations of modern youth: features and trends. Moscow: RUSCIENCE; 2019. (In Russ.).
7. Shafranov-Kutsev G. F., Cherkashov E. M. Youth focus on competition and entrepreneurship. *Sociological research*. 2020;(4):117–123. (In Russ.).
8. Burko V. A., Vasserman Yu. M. Syndrome and trust as factors of dispositional structure: interrelation in the aspect of intergenerational features. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022;(3):52–63. (In Russ.).
9. Kryshtanovskaya O. V., Lavrov I. A. Young deputies in Parliament. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022;(2):45–56. (In Russ.).
10. Daniel S. Lane, Kjerstin Thorson & Yu Xu (2021) Uninterested and unequal?: examining SES-based gaps in youth political behavior on social media. *Information, Communication & Society*. 2021;(4):1–19.
11. Chrysoschoou X. & Barrett M. Civic and political engagement in youth findings and prospects. *Zeitschrift fur psychologie – journal of psychology*. 2017;225(4):291–301.
12. Sam Mejias & Shakuntala Banaji. Backed into a corner: challenging media and policy representations of youth citizenship in the UK. *Information, Communication & Society*. 2018;22(12):1–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, главный научный сотрудник департамента политологии; доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса; руководитель Научно-методологического объединения по миграционным и демографическим процессам, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina L. Galas — PhD in History, Senior Research Associate, Department of Political Science; Associate Professor, Department of Mass Communication and Media Business; Head of the Scientific-Methodological Association on Migration and Demographic Processes, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>
mlgalas@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 29.11.2022; accepted for publication on 19.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-122-127
УДК 80(045)

Феномен коммуникативной солидарности и коммуникативного конфликта в социальных медиа

М.Р. Кармова, О.И. Максимова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена роли социальных сетей в современном обществе. Рассмотрен жанр интернет-комментария, коммуникативная солидарность и коммуникативный конфликт, представлена стратегия троллинга и фейминга. Авторами исследована роль медиации в администрировании сообщества и предложены принципы медиации, которых должен придерживаться администратор публика для того, чтобы избежать коммуникативных конфликтов между участниками. Кроме того, авторы анализируют цели и результаты использования социальных сетей их администраторами и пользователями.

Ключевые слова: коммуникативная солидарность; коммуникативный конфликт; социальные сети; цифровизация; сообщество; медиация; блогосфера

Для цитирования: Кармова М.Р., Максимова О.И. Феномен коммуникативной солидарности и коммуникативного конфликта в социальных медиа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):122-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-122-127

ORIGINAL PAPER

The Phenomenon of Communicative Solidarity and Communicative Conflict in Social Media

M.R. Karmova, O.I. Maksimova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the role of social networks in modern society. The genre of Internet commentary as solidarity and conflict is considered, the strategy of trolling and faming is presented. The role of mediation in community administration is analyzed. The principles of mediation, which must be adhered to by a public administrator, are proposed to maintain an impartial community that is free from communicative conflicts between its users and participants. In addition, the authors analyze the goals and results of the use of social networks by their administrators and users.

Keywords: communicative solidarity; communicative conflict; social networks; digitalization; community; mediation; blogosphere

For citation: Karmova M.R., Maksimova O.I. The phenomenon of communicative solidarity and communicative conflict in social media. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):122-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-122-127

ВВЕДЕНИЕ

Виртуальный мир ворвался в XXI в. и продолжает оставаться одной из наиболее актуальных, обсуждаемых тем — как учеными, так и участниками виртуального сообщества. Сегодня сложно представить вагон поезда, борт самолета, автобус, трамвай и другие виды транспорта без людей (причем разной возрастной категории), погруженных в гаджеты. Цели, разумеется, разные: общение в социальных сетях и мессенджерах; чтение книг, статей, постов;

использование мобильных приложений и пр., но они достигаются при помощи электронного устройства. Гаджеты — это неотъемлемая часть любого современного общества, которое не мыслит полноценного существования без их повседневного использования. По этим причинам нынешний век по праву назван веком цифровизации.

Массовая культура глубоко проникла в интернет-пространство, именно поэтому там появляются сообщества людей (Инстаграм, Фейсбук, Вконтакте

и т.д.), готовых вести виртуальный диалог с теми, кто разделяет их взгляды. Основными преимуществами цифровой массовой культуры являются следующие элементы:

- возможность онлайн-трансляции культурных кодов в реальной жизни и трансформация ее в жизнь виртуальную;
- увеличение объема контекстуальной среды;
- создание кластеров индивидуумов, связанных общими социокультурными интересами в противовес обезличенной виртуальной толпе.

СОЛИДАРНОСТЬ ИЛИ КОНФЛИКТ?

Говоря о понятиях «солидарность» и «конфликт», отметим, что они всегда соприкасаются в тех или иных ситуациях. Невозможно представить общество, полностью основанное на солидарности, так же, как и на абсолютном конфликте. В зависимости от обстоятельств в некоторых случаях проявление солидарности превалирует и наоборот.

Причины конфликтов зачастую связаны с тем, что люди выросли в разных местах, различном окружении и имеют убеждения, привитые им этой средой. Простые указания другому человеку не изменят его мнения, поведения и привычек. Если насаждать свою точку зрения людям, которые не просили совета, происходит конфликт. Другое дело, если человек сам обращается с вопросом: если он получает ответ, возникает коммуникативная солидарность.

С нашей точки зрения, процентное соотношение солидарных и конфликтных начал в условиях цифровизации общества отличается от того, которое было в то время, когда еще не существовало интернета. Очевидно, что общество не будет прежним: у пользователей социальных сетей есть функция анонимности, которая определенно приводит к коммуникативным конфликтам, поскольку существует возможность говорить все что угодно. Это связано не с демократией и свободой слова, а со вседозволенностью, желанием высказаться негативно и не быть наказанным за чрезмерную грубость и оскорбления.

Задача развития любого цивилизованного общества включает солидаризацию. Именно поэтому социальные институты должны направить свои усилия на сокращение конфликтной коммуникации в пользу солидарной.

Полагаем, что солидарность и конфликт напрямую связаны с коммуникативной компетенцией, что делает ее сущность противоречивой, так как она по определению должна быть направлена только

на солидарность. Но как же тогда быть с политической коммуникацией, которая зачастую несет негативный окрас? Или онлайн-коммуникацией и опцией негативных комментариев, за которые никто не несет никакой ответственности? Несомненно, коммуникативную компетенцию следует изучать с точки зрения солидарности и конфликта.

На рисунке представлен алгоритм изучения феномена коммуникативной компетенции, где конечным итогом являются методы минимизации отрицательной коммуникативной компетенции, приводящие к сокращению коммуникативных конфликтов.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МИНИМИЗАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

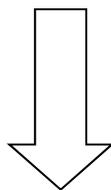
Первый вопрос, который мы задали себе: каких достижений добилось человечество, введя социальные сети в повседневную жизнь? Ответ на данный вопрос неоднозначен, поскольку понятие «достижения» трактуется по-разному. Для одной категории людей достижениями можно считать получение знаний, расширение кругозора, для других же — это возможность совершать покупки, участвовать в онлайн-конференциях, вебинарах, конкурсах, быть в прямом эфире, использовать функции свайпа для перехода по ссылкам и т.д. Все это достижения цифровизации, которая, помимо положительных эффектов, имеет и негативные, например возникновение коммуникативных конфликтов в социальных сетях.

Постараемся провести сопоставительный анализ между коммуникативной солидарностью и коммуникативным конфликтом в социальных медиа.

КОММУНИКАТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Коммуникативная солидарность является новым типом социальной солидарности. Данное понятие было введено в научный оборот Е.В. Батаевой в 2015 г. в процессе изучения условий единения социальных акторов в диверсифицированных полицентрических обществах [1]. Основываясь на концепции Ю. Хабермаса, Е.В. Батаева объясняет понятие коммуникативной солидарности, возникающей в процессе общения социальных акторов, свободно и сознательно вступающих в диалог. Определение нового типа солидарности автор обосновывает его существенным отличием от механической и органической солидарности Э. Дюркгейма [2], которая заключается в согласии

Коммуникация (понятие)

Сущность

функции

противоречия

Противоречия

Объективация

-	+

Рис. / Fig. Противоречивая сущность коммуникативной компетенции / The contradictory nature of communicative competence

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

всех участников диалогической ситуации, становящейся эффектом мотивационно-целевой направленности социальных акторов на никем не навязываемое взаимопонимание. Отметим, что такое толкование поднимает вопрос о взаимосвязи понятий «солидарность» и «согласие».

С точки зрения авторов статьи, коммуникативная солидарность в большей степени возникает при передаче и восприятии информации, выступая при этом фундаментом единения социальных акторов в достижении поставленной цели и основываясь на согласии и доверии.

В научных сообществах на сегодняшний день пока не существует общего мнения о роли социальных сетей в формировании механизмов коммуникативной солидарности [3], как нет и понимания самого факта наличия или отсутствия такой роли. Однако большинство ученых полагают, что социальные медиа оказывают мобилизующее действие на различные социальные группы [4]. Возможно, одним из путей поиска ответа на

вопрос о коммуникативной солидарности в социальных медиа является постановка отдельных исследовательских вопросов. К примеру, как влияет характер содержания тех или иных аккаунтов и их наполнение на количество фолловеров отдельных сетевых сообществ. Для ответа на подобные вопросы необходима исследовательская работа в области систематизации терминов и понятий, их интерпретация, формирование инструментария исследования и др.

С точки зрения современных исследований, осуществляемых в рамках сетевой парадигмы, коммуникативная солидарность социальных медиа связана с ее обоснованием как инновационной формы социальных взаимодействий в рамках виртуальных сетевых структур [5]. Очевидно, что сетевое измерение предполагает вовлечение в процесс коммуникации большого количества как институционализированных, так и неинституционализированных акторов и агентов с общими целями, интересами, ценностями и мотивами.

Массовая виртуальная коммуникация расширяет горизонты современного общества — оно становится более эрудированным, информационно обогащенным. Однако язык интернета ограничен и приближен к разговорному стилю. По этой причине снижается культура письменной речи. Виртуальная коммуникация, являясь, по сути, неформальным стилем общения, несомненно, способствует снижению грамотности.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Коммуникативный конфликт является неотъемлемой частью любого общества. Уровень конфликта в речи зависит от таких факторов, как менталитет, возрастная категория, личностные качества и др. Любой конфликт представляет собой актуализированное противоречие [6].

Пользователи социальных сетей вступают в мгновенные коммуникативные акты, которые содержат минимум визуальной и зачастую совсем не содержат звуковой информации. Коммуникации в социальных сетях присущи молодежный сленг, жаргонизмы, просторечия, ненормативная лексика, что приводит к возникновению конфликтов, которые могут также быстро разрешаться.

Ответим, что эмоции, полученные от противоположной стороны, которые могут способствовать прекращению ссоры на начальной стадии, при конфликте в социальных сетях отсутствуют. В то же время у пользователей-наблюдателей может возникнуть желание проверить, чем закончился конфликт в том или ином сообществе, и в некоторых случаях с их помощью спор приобретает сетевую популярность, а они занимают позицию комментатора.

Еще один фактор, влияющий на развитие конфликтных коммуникативных ситуаций в социальных медиа — анонимность, характерная исключительно для общения в интернете. Внушительная часть пользователей социальных сетей в качестве названия аккаунта используют выдуманные имена (фейки), оберегая себя от возможных последствий негативного или агрессивного речевого поведения. Вышеперечисленные факторы создают экспрессивную коммуникативную среду в социальных сетях.

Как правило, для конфликтной речевой ситуации характерны выплеск отрицательных эмоций и вербальная агрессия. Агрессия в данном случае интерпретируется как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [7]. Она

получает вербальный выход. Такая ситуация может разрешиться, если одна из сторон потенциального конфликта проявит терпение. Развитие конфликта зависит от эмоционального состояния коммуникантов и выбранной ими речевой тактики [8].

Мы полагаем, что коммуникативный конфликт в социальных сетях набирает обороты ввиду того, что интернет-пользователи забывают про существование правил, заключающихся в том, что участники спора в сети должны доказывать свою точку зрения по законам логики и теории аргументации и при этом уважать и признавать мнение своего оппонента.

Спор без правил является бесцелевой коммуникативной ситуацией. Между тем спор — это важный элемент межличностной коммуникации и взаимодействия людей. Конструктивный спор способствует прояснению и пониманию вопросов, вызывающих у собеседников разногласия, позволяет определить уровень понимания партнером позиции оппонента. Даже если сетевые оппоненты не приходят к консенсусу, спор помогает им лучше понять собственные точки зрения, критично их оценить и сравнить с другими позициями.

Конфликт — один из возможных вариантов коммуникации блогосферы, представляющий собой разновидность взаимодействия двух и более сторон, оспаривающих темы постов, публикуемых администраторами сообществ (блогов).

Отметим, что межэтническая коммуникация в условиях тотальной цифровизации общества является частью коммуникативных конфликтов в социальных сетях. Также одной из основных причин возникновения коммуникативного конфликта в социальных сетях выступает отношение индивида к сообществу (блогу) как к неотслеживаемой площадке, внутри которой он без каких-либо последствий для себя может выдавать любые оценочные суждения под воздействием эмоциональной экспрессии.

Основа коммуникативного конфликта блогосферы — это полилинейная структура, специфика которой заключается в том, что к диалогу двух пользователей присоединяются другие, в результате чего конфликт набирает обороты.

К сожалению, коммуникативный конфликт, по сравнению с коммуникативной солидарностью, включает в себя больше участников, желающих виртуально высказать свое негодование при помощи текста, эмодиконов или знаков препинания, выражающих эмоциональное состояние пользователей социальных сетей.

ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ КАК СОЛИДАРНОСТЬ И КОНФЛИКТ

Коммуникативный конфликт разворачивается в динамике и имеет определенные стадии развития, реализующееся языковыми, речевыми и прагматическими средствами. Одной из причин возникновения коммуникативного конфликта в сети являются сообщения-провокации, которые реализуют стратегию троллинга. Прагматическо-лингвистические характеристики провокационных сообщений не содержат в себе конструктивной коммуникации, их цель — задать негативно-эмоциональную тональность общения, неизбежно провоцирующую коммуникативный конфликт.

Кроме этого, интернет-коммуникации предоставляют возможность участникам агрессивного речевого взаимодействия вести длительную конфликтную дискуссию, реализуя стратегию флейминга, либо резко прекратить диалог, переключившись на другую тему. Несомненно, жанр интернет-комментария обладает высоким потенциалом развития коммуникативного конфликта в социальных сетях, основной характеристикой которого становится речевая агрессия, направленная на личность коммуниканта. Она может служить катализатором и является предметом провоцирования или индуцирования конфликтного взаимодействия. Подчеркнем, что конфликтное взаимодействие в интернет-комментариях характеризуется отсутствием попыток коммуникантов нейтрализовать конфликт. Наоборот, налицо усиление отрицательного воздействия на участников онлайн-беседы, что приводит к длительному конфликту. Все вышеуказанные элементы позволяют рассматривать коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария как коммуникативную игру.

АДМИНИСТРАТОР БЛОГА КАК МЕДИАТОР СОЦИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Понятие «медиация» происходит от латинского слова «mediare», что значит посредничать.

Медиация — это процесс переговоров, в котором медиатор-посредник является организатором, управляющим переговорами так, чтобы стороны пришли к удовлетворяющему всех соглашению, в результате выполнения которого они способны урегулировать конфликт.

Главная задача медиатора заключается в обеспечении взаимопонимания между сторонами, выявлении и предоставлении помощи для решения

проблемы на условиях, приемлемых для участников коммуникации.

Мы полагаем, что многочисленные коммуникативные конфликты в сети появляются по вине администратора сообщества. Именно администратор выгружает в публичную ту или иную информацию, формируя посты, позволяет развиваться конфликту, не предпринимая никаких мер. Необходимо отметить, что чем больше комментариев набирает публикация, тем популярнее она становится. По этой причине многие администраторы целенаправленно размещают информацию, которая определенно вызовет спор и соберет много комментариев.

Те администраторы, для которых важна этика общения, используют доступные администрации сообщества функции: блокировка аккаунтов, ограничение и/или выключение комментариев, удаление хейтеров из беседы под постом и др.

Основные принципы медиации, которых должен придерживаться администратор публичной группы, — это добровольность, равноправие пользователей, нейтральность, беспристрастность, сохранение конфиденциальности пользователей.

С нашей точки зрения, такие меры сократят количество коммуникативных конфликтов в социальных сетях.

В заключение необходимо отметить, что сообщества (блоги) обладают долгосрочной перспективой, и поэтому коммуникативная солидарность и коммуникативный конфликт будут проявляться до тех пор, пока существует общение — реальное и виртуальное. Реальному общению в большей степени присуща коммуникативная солидарность, в то время как виртуальное зачастую сопровождается коммуникативным конфликтом. В цивилизованном обществе необходимо четко разграничить понятия свободы слова и вседозволенности и нести ответственность не только за сказанное в реальности, но и написанное в виртуальном пространстве. Администрация сообщества (блога) не должна способствовать развитию коммуникативных конфликтов и в праве блокировать пользователей и ограничивать комментарии при проявлении негатива. Недопустимым является намеренное распространение информации, влекущей за собой межэтническую, религиозную или политическую рознь, в целях популяризации публичной группы. Искусственное симулирование коммуникативных конфликтов в социальных сетях приводит к дестабилизации в реальной жизни, обеднению языка и потере социокультурного богатства любого современного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батаева Е.В. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе. *Гуманитарный часопис*. 2015;(2):12–18.
2. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Юрайт; 2019. 308 с.
3. Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Сергодеев В.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет; 2016. 182 с.
4. Lelong B. Grasping micro-macro-interactions in urban development politics: a multidimensional network approach to collective action. *Historical Social Research*. 2014;39(2):203–234.
5. Roth P. Including the diary method in the investigation of practices constituting social innovation networks. *Historical Social Research*. 2015;40(3):331–350.
6. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М.: МЭИ; 2002. 264 с.
7. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: URSS; 2006. 360 с.
8. Волкова О.С. О тактиках толерантного речевого поведения в коммуникативной ситуации «Конфликт». *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2008;(2):137–141.

REFERENCES

1. Batayeva E.V. Conditions of communicative solidarity in a diversified society. *Humanitarian Magazine*. 2015;(2):12–18. (In Russ.).
2. Durkheim E. Sociology: its subject, method, purpose. Moscow: Urait; 2019. 308 p. (In Russ.).
3. Lezhebokov A.A., Sergodeeva E.A., Sergodeev V.A. Network communities in Runet social media. Stavropol: North Caucasian Federal University; 2016. 182 p. (In Russ.).
4. Lelong B. Grasping micro-macro-interactions in urban development politics: a multidimensional network approach to collective action. *Historical Social Research*. 2014;39(2):203–234.
5. Roth P. Including the diary method in the investigation of practices constituting social innovation networks. *Historical Social Research*. 2015;40(3):331–350.
6. Muravyova N.V. The Language of Conflict. Moscow: Moscow Power Engineering Institute (MPEI); 2002. 264 p. (In Russ.).
7. Shcherbinina Yu.V. Verbal aggression. Moscow: URSS; 2006. 360 p. (In Russ.).
8. Volkova O.S. On the tactics of tolerant speech behavior in communicative situation “Conflict”. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2008;(2):137–141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Maryana R. Karmova — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>

mkarmova@fa.ru

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

oimaksimova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.10.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 16.10.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-128-134
УДК 32.019.52(045)

Политико-психологические вызовы информационной войны против российского государства в условиях специальной военной операции*

А.А. Вилкова, К.Г. Сулагаева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политико-психологические вызовы в современной информационной среде, направленные российскому государству со стороны коллективного Запада, которые авторы делят на три группы (неэффективная коммуникация с разными аудиториями, ограниченность российских СМИ, кризис образа мира России в сознании граждан РФ). В работе выделены основные проблемы российского общества в информационной войне, препятствующие совершенствованию информационных навыков применения политико-психологических механизмов воздействия на целевые аудитории. Отмечается важность данных вызовов на современном этапе и необходимость улучшения всей российской системы управления информационными ресурсами на уровне страны и в мировом масштабе.

Ключевые слова: политико-психологические вызовы; информационная война; политическая коммуникация; образ мира

Для цитирования: Вилкова А.А., Сулагаева К.Г. Политико-психологические вызовы информационной войны против российского государства в условиях специальной военной операции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-128-134

ORIGINAL PAPER

Political-Psychological Challenges of the Information War against the Russian State in the Conditions of a Special Military Operation**

A.A. Vilkova, K.G. Sulagaeva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with the political-psychological challenges from the collective West directed at the Russian state in the modern information environment, and which the authors divide into three groups (ineffective communication with different audiences, the limitations of the Russian media, the crisis of the image of the Russian world in the minds of citizens of the Russian Federation). The authors have identified the main problems of Russian society in the information war that hinder the improvement of information skills in the use of political and psychological mechanisms of influence on target audiences, highlighted in the article. The importance of these challenges at the present stage and the need to improve the entire Russian information resource management system at the national and global level are noted.

Keywords: political-psychological challenges; information war; political communication; image of the world

For citation: Vilkova A.A., Sulagaeva K.G. Political-psychological challenges of the information war against the Russian state in the conditions of a special military operation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-128-134

* Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта «122101100022-4 – Возможности формирования мировоззрения в разных возрастных группах» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

** The research was carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project “122101100022-4 – Opportunities for the formation of a worldview in different age groups” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

В наше время происходит отказ от классической модели ведения открытой войны с применением вооруженной техники и силы военных в пользу информационно-психологической конфронтации. В.В. Путин отметил: «Глобальное информационное пространство сегодня сотрясают войны. Агрессивно навязывается единственно правильная точка зрения и трактовка событий, подтасовываются и замалчиваются определенные факты». В связи с этим трансформируется образ мира, влияющего на массовую политическую коммуникацию. Противостояние России и коллективного Запада после распада СССР перешло в виртуальную реальность, которая стала основой для использования новых методов борьбы, включающих воздействие на массовое сознание, культуру и традиции. Информационное давление на нашу страну со стороны западного сообщества усилилось с февраля 2022 г., когда началась специальная военная операция. Исходя из этого, российской стороне для защиты национальных интересов важно справляться с вызовами и иметь понимание проблемы для ее прогнозирования, устранения и профилактики в информационной среде.

В данной работе мы постараемся определить основные политико-психологические вызовы информационной войны против российского государства в рамках специальной военной операции. Пронаблюдав тональность и динамику информационных сообщений пророссийского и антироссийского дискурса в социальных сетях (преимущественно Telegram, ВКонтакте) и других информационных платформах (новостных сайтах), можно выделить три основные группы политико-психологических вызовов информационной войны. Для начала обратимся к их методологическому обоснованию.

Первая группа вызовов, *связанных с установками и стереотипами разных аудиторий*, была проанализирована на основе нескольких теорий.

В соответствии с теорией установок советского философа и психолога Д. Узнадзе поведению человека предшествует психологическое состояние, связанное с готовностью реагировать определенным образом на объекты действительности и на информацию о них, исходя из социокультурного опыта [1]. Российский социолог В. Ядов подчеркивал регулятивную роль установки в социальном поведении личности [2]. Американский психолог Г. Олпорт также считал, что установка является

детерминантом действий субъекта [3]. Из этого следует, что установки формируются на основе готовой продукции средств массовой информации и сети Интернет и становятся механизмом, определяющим поведенческие акты людей.

Кроме того, восприятие информации в процессе политической коммуникации происходит с помощью стереотипов, описанных американским журналистом и писателем У. Липпманом в книге «Общественное мнение» [4]. Схожие понятия рассматривал американский психолог Г. Олпорт в своей книге «Природа предрассудков», где он выделял формирование предвзятых «картинок в голове».

Вторая группа вызовов, *затрагивающих ограниченность влияния российских СМИ на мировую информационно-политическую повестку*, была рассмотрена посредством анализа работ нескольких авторов.

Ранее упомянутый У. Липпман в своей работе «Общественное мнение» сформулировал тезис о том, что основная часть мира находится вне человеческой досягаемости. В связи с этим СМИ предоставляют только те сведения, которые человек способен верифицировать. Пользуясь технологией создания собственной повестки дня, СМИ имеют большие возможности по созданию своей псевдореальности [4].

Следующий способ влияния СМИ касается применения механизма подражания с использованием идеального образца и авторитета. По мнению П. Лазарсфельда и Р. Мертона, «функция присвоения статуса наиболее ярко проявляется, когда в ходе рекламы используются рекомендации или заявления известных людей» [5]. Таким образом, статус приводит к повышению престижа информации в сознании широких народных масс. Согласно концепции действия психологического механизма эмоционального заражения Г. Лебона толпа обладает «общим разумом», способствующим возникновению стадного чувства [6].

Третья группа вызовов, *возникающих в связи с кризисом и неполноценностью образа мира россиян*, была выделена на основе концепции российского психолога А.Н. Леонтьева [7]. По его мнению, образ мира конструирует социальную реальность человека, в которой усваивается и допускается только та информация, которая может вписаться в уже существующую картину мира. Иначе она будет отвергнута человеком или обществом в связи с несоответствием устоявшимся социальным представлениям, о чем более

подробно говорил французский социальный психолог С. Московичи [5].

Одной из составляющих образа мира, согласно концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, является система образов «своих» и «чужих», основанная на приписывании им каждой группе определенных свойств [8]. В рамках этой теории швейцарский психиатр К.Г. Юнг говорил о формировании образа врага в контексте выстраивания отношений через «мы» и «они» [9].

Концепция социальной аномии, предложенная французским социологом и философом Э. Дюркгеймом, приводит к социокультурному кризису, теоретико-методологические основания которого описаны известным российским политическим психологом Т.В. Евгеньевой [5].

Подытожим обзор выбранных авторов и теорий еще одной работой американского политолога, специализирующегося на изучении общественного мнения, Д. Цаллера [11]. В своей книге он выделяет модель, содержащую четыре аксиомы о восприятии политической информации: А1 — аксиома восприятия, А2 — аксиома сопротивления, А3 — аксиома доступности, А4 — аксиома реакции. На основе данных аксиом мы проанализировали информацию и реакцию на нее в виртуальном мире в виде комментариев, постов в социальных сетях, новых исследований и статей по актуальной теме и другой активности, порожденной информационной войной, и выделили политико-психологические вызовы российскому обществу. Перейдем к их рассмотрению.

ПЕРВАЯ ГРУППА ВЫЗОВОВ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВКАМИ И СТЕРЕОТИПАМИ РАЗНЫХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ

- Граждане РФ (1).
- Граждане РФ, мобилизованные в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (2).
- Участники СВО на стороне России (3).
- Молодежь России (4).
- Граждане присоединенных территорий (некоторые районы ДНР и ДНР, Херсонская и Запорожская область) (5).
- Потенциальные союзники России (страны Азии, страны Африки, страны Ближнего Востока) (6).

- Граждане СНГ (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан) (7).

- Граждане Украины (8).
- Граждане стран Запада (9).

1. Граждане РФ ограничены информационным полем традиционных российских СМИ, которое с началом СВО оказалось хрупким и не готовым противостоять антироссийским лозунгам со стороны западных СМИ, что породило деструктивные явления: массовую миграцию, митинги и возникновение фейков, вносящих разобщение в целостность российского народа. В связи с этим появляется вызов, связанный с усилением недовольства и недоверия граждан РФ действиям политической элиты на фоне дискурса западного сообщества в сети Интернет, например о просчетах главнокомандующих российской армии, по причине которых произошли значительные военные потери.

2. Мобилизованные граждане были охвачены беспокойством, вызванным Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Это объясняется тем, что после видеообращения В.В. Путина 21 сентября 2022 г. общий уровень тревоги в стране, по опросу ФОМа, увеличился с 35 до 69%. Вызов связан с психологическим состоянием призванных в рамках частичной мобилизации граждан и их близкого круга людей.

3. Российская армия, как социальная группа, осуществляющая боевые действия на российско-украинских границах, от психологических установок которой зависит эффективность исполнения военных приказов, находясь в «горячих точках», сталкивается с противоречащим российской позиции украинским информационным полем. В связи с этим существует вызов, связанный с неустойчивостью позитивных установок о политике России, могуществе государства. Это может стать основанием для демотивации солдат в достижении целей, поставленных Верховным главнокомандующим Вооруженными силами РФ.

4. Социализация российской молодежи происходила после 1990-х гг. Из этого следует, что в сознании молодого поколения отсутствуют советские нарративы и не выражена самоидентификация с народами СССР, как у граждан старшего поколения. Другими словами, в политической картине мира молодежи РФ Украина является

отдельным самостоятельным государством, не имеющим с Россией общих традиций, культуры и ценностей. Вызов связан с тем, что молодежь России не ощущает значимость миротворческой миссии по ликвидации нацистского режима на Украине и освобождения братского народа от давления со стороны украинских националистов. Это приводит к уклонению от мобилизации, снижению доверия к действиям российской власти и непониманию целей и причин СВО.

5. Граждане некоторых районов ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей на протяжении 8 лет находятся под воздействием двух информационных повесток: пророссийской и антироссийской. Вызов состоит в том, что у граждан присоединенных территорий под давлением украинских СМИ может сформироваться устойчивый стереотип о том, что Россия вторглась на территорию Украины, начав войну, и укрепиться установка «Россия — агрессор». Это спровоцирует усиление страха и недоверия по отношению к политике России.

6. Потенциальные союзники прикладывают усилия для создания в информационном пространстве рамок, ограничивающих радикальные антироссийские настроения. Однако при недостаточной деятельности российских посольств в данных странах существует вызов, связанный с укреплением в сознании граждан мнения о России как агрессоре и с доминированием негативных установок по отношению к действиям РФ на мировой арене.

7. Страны СНГ, ранее входившие в состав СССР, находятся в неопределенном положении между Россией, отстаивающей статус СВО как миротворческой миссии, и западными странами, продвигающими позицию антироссийского характера с акцентом на узурпаторскую политику РФ в отношении Украины. Другими словами, деятельность западных СМИ вносит в информационное поле СНГ дискурс об империалистских и захватнических действиях российской элиты, направленных на возвращение контроля над странами бывшего Советского Союза. Это провоцирует дихотомию мнений в странах СНГ относительно политического курса России как «агрессора» и как «спасителя». В связи с этим вызов заключается в снижении доверия стран бывшего СССР к России из-за боязни потери своего суверенитета.

8. Граждане Украины еще с 2014 г. находятся под влиянием антироссийской пропаганды на

основе переписывания истории и дерусификации. К тому же с 24 февраля пророссийские информационные службы не смогли сформировать в сознании украинского общества образ российской армии как освободительной силы и убедить его в миротворческих целях и задачах СВО. Вызов возникает на почве отсутствия солидарности и миролюбивых настроений граждан Украины и доминирования ненавистнических установок по отношению к исторически братскому русскому народу из-за укоренения устойчивого образа России как «империи зла», «врага» и «агрессора».

9. Страны Запада погружены в виртуальное пространство глобальных СМИ, финансируемых и управляемых США, которые распространяют ненавистнические и враждебные настроения по отношению к России, стремясь изолировать ее от мирового сообщества, уничтожить доверие к ней и укрепить образ «Россия — агрессор», представляющий ядерную угрозу всему человечеству. Вследствие этого складываются устойчивые негативные установки и стереотипы в отношении России, которые ежедневно подкрепляются новостной повесткой. Другими словами, вызов говорит о формировании монолитного антироссийского консенсуса у европейской аудитории, где правда — на украинской стороне.

ВТОРАЯ ГРУППА ВЫЗОВОВ: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЛОКАДА РОССИИ, ПРИ КОТОРОЙ РОССИЙСКИЕ КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ НЕ ВЛИЯЮТ НА МИРОВУЮ ИНФОРМАЦИОННО- ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ

- Односторонность влияния российских СМИ (1).
- Отсутствие отечественных платформ в сети Интернет (2).
- Вызов, связанный с уровнем подготовки журналистов и технологий работы в России (3).
- Отсутствие мотивационных видео со стороны российских политиков (4).
- Низкий процент поддержки СВО со стороны лидеров общественного мнения среди молодежи (5).

1. Односторонность российских СМИ, охватывающих преимущественно аудиторию граждан РФ, создает предпосылки для возникновения «информационных пробелов» у других целевых аудиторий, что ограничивает российскому государству возможность влияния на мировоззренческие установки людей с антироссийски-

ми настроениями и «плавающей» позицией по отношению к СВО. Данная проблема снижает вероятность донесения своей позиции мировому сообществу.

2. Отсутствие в сети Интернет отечественных платформ, пользующихся популярностью и имеющих авторитет на международном уровне, ограничивает РФ способность формирования собственной информационной повестки относительно СВО на глобальном уровне. В то же время западные платформы цензурируют и блокируют контент пророссийского характера, препятствуя распространению позиции России в мировом информационном пространстве.

3. Уровень подготовки журналистов и технологий работы в России не способствует тому, чтобы своевременно отвечать социальным потребностям в знании актуальной повестки о СВО и эффективно противостоять западным СМИ. Из-за этого возникают информационные пустоты, дающие почву для появления фейков с антироссийской коннотацией, которые с помощью механизма «сарафанного радио» с большой скоростью распространяются в пабликах в сети Интернет.

4. Отсутствие мотивационных видео, которые могли бы не только создать стимул к необходимым действиям для консолидации общества, но и объяснить причины и цели действий политической элиты РФ в условиях СВО. На фоне активно выступающего президента Украины В. А. Зеленского и украинского политика А. Н. Арестовича редкие выступления В. В. Путина и сухой рапорт российского генерал-лейтенанта И. Е. Канашенкова не имеют масштабного эффекта «эмоционального заражения» патриотическими настроениями российского общества и массово не побуждают людей к защите своей страны и отстаиванию ее суверенных интересов.

5. Вызов, связанный с низким процентом поддержки СВО со стороны лидеров общественного мнения среди молодежи. Согласно исследованию среди кумиров молодежи 42% не поддерживают СВО, 39% предпочитают не высказываться на эту тему и только 10% выступают за спецоперацию. То есть лидеров общественного мнения, выступающих «против», практически в 4 раза больше, чем тех, кто выступает «за». Таким образом, вокруг кумиров формируется информационное пространство, напрямую противоречащее федеральной повестке и закладывающее негативные установки по отношению к действиям российского государства. Это создает барьеры

к распространению патриотических настроений среди молодежи.

ТРЕТЬЯ ГРУППА ВЫЗОВОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С КРИЗИСОМ И НЕПОЛНОЦЕННОСТЬЮ ОБРАЗА МИРА РОССИЯН

- Неустойчивость образа мира в сознании российского общества (1).
- Отсутствие продуктов массовой культуры, надежно защищающих политическую картину мира граждан России (2).
- Эскалация социокультурного кризиса (3).
- Усиление влияния на российское общество такого явления, как социальная аномия (4).
- Отсутствие четкого образа противника (5).

1. Фактор неполноценности образа мира, сохраняющего национально-государственную идентичность и целостность российской нации, позволяет антироссийской информации легко вписаться в существующие политические представления об окружающей действительности. Важность доминирования у большинства общего образа мира объясняется уникальной способностью этого фактора объединять миллионы людей, создавая «щит» против ложной информации.

2. Вызов, связанный с недостатком продукции массовой культуры, надежно защищающей политический образ мира граждан России. Это создает преграды для понимания миссии русского народа в мировой истории, его суверенных интересов, традиций и т. д.

3. Эскалация социокультурного кризиса началась в 90-е гг. XX в. с распадом СССР, когда размытие социалистических и коммунистических идеалов привело к появлению новых смыслов, оправдывающих случившиеся в стране социально-экономические и политические преобразования и определивших новые ориентиры. В результате российскому обществу были искусственно навязаны капиталистические идеалы, которые по сей день являются основой образа жизни российских граждан. Столкновение исконно русских и либеральных ценностей порождают кризис идентичности, в соответствии с которым человек теряет связь между «я» и «социальным я» и не понимает, каким идеалам следовать.

4. Вызов, возникающий в связи с распространением отмены русской культуры и усилением влияния на российское общество социальной аномии. В рамках западных образовательных программ переписывается история нашей страны,

подвергается сомнению достижения советского периода и роль России в победе над фашизмом в 1945 г. Регулярная политика культуры отмены в отношении российского общества со стороны США и блока НАТО направлена на культивирование ненависти между русским и украинским народами.

5. Одна из основных задач образа мира — формирование конкретной и непротиворечивой системы образов «своей» и «чужой» общности, основанной на приписывании им определенных свойств. Текущая напряженная ситуация в стране не дает информационную конкретику феномена «мы-они», образа врага и приводит к деформированным установкам и двойным стандартам в оценке своих и чужих действий.

Таким образом, в период специальной военной операции перед российским обществом встали новые политико-психологические вызовы информационной войны, направленные против российского государства, которые требуют комплексного решения, отвечающего современным

технологиям [13]. Первая группа вызовов указывает на необходимость тщательно учитывать специфические черты каждой целевой аудитории с целью успешного воздействия на них при помощи политико-психологических механизмов, обеспечивающих необходимую реакцию на информационные поводы. Вторая группа вызовов продемонстрировала важность корректировки государственной информационной политики России для ее соответствия актуальной повестке и продвижения пророссийской позиции с помощью современных технологий в рамках мирового информационного пространства. Наконец, третья группа вызовов выявила существование «плавающей» политической позиции российского общества, нуждающейся в обновлении и укреплении. Россия борется на Украине с агрессивным коллективным Западом, и в этих условиях необходимо мобилизовать все интеллектуальные и материальные ресурсы для спасения российского народа и сохранения суверенитета и независимости России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Узнадзе Д.Н. Теория установки. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК; 1997. 260 с.
2. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. Методологические проблемы социальной психологии. М.: ДЛНР; 1975. 21 с.
3. Олпорт Г. Социальные исследования и общественное сознание. Классический вклад в социальную психологию. Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского университета; Лондон: Торонто; 1972.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение»; 2004.
5. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. Учебное пособие. М.: Изд-во Юрайт; 2013. 304 с.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет; 1995. 183 с.
7. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика; 1983.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ»; 1993. 38 с.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс»; 1991. 221 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf>
11. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение»; 2004. 559 с.
12. Нечаев В.Д., Белоконев С.Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020;13(2):112–133.
13. Белоконев С.Ю., Усманова З.Р. Технологии и компетенции PR & GR в условиях цифровой экономики. М.: КНОРУС; 2018. 260 с.

REFERENCES

1. Uznadze D.N. Installation theory. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK; 1997. 260 p. (In Russ.).
2. Yadov V.A. On the dispositional regulation of social behavior of the individual. Methodological problems of social psychology. Moscow: DLNR; 1975. 21 p. (In Russ.).
3. Allport G. Social research and public consciousness. A classic contribution to social psychology. New York: Oxford University Press; London: Toronto; 1972. (In Russ.).

4. Lippman U. Public Opinion. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2004. (In Russ.).
5. Evgenieva T. V., Selezneva A. V. Psychology of mass political communication: Textbook. Moscow: Yurayt Publishing House; 2013. 304 p. (In Russ.).
6. Lebon G. Psychology of peoples and masses. St. Petersburg: Layout; 1995. 183 p. (In Russ.).
7. Leontiev A.N. Selected psychological works. Moscow: Pedagogy; 1983. (In Russ.).
8. Huntington S. Clash of civilizations. Moscow: AST Publishing House; 1993. 38 p. (In Russ.).
9. Jung K. G. Archetype and symbol. Moscow: Renaissance Publishing House; 1991. 221p. (In Russ.).
10. Durkheim E. On the division of social labor. URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf> (In Russ.).
11. Zaller J. The origin and nature of public opinion. Trans. from Eng. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2004. 559 p. (In Russ.).
12. Nechaev V.D., Belokonev S. Yu. Digital economy and trends in the political development of modern societies. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2020;13(2):112–133. (In Russ.).
13. Belokonev S. Yu., Usmanova Z.R. Technologies and competencies of PR & GR in the digital economy. Moscow: KNORUS; 2018. 260 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анастасия Артемовна Вилкова — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anastasia A. Vilkova — 3rd year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5280-8314>

viilkova@mail.ru

Карина Геннадьевна Сулагаева — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Karina G. Sulagaeva — 3rd year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1290-535>

k_sulagaeva@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 27.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.10.2022; accepted for publication on 25.11.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-135-140
УДК 316.4(045)

Социально-экономические эффекты стигматизации ВИЧ-инфицированных: опыт качественного исследования

Ю.А. Коршунова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается феномен стигматизации и его механизмы. Раскрыты эффекты влияния стигматизации ВИЧ-инфицированных на экономическую и социальную сферу общества. С марта по май 2022 г. проводилось социологическое исследование методом глубинного интервью. В результате него были выявлены стигматизирующие установки у студентов и преподавателей российских университетов, основанные на типологии Ю.С. Смирновой. В работе проанализирована допустимая социальная дистанция для респондентов во время взаимодействия с человеком с ВИЧ-инфекцией. Выявлена причинно-следственная связь между информированностью людей о ВИЧ и стигматизацией инфицированных.

Ключевые слова: стигматизация; ВИЧ; социальная дистанция; стигматизирующие установки; социально-экономические эффекты

Для цитирования: Коршунова Ю.А. Социально-экономические эффекты стигматизации ВИЧ-инфицированных: опыт качественного исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-135-140

ORIGINAL PAPER

Socio-Economic Effects of HIV Stigmatization: Experience of Qualitative Research

Yu.A. Korshunova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The phenomenon of stigmatization as well as its mechanisms are being discussed in this article. The author has discovered how the stigmatization of HIV-positive people affects both the economic and social spheres in the society. A sociological study was conducted by the method of in-depth interviews from March to May 2022. With the usage of qualitative analysis, the following stigmatizing attitudes amongst students and professors of Russian universities have been detected based on the typology of Yu.S. Smirnova. The analysis regarding the estimate of the acceptable social distance between the respondents and HIV-positive persons is also provided in this paper. A causal relationship between the stigmatization of HIV persons by the respondents and how knowledgeable they were on the topic of HIV is found.

Keywords: stigmatization; HIV; social distance; stigmatizing attitudes; socio-economic effects

For citation: Korshunova Yu.A. Socio-economic effects of hiv stigmatization: Experience of qualitative research. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-135-140

На сегодняшний день более 1 100 000 россиян имеют ВИЧ-положительный статус [1], что сопоставимо с населением крупного города России, например такого, как Челябинск или Омск, или даже с населением целой страны, такой как Эстония.

Одной из причин распространения ВИЧ является отсутствие своевременного тестирования и профилактики [1].

В свою очередь, распространение этой болезни наносит огромный ущерб экономике России: Роспотребнадзор оценил потери в 225,5 млрд руб. в год¹.

Стигматизация ВИЧ-инфицированных влечет за собой социальные и экономические эффекты.

¹ URL: <http://www.hivrussia.info/>

Основная проблема заключается в том, что в России растет заболеваемость ВИЧ, но при этом население слабо осведомлено в данном вопросе, что ведет к отсутствию профилактики заболевания и, как следствие, большему распространению вируса иммунодефицита.

Цель данной работы — раскрыть сущность проявлений социальной стигматизации ВИЧ-инфицированных, наблюдаемых в России, на примере преподавателей и студентов.

Нами было проведено глубинное интервью. Информантами стали 12 человек, 6 из которых — преподаватели российских вузов и 6 — студенты. Также опрашиваемые были разделены по гендерному признаку: 6 женщин и 6 мужчин, по 3 представителя в каждой вышеназванной подгруппе соответственно.

Различные стигматизирующие установки, предубеждения и стереотипы становятся преградой для общения с людьми с ВИЧ-положительным статусом. Для выявления допустимой социальной дистанции между респондентами и людьми с ВИЧ использовалась шкала Э. Богардуса.

Понятие «стигма» возникло еще в древней Греции — так назывались телесные знаки, которыми помечали «неудобных» для общества индивидов. Такая пометка на теле человека демонстрировала его социальный статус. Сегодня же стигмой называют любую характеристику человека, из-за которой люди относятся к нему хуже, чем к остальным, избегают его, дискриминируют.

В данной работе мы будем отталкиваться от теории стигматизации Ирвина Гофмана. Американский социолог дает следующее определение: «Стигма — это качество, выдающее какое-то постыдное свойство индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него» [2].

Чтобы понять, как стигма может появляться в умах людей, обратимся к работе социологов

Питера Л. Бергера и Томаса Лукмана о социальном конструировании реальности [3]. Через собственные знания и понимание человек каждый раз формирует свое представление о том, что есть норма, что есть должное и как следует себя вести. При недостатке знаний возникают проблемы в восприятии реальности. Так, мы можем предполагать, что дефицит знаний окружающих о ВИЧ приводит к стереотипизации и стигматизации людей с ВИЧ-положительным статусом.

Кандидат психологических наук Ю. С. Смирнова на основе эмпирического исследования разработала авторскую типологию стигматизирующих установок [4]. Критерий типологии — социальные установки в отношении стигматизируемых групп.

1. *Враждебное отношение.* Характеризуется негативным, агрессивным отношением к стигматизируемой группе.

2. *Жалость и сочувствие.* Характеризуется уже не агрессивным характером, а, наоборот, положительным. Человек из стигматизируемой группы представляется беззащитным, не имеющим возможности исправить ситуацию, безнадежным и обреченным на некие страдания.

3. *Позитивная установка.* Стигматизируемый представляется в благополучном положении или способным изменить свою жизненную ситуацию.

4. *Негативная установка на пассивность.* Характеризует человека в неблагополучном положении, в которое он попал не по своей вине. Однако он может исправить это, но ничего не предпринимает из-за своей пассивности.

5. *Интернальная атрибуция.* Установка о человеке, который попал в неблагоприятное положение по своей вине. Его поведение или отношение к реальности и является источником стигматизации.

6. *Экстернальная атрибуция.* Характеристика человека, поневоле являющегося душевно больным, который не может себя контролировать, неадекватен, не понимает, что делает.

В ходе глубинных интервью были выявлены следующие стигматизирующие установки среди информантов по классификации Ю. С. Смирновой: враждебное отношение, интернальная атрибуция, жалость и сочувствие (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Сравнительный анализ стигматизирующих установок преподавателей и студентов /
Comparative analysis of stigmatizing attitudes of teachers and students**

Преподаватели	Студенты
Враждебное отношение	
—	«Если человек выглядит, ну, прямо скажем, не очень, то я понимаю, что он либо колетса, либо бабник – у меня будет сразу негативное отношение» (студентка, девушка)
—	«Представляю что-то такое мерзкое, грязное (про больных ВИЧ). Например, наркотики, незащищенный секс и т.д. То есть этот человек в моих глазах упал почти» (студент, мужчина)
Интернальная атрибуция	
«Они неразборчивы, либо не думают о своем здоровье и здоровье партнера, это не моя тема» (преподаватель, женщина)	«Мне все-таки кажется, что люди, которые каким-то обычным путем заражаются, их мало. То есть больше все-таки это те, которые именно со всеми подряд» (студентка, девушка)
—	«Те, которые заразились, потому что они не соблюдали ничего, я их не жалею» (студентка, девушка)
Жалость и сочувствие	
«Он просто жертва в чистом виде, и его можно только пожалеть» (преподаватель, женщина)	«Их мне жалко» (студентка, девушка)
«Не буду давать ему те фронты работы, где внимательность требуется обязательно» (преподаватель, мужчина)	«Была бы более лояльной (чем к остальным)» (студентка, девушка)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Можно заметить, что установка на враждебное отношение проявляется у студентов обоих полов, в то время как такой тип стигматизирующих установок у преподавателей выявлен не был. Установку интернальной атрибуции среди представителей студенческой группы чаще выражают девушки, а также среди преподавателей — женщины. Самой распространенной среди обеих групп стала установка на жалость и сочувствие, она прослеживалась во всех подгруппах, кроме юношей-студентов.

Различные стигматизирующие установки, предубеждения и стереотипы становятся преградой для общения с людьми с ВИЧ-положительным статусом. Для выявления допустимой социальной дистанции между респондентами и людьми с ВИЧ использовалась шкала Э. Богардуса. Информантам были заданы вопросы об их возможности взаимодействовать с ВИЧ-ин-

фицированным на уровне публичного и социального пространства, дружеских и интимных/романтических отношений.

Так, на уровне публичного пространства (встречи на улице, в общественном транспорте) никаких барьеров нет.

На уровне деловых отношений (общение по работе, учебе) начинают возникать некоторые препятствия (табл. 2).

Можно заметить, что у мужчин-преподавателей и девушек-студенток препятствия во взаимодействии возникают только на уровне романтических отношений, в то время как у женщин-преподавателей и мужчин-студентов блок стоит, уже начиная с социального пространства (общение с коллегами по работе и учебе).

После вопросов об отношениях респондентов к ВИЧ-инфицированным на разных

**Сравнительный анализ социального дистанцирования преподавателей и студентов /
Comparative analysis of social distancing of teachers and students**

Преподаватели	Студенты
На уровне социального пространства	
«Я постаралась бы не пить из одного стакана» (преподаватель, женщина)	«Если отбросить лицемерие, то я бы стал относиться, скорее, хуже» (студент, мужчина)
«Подозрение какое-то бы возникло» (преподаватель, женщина)	«Представляю что-то такое мерзкое, грязное. Например, наркотики, незащищенный секс и так далее. То есть, этот человек в моих глазах упал почти» (студент, мужчина)
На уровне дружеских отношений	
«Мне такие люди не близки» (преподаватель, женщина)	«Очень долго держал бы дистанцию» (студент, мужчина)
На уровне интимных отношений	
«Не хотел бы, чтобы эта девушка постоянно глотала эти таблетки на моих глазах» (преподаватель, мужчина)	«Я не хочу, чтобы у моего ребенка было что-то со здоровьем» (студентка, девушка)
«Я бы, наверное, не стала. Ну, зачем мне такие лишние сложности» (преподаватель, женщина)	«Думаю, все равно рано или поздно это стало бы камнем преткновения» (студент, мужчина)

Источник / Source: составлено автором / complied by the author.

уровнях были заданы другие — относительно знаний о ВИЧ и СПИДе. Затем информантам дали правильные ответы, а также информационные карточки.

Информантов спросили, изменилось ли их мнение о ВИЧ-инфицированных после получения данной информации. Некоторые сказали, что не изменилось — ни в лучшую, ни в худшую сторону, а другие дали такие ответы:

«Теперь я не был бы таким категоричным» (студент, мужчина).

«Я хотел бы, чтобы больше людей были проинформированы на этот счет. Это однозначно» (преподаватель, мужчина).

Распространение информации дало положительный эффект. Помимо этого, во время интервью был выявлен интересный факт: ре-

спонденты выразили желание, чтобы в их университете появилась возможность бесплатно сдавать анализы на ВИЧ и другие заболевания:

«Это вообще отличная инициатива» (студент, мужчина).

«Конечно, это классно. То есть это было бы здорово, если бы такое ввели» (студент, мужчина).

«Воспользовалась бы, прекрасная возможность» (преподаватель, женщина).

Неодобрительное отношение к ВИЧ-инфицированным и отсутствие знаний по данной теме порой приводит к следующим эффектам:

Во-первых, в сознании индивида ВИЧ ассоциируется с болезнью наркоманов и с теми, кто имеет беспорядочные половые связи. Такие

установки были выявлены в ходе исследования. Так, некоторые информанты считают, что ВИЧ их не коснется, потому что они не ведут вышеуказанный образ жизни:

«Целенаправленно не сдавал (тест на ВИЧ). <...> Потому что не веду беспорядочный образ жизни и не являюсь наркоманом» (преподаватель, мужчина).

«[ВИЧ-инфицированные] со всеми подряд <...> Не собираюсь сдавать тест. Нет таких условий, в которых, как мне кажется, я могу заразиться» (студентка, девушка).

Во-вторых, люди боятся сдавать анализы (или сдавать их не анонимно), потому что окружающие станут относиться к ним хуже. Некоторые информанты высказали свое мнение об этом:

«Люди из-за такого негативного информационного фона как раз-таки и не идут массово сдавать анализы. Если делать, то анонимно, как я» (студент, мужчина).

«У нас вообще никто не согласен, чтобы данные о здоровье разглашались и автоматически направлялись в какие-то инстанции. И тут же станет известно на работе и везде. Это никому не нужно» (преподаватель, женщина).

«Не сдавала никогда (тест на ВИЧ) <...> Как-то страшно, что что-то выявят» (студентка, девушка).

Данные эффекты ведут к отсутствию профилактики распространения ВИЧ в России, что грозит негативными социальными и экономическими последствиями, среди которых [5]:

1. Сокращение продолжительности жизни граждан, снижение активности населения.
2. Снижение рождаемости, увеличение смертности и инвалидности среди населения.
3. Снижение количества трудовых ресурсов, их качества.
4. Увеличение государственных расходов на лечение инфицированных, лабораторные исследования, профилактику ВИЧ, обеспечение больных дорогостоящими лекарствами.

5. Увеличение количества детей-сирот, оставшихся после смерти больных родителей, увеличение расходов на их содержание.

6. Уменьшение налоговых поступлений в государственный бюджет.

Таким образом, отсутствие информированности ведет к стигматизации ВИЧ-инфицированных, а данное обстоятельство мешает людям добросовестно проходить профилактику, что способствует распространению заболевания и приводит к негативным социальным и экономическим последствиям для государства и населения.

Понятие «стигма» возникло еще в древней Греции – так назывались телесные знаки, которыми помечали «неудобных» для общества индивидов. Такая пометка на теле человека демонстрировала его социальный статус. Сегодня же стигмой называют любую характеристику человека, из-за которой люди относятся к нему хуже, чем к остальным, избегают его, дискриминируют.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно заключить, что социальной стигматизации ВИЧ-инфицированных способствует низкая информированность в области данного заболевания, в связи с чем доминируют установки на враждебное отношение, интернальную атрибуцию, а также жалость и сочувствие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асанова А. Секс без просвета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/14/seks-bez-prosveta>
2. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.
4. Смирнова Ю. С. Типы стигматизирующих установок. *Философия и социальные науки*. 2010;(3):45–49.
5. Драчук П. Э., Драчук Т. Э., Пешикова М. В., Пешиков О. В. Социальные и экономические аспекты проблемы распространения ВИЧ-инфекции в России. *Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области*. 2018;2(21):30–33.

REFERENCES

1. Asanova A. Sex without a light. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/14/seks-bez-prosveta> (In Russ.).
2. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (In Russ.).
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
4. Smirnova Yu. S. Types of stigmatizing attitudes. *Philosophy and social sciences*. 2010;(3):45–49.
5. Drachuk P. E., Drachuk T. E., Peshikova M. V., Peshikov O. V. Social and economic aspects of the problem of the spread of HIV infection in Russia. *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*. 2018;2(21):30–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Александровна Коршунова — бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Yulia A. Korshunova — bachelor of the 4th year of the faculty of social sciences and mass communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9032-2972>

yakorshunova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.09.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.09.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.